

Олег Шеин

АСТРАХАНСКИЙ КРАЙ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917–1919)

Олег Шеин

**Астраханский край в годы
революции и гражданской
войны (1917–1919)**

«Алгоритм»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)722

Шеин О. В.

Астраханский край в годы революции и гражданской войны (1917–1919) / О. В. Шеин — «Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-907028-74-6

Исследование депутата Государственной Думы России, дипломированного историка Олега Шеина посвящено истории революционных событий 1917–1919 годов в Астраханском крае. Московские и астраханские архивы, включая закрытые для публичного изучения архивы ФСБ, пресса той эпохи, воспоминания участников – полторы тысячи документов, введенных автором в научный оборот, позволяют увидеть время в его многообразии и противоречиях, а за названиями табличек на улицах – живых людей. Это первая подобного рода фундаментальная работа по российской региональной истории рассматриваемого периода, которая будет интересна как для широкого круга читателей, так и для профессиональных историков.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-907028-74-6

© Шеин О. В., 2018
© Алгоритм, 2018

Содержание

Глава 1. Астрахань накануне революции	7
Астраханская губерния	8
Экономика 1916	9
Образование и медицина	12
Выборы до революции: как это было	15
Казачество	16
Жизнь во время войны	17
Партии Астраханской губернии	19
Глава 2. Год первый: 1917-й	20
Мартовская революция в Астрахани	20
Исполком	22
Политическая палитра весны 1917 года	25
Советы	28
Продовольственный кризис	30
Отставка Ивана Бирюкова	31
Солдатские беспорядки в Астрахани	32
Волнения в уездах	35
Самосуды	37
Селяне и церковь	38
Рабочее движение	40
Крестьяне, казачество и горожане: разные дороги	42
Выборы в городскую Думу и Совет РСД	44
Большевики	46
Корниловское выступление	49
Сентябрьские волнения	51
Правые эсеры теряют Совет и приобретают Губисполком	54
Крестьяне не ждут	57
Очередной разгром винных складов	59
Рост низового насилия	60
25 октября	62
На пути к самостоятельной краевой власти	65
Создание Комитета народной власти	67
Выборы в Учредительное собрание	70
Профсоюзы	72
Комитет народной власти: организация	73
Ноябрьская забастовка	74
Земельный вопрос	77
Активизация правой демократии	78
Забастовка портных и судослужащих	80
Борьба левых за КНВ	81
Казаки и 156-й пехотный полк	86
Провозглашение Советской власти в уездах	89
Глава 3. Год второй: 1918	91
Гражданская война	91
Повод к войне	91
Выступление начато и остановлено	95

Война в условиях города	96
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Олег Шеин
Астраханский край в годы революции
и гражданской войны (1917–1919)

© Шеин О. В., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Глава 1. Астрахань накануне революции

Астраханская губерния

Астраханская губерния существенно отличалась от знакомой нам Астраханской области, вытянувшейся узкой полосой вдоль Волго-Ахтубинской поймы и дельты реки Волги.

Площадь губернии была вчетверо больше, поскольку она включала в себя почти всю территорию современной Калмыкии, казахстанскую Букеевскую орду и правобережье нынешней Волгоградской области.

У казахов (которых в то время называли киргиз-кайсаками или просто киргизами) и калмыков было некоторое подобие территориального самоуправления. Остальная часть губернии была разделена на пять уездов: дельтовый Астраханский, а также Красноярский, Енотаевский, Черноярский и Царевский.

Население региона составляло около 1,5 млн чел., из которых 714 тыс. были русскими, 354 тыс. – казахами, 190 тыс. – украинцами, 141 тыс. – калмыками и 102 тыс. – татарами¹. Значительные общины имели армяне, евреи, немцы и персы.

---

¹ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. Астрахань, 1958. С. 12.

Экономика 1916

К началу 1917 года вклад различных отраслей экономики в валовый региональный продукт был следующим:

- рыболовство – 36 %;
- скотоводство – 27 %;
- земледелие – 15 %;
- садоводство и бахчеводство – 7 %;
- промышленность, включая соледобычу – 15 %.

Губерния специализировалась на рыбодобыче. В тот период Астрахань поставляла 30 % всего российского объема продажи рыбы: примерно 330–400 тысяч тонн, формируя занятость более чем для 120 000 человек, включая иногородних сезонных рабочих.

Калмыки и киргизы специализировались на мясном животноводстве.

И в рыбодобыче, и особенно в скотоводстве сохранялись огромные феодальные пережитки.

Значительная часть водных ресурсов принадлежала церкви и потомкам древних именитых родов. Еще в 1681 году часть водного бассейна и прилегающей береговой зоны была передана Вознесенскому монастырю. В 1717 году отвели долю Чуркинскому монастырю. В 1750 году церковь получила в распоряжение реку Болда, включая стрелку в месте соединения с Волгой.

Вслед за церковью потянулись и князья. Формально государство продавало им водные угодья. Но, приобретя за небольшие деньги скромные участки, российское дворянство нагло захватывало государственные ресурсы, находившиеся рядом. Так, княжна Юсупова приобрела 1500 десятин, а сверх того самовольно присоединила 130 000 десятин, Салтыков купил 786 десятин, а захватил – еще 210 000. Астраханские рыбаки были должны платить им за право рыбной ловли, а власти смотрели на все это беззаконие сквозь пальцы. Лишь в 1842 году территория авандельты была взята под государственное управление, при этом вороватым князьям и графам выплатили за счет казны многомиллионные компенсации. Речные же пространства вплоть до 1917 года оставались в собственности феодалов.

Схожая картина возникла на реке Урал. Тысячекилометровая долина реки была отдана во владение малочисленному казачьему войску за символическую плату в 4692 рубля в год, причем размер платы не менялся с 1752 года².

Таким же образом огромные земельные наделы сохранялись у калмыцких и киргизских феодалов. Князь Тюмень, например, захватил 20 000 десятин земли, выселяя с нее по мере его необходимости калмыцкие семьи³.

Значительным естественным богатством была соль. Соль добывалась на Баскунчаке и ряде озер западнее Астрахани. Разработки вели около двадцати мелких компаний.

Промышленность была развита относительно слабо. Во всей губернии имелось только два десятка паровых машин, то есть уровень механизации был невелик.

Специализация экономики соответствовала задачам обслуживания рыбной и транспортной отраслей.

В 1914 году открылся рыбокомбинат, работали сетевязальная фабрика, три предприятия по производству ваты и около ста небольших бондарных и механических мастерских. В сред-

---

² Голос революции. 1917. 1917. 11 июня.

³ Астраханский листок. 1917. 21 апр. (4 мая).

нем на каждом предприятии трудилось только 23 рабочих, то есть они представляли собой небольшие артели⁴.

В то же время активное развитие получил водный транспорт. Братья Нобель, Маштаков, Лианозов и другие крупные предприниматели подняли состояния, перевоза бакинскую нефть в Центральную Россию. Именно в Астрахани был построен первый нефтеналивной танкер. До этого нефть разливали в бочки, которые просто укладывали на палубе.

Обслуживание флота требовало создания судостроительных и судоремонтных предприятий, строительства причальных стенок, складов и прочей портовой инфраструктуры. На Эллинге и на правом берегу Волги было построено девять современных судостроительных предприятий, на которых работало 2500 человек⁵.

В 1909 году было открыто железнодорожное сообщение между Астраханью и Саратовом. Поскольку строить мост через Волгу оказалось накладно, дорогу проложили не по правой, а по левой стороне поймы. Такое решение несколько позже отразилось на развитии населенных пунктов: правобережные уездные города Черный Яр и Енотаевск замерли и застыли в развитии, а на левом берегу появились новые города Ахтубинск и Харабали.

В 1916 году открылась городская электростанция.

В большинстве, однако, предприятия губернии были очень небольшими. Советские историки оценивают кадровый рабочий класс всего в 14 000–15 000 человек, еще около 100 000 человек трудились на сезонных заработках⁶. Большинство из них приезжало в губернию из других регионов.

Значительная часть губернской экономики была сформирована благодаря иностранным инвестициям и принадлежала, соответственно, иностранному капиталу. Французский бизнес контролировал товарищество «Нефть», рыбные промыслы фирмы «Лианозов и сыновья», судостроительную и транспортную компанию «Братья Нобель». Вместе с голландцами французы также обладали контролем над нефтяными компаниями Манташева, Меликова, Колесникова и над астраханским «Каспийским товариществом». Англичане были реальными владельцами Астраханских холодильников и рыбных промыслов Волкова. Фамилии русских владельцев не должны никого смущать, так как эти владельцы были глубоко закредитованы⁷.

За пределами губернского центра промышленность фактически отсутствовала. Астраханский и Красноярский уезды были преимущественно рыбопромысловыми, Черноярский и особенно Царевский – землепашескими, а в Калмыцкой и Киргизской степи доминировало мясное животноводство.

Отдельно следует упомянуть соледобычу, обеспечивавшую значительные доходы промысловикам и занятость примерно двадцати тысячам работников.

Обращаясь к сельскому хозяйству, отметим, что исторически в губернии не было крепостного права. Пустынные территории Нижнего Поволжья надо было осваивать, и поэтому правительство сквозь пальцы смотрело на бегство сюда крестьян из северных губерний. Лишь отдельные села целенаправленно заселялись крепостными, которых целыми деревнями привозили сюда их владельцы.

Поэтому доля помещичьих земель была небольшой. Зато огромные пространства земли принадлежали калмыцким и киргизским феодалам, формально числясь за соответствующими этническими общинами. Если у русских крепостничество было отменено в 1861 году, то закон об отмене рабства у калмыков был принят только в 1892 году⁸.

---

⁴ Верейн Л. Е. Борьба за установление советской власти в Астрахани. Астрахань, 1957. С. 7.

⁵ Государственный архив Астраханской области (далее ГААО). Ф. 1281. Оп. 1. Д. 182. Л. 6.

⁶ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. Астрахань, 1958. С. 13.

⁷ Оль П. В. Иностранные капиталы в России. М., 1922.

⁸ Астраханский листок. 1917. 17 марта.

Из 20 млн десятин земли у крестьян было всего 2,5 млн, у казачества – 0,8 млн, у государства и церкви – 1,9 млн, зато у киргизов и калмыков – 14,6 млн⁹.

---

⁹ Труды II краевого съезда Советов. Астрахань, 1918. С. 134.

Образование и медицина

Из числа астраханских детей школу посещали только 52 %, но при этом сам уровень образования был низким. Речь можно вести о 3–4-летних курсах, позволявших освоить умение читать и писать, а также осуществлять простейшие арифметические действия. На 94 школы города Астрахани имелось всего 96 учителей¹⁰!

По доле обучающихся детей губерния входила в число худших в империи: на 1000 жителей приходилось только 35,5 ученика при среднем показателе по стране 52,2¹¹.

Впрочем, даже открытые школы не выполняли установленную программу. Активное использование детского труда означало, что с началом путины и сельхозработ учеба прекращалась. Это была абсолютно официальная практика, в Красноярском уезде, например, утверждавшаяся даже съездами самих учителей¹².

Развитие образовательной сети блокировалось властями, относившимися к грамотным людям с подозрением. В пограничной торговой Астрахани, где остро ощущалась потребность в подготовленных кадрах, местные власти заявили о «давно назревшей, а теперь даже вопиющей потребности» в открытии второй гимназии. Николай II отсек: *«Ни в коем случае не гимназию, а разве техническое училище»*. Несмотря на препоны, в 1911 году вторая гимназия все же была открыта. Также работала Мариинская женская гимназия на 400 мест. В 1914 году был открыт и первый детский сад на 40 мест. Но не будет преувеличением сказать, что образование, как и медицина, находилось на задворках внимания государственной машины.

Доля расходов на образование в богатой Астрахани была одной из самых низких среди городов империи¹³:

1915 год	Общие доходы местного бюджета (млн руб.)	Затраты на об- разование (млн руб.)	% расходов на образова- ние
Саратов	5,39	1,7	31
Оренбург	1,07	0,23	22
Царицын	1,63	0,32	20
Ставрополь	0,69	0,13	17
Астрахань	3,74	0,31	8

Преодолевая равнодушие государства, миссию просвещения брали на себя частные лица. В 1895 году была открыта частная женская школа Надежды Шавердовой, в 1906 году – женская гимназия Иодоковской, в 1914 году – женские гимназии Пальцевой и Бенземан. В общей сложности к началу мировой войны в них учились 1170 девочек.

Преподавать, впрочем, тоже было некому. Учительский институт возник только после падения царизма – в октябре 1917 года, став делом не столько государства, сколько группы частных лиц¹⁴.

¹⁰ Кирокосьян М. А. Очерки истории школьного образования в Астрахани. Астрахань, 2008. С. 97.

¹¹ Русский календарь А. Суворина. Петроград, 1916. С. 132.

¹² Астраханский листок. 1917. 23 марта (5 апр.).

¹³ Голос революции. 1917. 28 мая.

¹⁴ Астраханский листок. 1918. 18 июля.

Еще хуже обстояло дело со здравоохранением. В 1910 году в огромной губернии имелось только 140 врачей, то есть 11 докторов на 100 000 населения. Условия госпитализации были ужасными: в больницах умирал каждый десятый пациент, это был худший показатель среди 50 губерний европейской части России. За год заболели туберкулезом 2308 человек, тифом – 2108, холерой – 1967, цингой – 707, сифилисом – 5606, чесоткой – 9101. Стоит также упомянуть оспу, корь и дизентерию. Дизентерией болел каждый сороковой, малярией – каждый двадцатый. Свыше 22 000 человек получили травмы, преимущественно производственные¹⁵.

При этом реальные цифры травматизма и заболеваний, очевидно, были существенно выше, так как население губернии существенно реже обращалось к врачам, чем в других территориях. Это было вполне естественно, так как, например, в уездах на одного доктора приходилось 18 000 жителей, медицина была платной, а представления людей о санитарии и здравоохранении – самыми дремучими. Одной из причин распространения холеры было упорное нежелание населения пить кипяченую воду. Нищие кочевники вообще передавали друг другу одежду умерших. В отчетах Астраханского общества врачей описывается эпидемия чумы в киргизской степи, где вымирали целые поселки, но информация об этом приходила в Астрахань спустя годы¹⁶.

В среднем на одного астраханца в год приходилось 87 копеек государственных расходов на медицинскую помощь.

Смертность в 1911 году составила 34,5 случая на 10 000 населения, то есть была втрое выше, чем сегодня¹⁷.

Крайне сложно говорить о благоустройстве. Да, в Астрахани появились электростанция, водопровод и трамвай. Но львиная доля населения могла только взирать издали на эти чудеса цивилизации. У них не было ни электроэнергии, ни канализации.

Местная налоговая система не очень поощряла благоустройство города. Если налог на прибыль в отношении доходных домов составлял всего 9 %, то в отношении трамвайного предприятия, скотобоен и электростанции – 20 %¹⁸. Местные органы власти мало интересовались жизнью горожан, и даже жесты благотворительности не находили у них поддержки. Характерен случай с библиотекой, пожертвованной купцом Репиным в пользу астраханцев. Ее просто свалили в подвал¹⁹.

Работники жили в деревянных хижинах с соломенными крышами, перенаселенных бараках, а то и в землянках.

Вот, например, описание жизни рабочих соляных баскунчакских промыслов – 15 000 человек: «землянки имеют приблизительно одинаковые размеры: длина 3 1/2 арш., ширина 2 аршина, высота 2 1/3 аршина, между тем обыденное явление, что в такой землянке живут 10 человек (обыкновенно одна семья в 4–6 человек и рабочих, работающих в артели, 4–5 человек)... Пребывание рабочих на соляном озере голыми ногами в рапе вызывает у них изъязвления кожи, которые под влиянием той же рапы разъедаются и причиняют значительные боли. Рабочие заливают эти раны коллодиумом: защитить ноги от рапы какой-либо обувью до сих пор не удавалось, так как вся такая обувь должна быть с очень длинными голенищами, она затрудняет и мешает работать, а с другой стороны, и нет материала, который мог бы противостоять более или менее продолжительное время этой сильно концентрированной рапе»²⁰.

---

¹⁵ Статистический ежегодник России. Петербург.

¹⁶ Высоцкий Н. Ф. Астраханская чума: с картой. Казань, 1911.

¹⁷ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг., 1915.

¹⁸ Голос революции. 1917. 25 июня.

¹⁹ Голос революции. 1917. 7 мая.

²⁰ Труды III краевого съезда Советов. С. 61.

Зарплата также была невысока. Официанты, например, трудились по 18 (!) часов в день, получая всего 12 рублей в месяц²¹. Этих денег едва хватало, чтобы снять комнату. Поэтому они перебивались чаевыми.

---

²¹ Луч. 1917. 25 мая.

Выборы до революции: как это было

Для понимания, почему здоровье, образование, культура и благоустройство города были столь далеки от интересов властей, следует отметить, что местные начальники от астраханцев не зависели никак. Существовала городская Дума, но право выбирать в нее предоставлялось только для крайне узкой богатой части населения. Мнение остальных значения не имело.

В Астрахани имущественный ценз для участия в выборах в конце XIX века составлял 1000 рублей. С 1897 года он был увеличен до 1500 рублей и впоследствии не уменьшался. В результате из общего числа горожан, составлявшего 113 001 человек, избирательным правом были наделены 1,8 % населения (чуть более двух тысяч человек)²². Такие выборы были малоинтересны даже для богатой части общества, и явка на них редко превышала 20–25 %²³.

Число избирателей в Астрахани			Явка на выборы в Астрахани		
1892	1901	1913	1892	1901	1913
2121	2383	2495	465	473	562

В 1915 году на очередные выборы из 2978 избирателей пришло всего триста человек.

²² Липчанский А. М., Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В., Казаков П. В. Столица преславной провинции. Астрахань, 2008. С. 89–90.

²³ ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1702. Л. 2–3.

Казачество

Астраханское казачество вовсе не стояло особняком от остального населения. Здесь, на Нижней Волге, не было такого драматического противостояния казаков и «иногородних», как на Дону.

К началу 1914 года в сословии числилось 39 400 человек, в том числе около 4000 служивого разряда и порядка 5700 – отставников. Две трети отставников были моложе 60 лет, то есть годны к призыву, с определенными ограничениями, конечно.²⁴

Территориально войско разделялось на два отдела – I (южный, охватывающий современную Астраханскую область) и II (северный, с центром в Камышине).

Основная масса казаков была небогата. Среднегодовой бюджет казачьей семьи не превышал 200 рублей, в то время как снаряжение и конь в случае мобилизации обошлись бы вдвое дороже. К началу войны 4 % всех хозяйств пришли в такой финансовый упадок, что казаки были вынуждены отдать свои наделы за долги станичным правлениям. Понятно, что после этого глава семьи и его сыновья переходили в категорию батраков²⁵.

В 1914 году в Астраханском войске было три казачьих полка, первые два из которых отправили воевать против германцев и австрийцев. 3-й полк оставался в городе.

---

²⁴ Отчет о состоянии Астраханского казачества. Астрахань, 1915.

²⁵ Антропов О. А. Астраханское казачество. М., 2008. С. 19.

Жизнь во время войны

Астраханская губерния столкнулась с теми же проблемами, что и другие российские регионы.

Губерния по праву считалась рыбными закромами страны, но начавшаяся Первая мировая война резко сократила число работников, и объемы вылова рыбы упали. 1914 год – добыто 290 тысяч тонн рыбы, но уже в 1916 году улов сократился до 178 тысяч тонн²⁶.

Общий распад экономики царской России, неспособной вынести тяжесть участия в мировой войне, привел к тому, что весной 1917 года в повестку встал вопрос о прекращении железнодорожного сообщения Астрахани с Центром: не хватало паровозов²⁷. Возникли перебои с товарами: если раньше поезд из Владивостока с грузом американских промтоваров и китайского чая доходил до Москвы за пять недель, то теперь ему требовалось три месяца²⁸.

С тем чтобы ограничить дороговизну, в марте 1916 года губернатор Соколовский вводит твердые цены на картофель, а в августе того же года – на помидоры, лук, огурцы, капусту, дыни и даже арбузы²⁹.

Росли цены. К лету 1915 года плата за аренду жилья повысилась в полтора раза и составляла от 15 до 32 рублей в зависимости от условий. При зарплате в 30–40 рублей в месяц это были очень существенные расценки³⁰. Не хватало и рабочей силы. Только из Тишково на фронт ушло 110 человек – почти все мужчины призывного возраста³¹.

Огромные потери понесли мобилизованные на прифронтовые работы калмыки. Каждый четвертый из них умер, а каждый второй заболел ревматизмом, пневмонией и иными простудными заболеваниями³².

Сказать, что призывники испытывали большой патриотический восторг, нельзя.

В сентябре 1915 года в Астрахани прошли массовые беспорядки, устроенные мобилизованными, преимущественно жителями села. В ожидании отправки на фронт молодежь решила провести оставшиеся дни весело. По городу разошлись толпы, певшие песни и игравшие на гармонии. По ходу они интересовались у городских, почему те собираются отсиживаться в тылу, а не идут на фронт.

На Банной улице³³ несколько десятков призывников решили разгромить дом терпимости, расположившийся в частном владении Бокова. Они преуспели, но полиция смогла остановить беспорядки и задержала несколько человек. Следующая вспышка насилия последовала на пристани, где призывник подрался с персом, торгующим виноградом. К персам имелось предубеждение, и толпа разнесла рынок. Дальше, разрастаясь поминутно, она перешла к немецким магазинам, принадлежавшим Шмидту, Рейнеке, Мейзеру и Фиту, торговавшим мукой, магазину платья Линде, магазину «Граммфон» на Никольской улице, магазину Зингера на Шоссейной улице³⁴, посудному магазину Шлейна и магазину платья Скопелетте. Порыв быстро охватил весь город. Громили магазины, независимо от национальности владельца. В беспорядках участвовали русские, татары и даже немцы. Пострадало кафе Шарлау, обувной магазин Фабри-

---

²⁶ Мамаева С. В. Промышленность Нижнего Поволжья в период Военного коммунизма, 1918 – весна 1921: диссертация. С. 131.

²⁷ Астраханский листок. 1917. 15 (28) апр.

²⁸ Астраханский листок. 1917. 27 июля.

²⁹ ГААО. Ф. 900. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

³⁰ ГААО. Ф. 290. Оп. 6. Д. 6. Л. 111.

³¹ Труды II краевого съезда Советов. Астрахань, 1918. С. 327.

³² Астраханский листок. 1917. 4 авг.

³³ Совр. ул. Анатолия Сергеева.

³⁴ Часть совр. ул. Адмиралтейская от Красной Набережной.

кантова, часовая лавка Шубова – всего 41 магазин на Пристани, ул. Никольской, Набережной Кутума, ул. Полицейской³⁵, ул. Б. Демидовской³⁶, ул. Московской³⁷, ул. Сапожниковской³⁸ и на Селенских Исадах. Погромы продолжались два дня. Было арестовано 126 человек, не считая десяти подростков³⁹.

Спустя полтора года события повторились.

27 января (9 февраля по новому стилю) 1917 года на Селениях толпа, состоявшая преимущественно из женщин, сбила замки со складов и захватила запасы муки. Мука быстро разошлась по населению. Полиция не решалась вмешиваться, поскольку толпа была весьма значительной.

Ни о каком спокойствии не было и речи. Население было наэлектризовано и крайне недовольно. При этом никакой политической агитации в Астрахани не велось.

Напротив, с началом войны политическая жизнь губернии замерла.

---

³⁵ Совр. ул. Кирова.

³⁶ Совр. ул. Свердлова.

³⁷ Совр. ул. Советская.

³⁸ Совр. ул. Коммунистическая.

³⁹ ГААО. Ф. 290. Оп. 6. Д 6. Л. 2–23.

Партии Астраханской губернии

В социал-демократической среде доминировали меньшевики. Их лидерами были ссыльные Аствацатуров и Смирнов. Перед началом мировой войны они проявляли некоторую активность и даже выпускали газету «Астраханский край» ликвидаторской направленности. Вышло 19 номеров. Кроме того, на подпольном гектографе печатались листовки. Их тираж был невелик – 500–600 штук. Желатин и глицерин для гектографа активисты партии покупали в аптеках⁴⁰. На V съезде РСДРП именно меньшевики представляли губернию. На выборах в Государственную думу астраханские социал-демократы вообще поддержали кадетов.

У меньшевиков все было хорошо, пока в город не сослали Сергея Шаумяна. Энергичный ленинец быстро сошелся с профсоюзным активистом Александром Трусовым и провел собрание партийных рабочих. Пришли рабочие с заводов Нобеля и Норен, селенских бондарных мастерских, трамвая, пароходства и портняжных мастерских. Собрание поддержало газету «Правда». Люди решили собирать деньги, чтобы выписывать ленинскую газету и распространять ее среди своих товарищей.

Меньшевики оказались вытеснены в чисто интеллигентскую среду – общество трезвости, Народный университет и союз потребителей.

С началом мирового конфликта социал-демократы уснули. Шаумяна выслали еще дальше. Трусов был арестован и отправлен в Самару. Меньшевики заняли ура-патриотические позиции и прекратили всякую оппозиционную работу. Столь же невыразительно обстояли дела у эсеров. Самым известным в их среде был Нифонт Долгополов. Долгополову был 61 год, он провел значительную часть жизни в ссылке, избирался депутатом I Госдумы. Врач по образованию, он не брал денег с бедных и даже сам покупал им лекарства. Это был известный человек. Долгополова знали Семашко, Горький, Короленко, Чехов. В Астрахани он оказался в результате очередной ссылки, но быстро заслужил уважение в местном обществе и даже был избран в городскую Думу.

Но листовок эсеры не выпускали, собраний не проводили и шли в фарватере тех же кадетов.

В целом политическая жизнь в городе замерла. Разве что руководитель местных монархистов Тиханович-Савицкий время от времени писал тайные жалобы, предлагая привлечь к ответственности того или иного начальника за недостаточное чувство верноподданности. Сразу после падения монархии, разобравшись с архивами МВД, журналисты начнут обнародовать эти письма. Одно из посланий, например, было отправлено 23 января 1917 года в адрес министра внутренних дел Протопопова и содержало предложение «привлечь по высшей мере наказания астраханского городского голову Кравченко и гласного Долгополова за оскорбление царицы»⁴¹. Губернатору Соколовскому такие эпистолярные не нравились. Он конфисковывал черносотенные газеты, организовал уголовное дело против ее редактора, запрещал шествия, а самого Тихановича-Савицкого посадил на месяц в тюремный замок. В результате численность местного «Союза русского народа» сократилась с двух тысяч до ста человек.

---

⁴⁰ Луч. 1917. 22 апр.

⁴¹ Известия. 1918. 17 сент.; Астраханский листок. 1917. 14 (27) мая.

Глава 2. Год первый: 1917-й

Мартовская революция в Астрахани

1 марта 1917 года Николай II стал гражданином Романовым. Гражданство в этот день обрели еще 180 миллионов человек. До Астрахани новости дошли через сутки, поскольку губернатор Соколовский попытался сохранить телеграмму об отречении втайне⁴². Его попытка не имела никакого результата. Информация все равно стала общеизвестной. За считанные часы все начальники надели красные банты. Красные банты надела и казачья верхушка.

Городская дума и Губернское земское собрание, представлявшие преимущественно состоятельные кадетские круги, собрались на срочное закрытое заседание. У здания образовалась толпа, требовавшая гласности.

Быстро организовавшиеся между собой эсеры и социал-демократы сформировали делегацию и пришли в Думу. Они потребовали создания коалиционного органа власти и своего представительства в нем. Их требование было выполнено, тем более что оно не противоречило интересам заседавших в местном самоуправлении торгово-промышленных кругов⁴³.

Меньшевик Аствацатуров и доктор Долгополов вышли к народу рассказать о результатах переговоров: решением собрания депутатов был избран Исполнительный комитет, которому и переходила власть. В Исполком вошли кадеты Ляхов и Шмарин, эсеры Чернобаев, Бук и Георгий Иванов, социал-демократ Аствацатуров, редактор либерального «Астраханского листка» Склабинский, а также Романов и Хагапаев. Врио губернатора они назначили казачьего атамана Ивана Бирюкова. Ничего не знавший об этом совещании настоящий губернатор Соколовский отсиживался дома в пяти минутах ходьбы от Думы. Вскоре к нему пришли.

Современник записал: «К шести вечера вся Московская улица и улица Полицейская у здания губернатора была занята сплошной массой народа, преимущественно молодежи. На балкон вышел губернатор Соколовский: – Господа, поздравляю вас с новой жизнью (крики „ура!“). У нас теперь новое правительство, назначенное избранниками народа! Я слуга нового правительства и буду исполнять то, что мне прикажут!»⁴⁴

Спустя полтора часа взявший на себя управление гарнизоном бывший командир 156-го пехотного полка полковник Маркевич сообщил руководству Думы, что он арестовал Соколовского. Это мероприятие было поддержано, и губернатора отправили в тюрьму⁴⁵. Туда же были отправлены полицмейстер Рабуш, начальник жандармерии Минкевич, председатель Астраханской народно-монархической партии Тиханович-Савицкий и три его ближайших сподвижника. Арестовали начальника сыскного отделения Легкодимова, весь сыск, участковых приставов,

---

⁴² Жилкин В. А. Социалистические партии в дни падения монархии в России (по материалам Нижнего Поволжья // Поволжский край. Вып. 12.

⁴³ Из выступления представителя г. Астрахани тов. Заварзина на областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 23 марта 1917 г. // Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918). М.; Л., 1931. С. 62.

⁴⁴ Астраханский листок. 1917. 17 марта.

⁴⁵ Соколовский просидел в тюрьме недолго. Он вышел на свободу, устроился в Москве в страховое общество и умер от сердечного приступа спустя год. См.: Астраханский листок. 1918. 24 мая.

околоточных и городских. Арестами руководил социал-демократ Аствацатуров, которому в помощь выделили солдат из полка.

Арестованные лица выражали крайнее удивление. Они всерьез рассчитывали на продолжение своей руководящей деятельности. «Это недоразумение, – пытался втолковать конвоирам губернатор, – я могу, в крайнем случае, принять присягу». «Дайте мне по шапке, – говорил начальник полиции, – но не арестовывайте меня. Ну, зачем я вам?»⁴⁶

Вместо разогнанной полиции на патрулирование вышли солдаты местного гарнизона.

Впрочем, сидеть задержанным пришлось недолго. Аресты среди членов присутствия Войскового Казачьего правления вызвали некоторый протест среди казаков, что вынудило новые власти пойти на уступки⁴⁷. Вначале освободили казачьих офицеров, затем чиновников. Хуже всех пришлось городovým – их принудительно отправили на фронт⁴⁸.

---

⁴⁶ Астраханский листок. 1917. 18 марта.

⁴⁷ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

⁴⁸ Астраханский листок. 1917. 20 марта (2 апр.).

Исполком

Вернемся к губисполкому, избранному городской Думой в качестве нового органа власти. Он разместился в бывшем доме генерал-губернатора на углу Московской и Полицейской улиц⁴⁹. К концу марта исполком разросся до 61 человека⁵⁰. Свое представительство получили депутаты гордумы (11 человек), земства (еще девять), казаки (семеро), Советы (еще семеро) и т. д. Кадетов представляли Моисей Дайхес и Гулишамбаров, социал-демократов – инженер Федор Кругликов и присяжный поверенный Роман Аствацатуров, а эсеров – Николай Долгополов.

Разумеется, такой раздутый орган оказался недееспособен, и внутри него быстро оформилось руководящее ядро.

Председателем Губернского исполкома стал казак, выпускник Санкт-Петербургского университета и городской голова, 40-летний Николай Ляхов⁵¹. Он также возглавлял местных кадетов, что само по себе подчеркивало своеобычность Астрахани – в других губерниях казаки относились к кадетам отрицательно, считая их либералами и плохими патриотами. Заместителями Ляхова стали эсдек Аствацатуров и бундовец Айзенштадт⁵².

Комендантом города стал тоже казак, командир 3-го казачьего полка полковник Иван Стрелков. В его подчинение переходили пехотные части, расквартированные в Астрахани, и в первую очередь 156-й пехотный полк. Командиром этого полка тоже был казак, войсковой старшина Алексеев.

Наконец, врио губернатора стал 60-летний войсковой атаман Иван Бирюков. Заместителями при нем были избраны владелец сетевязальной фабрики Александр Складчин и 70-летний народоволец Михаил Шебалин, отбывший долгие годы в Шлиссельбургской крепости, на каторге и в ссылках, а теперь работавший в волжской страховой фирме⁵³.

Спустя несколько дней Временное правительство переименовало старорежимные должности «губернаторов», после чего атаман Бирюков стал называться комиссаром.

Население быстро политизировалось.

По городу прокатилась волна массовых митингов в поддержку революции и нового республиканского правительства. Только на Форпосте в собрании участвовало более 1000 работников.

В большом зале городской Думы при массовом скоплении астраханцев происходили ежедневные народные митинги, на которых ораторы различных партийных организаций выступали с изложением взглядов на задачи, стоящие перед обществом. Кадеты, эсеры и социал-демократы сходились на лозунге выборов в Учредительное собрание, которое и должно было определиться о будущем пути страны.

В этих обстоятельствах цензовая городская Дума без всяких дополнительных выборов приняла решение кооптировать в свой состав двадцать социал-демократов, эсеров, кадетов, народных социалистов, представителей рабочих и солдат, а также казачества⁵⁴.

Без всякого промедления 2 марта социал-демократы и эсеры заявили о создании Совета рабочих депутатов. Понятно, что времени для проведения собраний на заводах у них не было,

---

⁴⁹ Совр. ул. Кирова, 21.

⁵⁰ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 53. Л. 16, 16 об.

⁵¹ Ляхов Николай Васильевич, род. в Черном Яру, окончил юрфак Санкт-Петербургского университета, работал присяжным поверенным, многократно выбирался в городскую Думу, белоэмигрант, в годы Второй мировой войны поддерживал гитлеровцев, в частности казачий корпус фон Панвица.

⁵² Астраханский листок. 1917. 7 (20) марта.

⁵³ Астраханский листок. 1917. 6 (19) марта.

⁵⁴ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 4. Л. 194 об.; Астраханский листок. 1917. 22 апр. (5 мая).

но в Совет вошли общепризнанные лидеры профсоюзов, а полномочия им были даны проведенными в течение нескольких дней собраниями на предприятиях. Была установлена и норма представительства: на каждые 20–50 человек по одному депутату, а на каждые сто – по два⁵⁵.

Председателем Совета рабочих стал социал-демократ Федор Кругликов, его заместителем – эсер Константин Бакрадзе, а секретарем – эсер Олег Михайлов⁵⁶.

Социал-демократ Кругликов отправился в гарнизон, предлагая солдатам присоединиться к Совету рабочих депутатов и направить туда своих представителей. Его товарищ по партии 60-летний Аствацатуров получил от губисполкома мандат на создание городской милиции. Милицию он решил формировать в основном из числа гимназистов⁵⁷.

Под гимназистами надо иметь в виду не школьников-подростков, а физически крепких юношей – выпускников старших классов. Гимнастические занятия и тренировки со штангой и турникетами посещало 60 детей в возрасте до 12 лет, а среди старшеклассников их было, очевидно, не меньше⁵⁸. Этот юношеский гимнастический союз назывался «обществом Сокол».

Уже 4 марта по случаю революции «Сокол» организовал народные гуляния с играми, упражнениями и лекцией социал-демократа Сарабянова⁵⁹.

Правда, примерным поведением юноши в синих и желтых фуражках не отличались. Обычным явлением в городе были массовые драки между гимназистами и реалистами, нередко с применением ножей⁶⁰.

Однако для формирования милиции гимназистов не хватало. Спустя три дня губисполком стал зачислять в милицию рабочих добровольцев, поручив возглавить ее социал-демократу Федору Кругликову⁶¹. Записаться могли все желающие. Приемный пункт был открыт в кинотеатре «Модерн»⁶². Если студенты патрулировали центр города, то рабочие – окраинные 3-й, 5-й и 6-й участки, то есть Селены, Бакалду и Эллинг⁶³. Казачество тоже демократизировалось. Уже 4 марта на Войсковом круге они постановило исключить из своих рядов «генералов и офицеров, которые получили это звание, не будучи казаками по происхождению, одни из корыстных, а другие из тщеславных соображений». Персонально исключение затронуло экс-губернатора Соколовского и черносотенца Тихоновича-Савицкого⁶⁴.

10 марта на площади перед Покровской церковью состоялся революционный митинг. Ему предшествовала многотысячная демонстрация под красными флагами, начавшаяся от Кремля. Впереди шло казачество. За ним – эсеры и социал-демократы, а потом рабочие союзы, учителя и даже кадеты⁶⁵. Гарнизон провел торжественное построение и парад. Возглавлявший парад полковник Маркевич получил от генерала Бирюкова саблю в серебряных ножнах. Городской голова Ляхов произнес проникновенную речь про свободу, а казачий полковник Соколов призвал на коленях почтить память павших борцов с царизмом⁶⁶.

Чиновники и офицеры эпохи монархии всерьез полагали, что будут и далее всем управлять, достаточно только сменить цвет флага.

---

⁵⁵ Астраханский листок. 1917. 6 марта.

⁵⁶ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

⁵⁷ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 9 об.

⁵⁸ Астраханский листок. 1917. 19 мая (1 июня).

⁵⁹ Наша жизнь. 1918. 25 июля.

⁶⁰ Коммунист. 1918. 20 окт.

⁶¹ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 24 об.

⁶² ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

⁶³ Астраханский листок. 1917. 8 (21) марта.

⁶⁴ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 2. Л. 17 об.

⁶⁵ Народная газета. 1917. 16 марта.

⁶⁶ Астраханский листок. 1917. 12 (25) марта.

Но очень скоро выяснилось, что встававшие перед обществом социальные проблемы не могут быть отброшены в сторону, а различные социальные группы имеют совершенно разное представление о том, что является общественным благом. 7 апреля состоялся Большой войсковой круг Астраханского войска. Круг определился по двум вопросам: воевать до победного конца, а второе, государственную, помещичью и церковную (!) землю разделить и отдать казакам. Так что в отношении экспроприации церковной собственности была занята вполне социалистическая позиция⁶⁷. Также было высказано решение раз и навсегда отменить ношение и применение нагайки, которая стала символом участия казачества в карательных акциях против собственного народа⁶⁸.

По завершении круга прошло торжественное перезахоронение казаков А. Ежова и А. Сережникова, казненных годом ранее по приказу губернатора Соколовского. Казаки были виноваты в том, что отказались участвовать в разгоне голодного выступления астраханцев. На перезахоронение собралось несколько тысяч человек. Очевидец описывал: «шествие представляло собой трогательную картину, особенно когда над гробами был поднят малютка, сын одного из казненных казаков»⁶⁹.

---

⁶⁷ Астраханский листок. 1917. 11 апр.

⁶⁸ Доклад Казакова Е. В. // II Бирюковские чтения. Астрахань, 2010. С. 48.

⁶⁹ Наша жизнь. 1918. 25 июля.

Политическая палитра весны 1917 года

В отличие от других регионов, астраханские эсеры не гнались за численностью. Здесь нельзя было просто подать заявление в партию и считать себя ее членом. Требовалась рекомендация как минимум двух партийцев.

Эсеры хоть и медленно, но развивали активность. Лишь в середине апреля они выпустили первый номер своей газеты «Голоса революции».

2 мая состоялось общее собрание эсеров. Вместо стихийного оргкомитета теперь было избрано бюро. В него вошли девять человек, включая Чернобаева, Шебалина, Якиманского и Олега Михайлова.

Лидером организации стал 32-летний Дионисий Чернобаев. Уроженец Феодосии, во время обучения в Санкт-Петербургском университете он примкнул к студенческому движению и партии эсеров. В декабре 1905 года Чернобаев был арестован, помещен в знаменитые «Кресты», где провел полгода. Вышедши из тюрьмы, он уехал во Францию, затем вернулся в Россию и закончил обучение. В 1916 году Чернобаев был опять арестован за социалистическую агитацию и сослан в Астрахань⁷⁰.

Эсеры активно создавали организации в уездах. Было очевидно, что на предстоящих демократических выборах кадетам не стоит ожидать больших успехов, поэтому массы политически активных образованных людей потянулись к эсерам. Уравнительное распределение земли затрагивало интересы только помещиков и феодалов, а рабочий вопрос для социалистов-революционеров был периферийным. Поэтому конфликта интересов с буржуазией у них не было, а сама партия выглядела крайне перспективной за счет массовой поддержки села. Партия быстро набирала численность.

18 мая открылась 1-я губернская конференция ПСР. Она выразила поддержку Временному правительству, правда, не абсолютную – а лишь до той поры, пока центральные Советы сочтут возможным участвовать в этом правительстве. Конференция призвала к миру без аннексий и контрибуций, но осудила идею сепаратных переговоров и даже братаний на фронтах⁷¹. Особенно резок по отношению к немцам был доктор Долгополов, произнесший резко ксенофобскую речь, за которую эсерам стало стыдно и от которой они публично отмежевались⁷².

Менее энергично продвигалось дело у социал-демократов. К середине весны их организация выросла примерно до 80 человек, из которых лишь 10–12 разделяли позицию большевиков, а остальные стояли существенно правее. 18 марта общее собрание эсдеков приняло резолюцию о мире, в которой недвусмысленно было сказано, что пока Вильгельм II находится у власти, никакого мира быть не может, «ибо мир, который был бы навязан правительством Вильгельма II, означал бы победу реакции»⁷³.

Эсдеки сосредоточились на работе в профсоюзах. Выдающимся представителем левого крыла партии был 30-летний Александр Трусков. Уроженец Борисоглебска (Тамбовская губерния), сын печника и прачки⁷⁴, Трусков еще в детстве потерял отца, рано начал работать и благодаря природному уму быстро нашел место конторщика в магазине. В 1904 году он вступает в партию, спустя год во время первой революции участвует в рабочей дружине, а после подавления восстания скрывается у сестры в Китае (Харбин). По возвращении в Россию его снова

---

⁷⁰ Голос революции. 1917. 5 нояб.

⁷¹ Голос революции. 1917. 25 мая.

⁷² Голос революции. 1917. 15 июня.

⁷³ Астраханский листок. 1917. 19 марта.

⁷⁴ Пролетарская мысль. 1919. 26 апр.

арестовывают и в 1909 году ссылают в Астрахань. Уже в мае 1912 года Трусов организывает на Селенах забастовку бондарей⁷⁵.

После свержения царизма Александр Евдокимович становится одним из общепризнанных лидеров астраханских работников. Сотни астраханцев собираются, чтобы выслушать его мнение. Только лекция Трусова в театре «Зорька» на Форпосте собирает более 400 человек⁷⁶. Трусов практически сразу становится лидером левого крыла партии, и 30 апреля объединенное собрание социал-демократов избирает его делегатом на Всероссийскую конференцию РСДРП (от правого крыла делегатом становится А. Иванов)⁷⁷.

Ближайшими товарищами Александра Трусова по рабочему движению и партии становятся металлист Федор Трофимов, пекарь Иван Лемисов и портной Павел Унгер.

Роль Федора Трофимова в астраханской истории недооценена, и о нем надо сказать отдельно. Трофимов родился в пензенском селе, работал с 11 лет вначале на местных кулаков, а затем подался на заработки в рыбную Астрахань. Здесь Трофимов поступил матросом на буксирное судно, освоил профессии слесаря и котельщика, успел пожить в Баку и во время первой русской революции вступил в социал-демократическую партию.

Если ленинцы сосредоточились на предприятиях, то меньшевики чувствовали себя лучше среди служащих. В начале апреля более шестисот работников городского хозяйства, включая чиновников и учителей, пришли на общее собрание, которое вел меньшевик Абдушели⁷⁸. Поддерживали правое крыло и печатники, проголосовавшие в июне за избрание Абдушели и Сарабянова на всероссийскую конференцию профсоюзов⁷⁹.

Социал-демократы также пытались расширить влияние среди гарнизона. 31 мая состоялось организационное собрание военной секции РСДРП, а в начале июня в ней состояли уже 35 солдат и прапорщиков. На собрания, организованные партией, приходили до двухсот военнослужащих⁸⁰.

1 мая (по новому стилю) эсдеки выпустили свою газету. Она называлась «Луч». Газета выходила за счет взносов с предприятий и прочих сборов. За первые полтора месяца, с 1 марта по 17 апреля, социал-демократы собрали 2127 рублей, в том числе 308 рублей партвзносов, 753 рубля от платных лекций, 60 рублей от профсоюза электростанции, 46 рублей от профсоюза строителей, 20 рублей от холодильного завода УНИОН и т. д. Жертвовали союз мелких торговцев, профсоюз ловцов, служащие. В порту общества «Кавказ и Меркурий» газету социал-демократов выписали 70 человек⁸¹.

Это были довольно скромные суммы⁸². Однодневную выручку от продажи билетов пожертвовал симпатизировавший партии владелец кинотеатра «Вулкан»⁸³.

Конкуренцию на предприятиях эсдекам создавали эсеры. Среди рабочих станции Астрахань-II в партию вступили 50 человек, на станции Верхний Баскунчак – 98 человек, а профсоюз таскалей (грузчиков) пожертвовал на выпуск «Голоса революции» пятьсот рублей⁸⁴.

Впрочем, вражды между партиями не было, а сама социал-демократическая организация вплоть до середины лета была единой, без раскола на большевиков и меньшевиков. Неудиви-

---

⁷⁵ Солдаты Октября. Астрахань, 1958. С. 34.

⁷⁶ Луч. 1917. 8 июня.

⁷⁷ Луч. 1917. 2 мая.

⁷⁸ Астраханский листок. 1917. 12 (25) апр.

⁷⁹ Луч. 1917. 16 июня.

⁸⁰ Луч. 1917. 27 мая и 4 июня.

⁸¹ Луч. 1917. 2 июля.

⁸² Луч. 1917. 22 апр.

⁸³ Луч. 1917. 8 июня.

⁸⁴ Голос революции. 1917. 4 июня и 13 июля.

тельно, что на выборах в городскую Думу был выдвинут единый социалистический список. Предложение о блоке было выдвинуто более активными эсерами⁸⁵.

Партии искали штабные помещения. Социал-демократы расположились в профсоюзе приказчиков в доме Агамова в Театральном переулке, а эсеры – в одном из кабинетов городской Думы. Чуть позже эсдеки переехали в помещение проектного бюро у Сапожниковского моста⁸⁶. Еврейская рабочая партия «Бунд» собиралась в доме Иоффе на Армяно-Петропавловской улице⁸⁷, дом 113. В доме Догадиных на Большой Демидовской улице открывается клуб «Молодой Израиль».

Особо богаты на помещения оказались кадеты. В их распоряжении были Земская управа, Военно-Промышленный комитет на Никольской ул., а также зал «Общественного собрания» в доме Репина на углу Московской и Соборной улиц⁸⁸.

---

⁸⁵ Голос революции. 1917. 14 мая.

⁸⁶ Ул. Красная Набережная.

⁸⁷ Совр. ул. Зои Космодемьянской.

⁸⁸ Астраханский листок. 1917. 7 (20) марта; перекресток ул. Советской и ул. Тредиаковского.

Советы

22 апреля прошла полноценная конференция по выбору руководства Советов. Исполнительный комитет был образован из 20 представителей от рабочей и 20 – от солдатской части общего собрания, а также из 8 представителей от двух социалистических партий, по 4 от каждой. Председателем Исполкома вновь был избран меньшевик Федор Кругликов⁸⁹. Было найдено и помещение – бывшая квартира губернатора на углу Московской и Полицейской улиц.

30 апреля сразу в двух скверах – Александровском и Губернаторском – Советы провели митинги, призывая рабочих присоединяться к ним. 14 мая прошло сразу пять митингов. На каждый из них – в мореходное училище, на Эллинг, Криушу и т. д. – приходит от двухсот до четырехсот человек⁹⁰. Выступали меньшевики Сарабьянов, Кругликов, Абдушели, Аствацатуров, Иванов, большевик Трусов, яркий представитель эсеров Константин Бакрадзе⁹¹.

На предприятиях шел сбор средств в поддержку Советов и левых партий. Только в период с 3 по 17 марта в помощь Совету рабочих депутатов было собрано 1632 рубля⁹².

В июне Советы поставили под контроль милицию. При их участии рассматривались дела на каждого милиционера на предмет его соответствия должности⁹³.

Советы создавались не только на предприятиях, но и в селах. 1 июня в актовом зале мужской гимназии открылся 1-й губернский Крестьянский съезд. Он проходил при полном доминировании эсеров. Съехалось 294 делегата из ближних и самых отдаленных сел. Были крестьяне, ловцы, казаки, калмыки и киргизы⁹⁴.

Съезд открыли старые народовольцы Михаил Шебалин и Нифонт Долгополов. Их приветствовали стоя. Далее слово взяли ведущие эсеровские специалисты – Олег Михайлов и Кузьма Терещенко.

Олег Михайлов озвучил программу партии, с восторгом принятую съехавшимися селянами. Он предложил:

- все земли, включая частновладельческие, передать в общее уравнильное пользование, оставив за государством только леса и недра;
- срочно сформировать земельные комитеты, которые бы инвентаризовали землю и стали ее распределять, исключая самозахват;
- реквизировать неиспользуемый сельхозинвентарь и раздать его нуждающимся;
- по случаю мобилизации русских, украинцев и татар на войну принудительно направить на сельхозработы военнопленных, калмыков и киргизов⁹⁵.

Земли у калмыцких и киргизских феодалов Михайлов, явно предполагая вооруженное сопротивление, предложил не изымать, а просто обложить латифундистов разорительными налогами.

С докладом по водному вопросу выступил 34-летний Кузьма Терещенко⁹⁶. Уроженец Киева, он закончил университет, участвовал в первой русской революции и был сослан в Аст-

---

⁸⁹ Луч. 1917. 27 апр.

⁹⁰ Луч. 1917. 15 июня.

⁹¹ Астраханский листок. 1917. 13 (26) мая; Луч. 1917. 28 мая.

⁹² Астраханский листок. 1917. 20 марта (2 апр.).

⁹³ Луч. 1917. 29 июня.

⁹⁴ Голос революции. 1917. 18 июня.

⁹⁵ Голос революции. 1917. 15 июня.

⁹⁶ Кузьма Терещенко родился в 1883 году в Киевской губернии. Работал сельским учителем, в 1905 году вступил в партию СР, в 1906 году был приговорен к ссылке в Архангельскую губернию, а затем в г. Красный Яр Астраханской губернии. Здесь поступил на работу в ихтиологическую лабораторию. С февраля 1917 года работал заведующим рыбным отделом губернского продовольственного комитета. После гражданской войны он стал известным специалистом-ихтиологом, одним из руководителей Азербайджанского рыбного треста. Расстрелян в 1930 году как «вредитель».

рахань, где его интерес к ихтиологии оказался щедро вознагражден замечательной природой. Стремясь приблизиться к аудитории, Терещенко подчеркивал, что его отец был обычным крестьянином из-под Курска. Терещенко был человек фундаментально образованный и начал речь с описания захвата феодалами водных ресурсов в эпоху царизма. Предложений у него было три:

- отмена частной собственности на реки и взморье без всякого выкупа;
- передача этих ресурсов создаваемым ловецким артелям;
- регулирование прав ловцов и вопросов рыбодобычи местным астраханским законодательством.

Разумеется, съезд принял эту программу.

В целях демократии слово дали и большевикам. Выступивший от ленинцев прапорщик Рцхеладзе предложил передать всю землю в государственную собственность, а крестьянам эту землю арендовать у властей. Вполне естественно, что астраханские сельчане его не поддержали. Зачем нужна аренда, когда можно взять в собственность и пользоваться бесплатно⁹⁷.

---

⁹⁷ Голос революции. 1917. 11 июня.

Продовольственный кризис

В конце апреля в городе прошли продовольственные беспорядки. Как и в январе, население искало запасы хлеба, требуя от властей реквизировать муку у спекулянтов. Поводом для волнений послужили перебои с хлебом, вызванные усиленным спросом на пароходы и промыслы. Возбужденная толпа собралась возле Управы и не расходилась до вечера.

На следующий день массовые собрания повторились. На этот раз они сопровождались разгромом винных складов. Солдатские патрули, охранявшие запасы спиртного, присоединились к горожанам и перепились⁹⁸.

Вовсю раздавались призывы к аресту членов губисполкома во главе с Иваном Бирюковым, которые, очевидно, не пользовались авторитетом и доверием среди обычного населения. Бирюков был вынужден обратиться за помощью в Совет рабочих депутатов, который провел реквизиции, свезя найденную муку в крепость, а заодно успокоил страсти⁹⁹. Около винных складов были выставлены вооруженные рабочие дружины.

После этого представители рабочего Совета были официально включены в продовольственную комиссию на паритетных началах. Совету также стали подотчетны частные хлебопечкарни. Обо всех запасах муки, превышавших один мешок, владельцы были обязаны сообщать в губисполком, а перевозка муки запрещалась без письменного распоряжения от Исполкома. Все утаенное реквизировалось на общегородские нужды¹⁰⁰.

1 мая были введены хлебные карточки¹⁰¹. Нормы были довольно высокими – 3/4 фунта белого и 3/4 фунта черного хлеба, то есть 700 граммов хлеба на человека. Эсеровская пресса отмечала, что такой паек намного выше питерского и возмущаться им странно¹⁰².

Сложности с продовольствием сохранялись и дальше, и методы их преодоления были прежними. В июле были установлены твердые цены на рыбу, включая бросовую сельдь¹⁰³. В середине июля Продовольственный комитет сформировал торгово-контрольную комиссию, которой поручалось осуществлять реквизицию продовольственных товаров, выплачивая торговцам компенсацию по твердым правительственным ценам¹⁰⁴.

Нельзя сказать, что реквизиции были не обоснованны. На пристани общества «Волга», например, в заводской лавке было обнаружено несколько центнеров сгнивших продуктов – солонины, мяса, белых грибов, сливочного масла. Заведующий лавки Постнов, нагло ухмыляясь, заявил: «Это дело наше, а вам до этого нет дела, за товар платит контора, а не вы»¹⁰⁵.

Для голодных людей такие ответы звучали как хамское издевательство.

---

⁹⁸ Луч. 1917. 2 мая.

⁹⁹ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

¹⁰⁰ Астраханский листок. 1917. 27 апр.

¹⁰¹ Астраханский листок. 1917. 7 апр.

¹⁰² Голос революции. 1917. 17 авг.

¹⁰³ Астраханский листок. 1917. 8 июля.

¹⁰⁴ 104. ГААО. Ф. 900. Оп. 2. Д. 14. Л. 41–44.

¹⁰⁵ Луч. 1917. 2 июля.

Отставка Ивана Бирюкова

Продовольственный кризис и массовые выступления в конце апреля привели к изменениям во власти в крае.

7 мая, сославшись на плохое самочувствие, подал в отставку губернский комиссар Иван Бирюков. Трудно судить, насколько объяснение ухода было искренним, поскольку должность атамана Астраханского казачьего войска Иван Алексеевич оставлять не стал.

Вместо Бирюкова новым губернским комиссаром стал редактор «Астраханского листка» Склабинский, имевший репутацию человека либеральных взглядов¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ 106. Луч. 1917. 11 мая.

Солдатские беспорядки в Астрахани

Как и бывает в дни великих перемен, царил заметный хаос. Еще в начале марта из тюрьмы сбежало 300 заключенных, впрочем, примерно 110 из них удалось быстро поймать¹⁰⁷. В основном это были солдаты, арестованные за разные мелкие проступки, и их все равно вскоре отпустили. На их место в камеры решением председателя губисполкома Бирюкова были отправлены городовые и жандармы, которых было решено принудительно отправить на фронт¹⁰⁸.

Но если ликвидация жандармерии была вполне логична в рамках слома царской системы политического сыска, то уничтожение полиции открывало широкие возможности для уголовного элемента.

В городе возросло число убийств и ограблений, причем часть налетов камуфлировалась под «реквизиции». Изъятые таким образом имущество просто распределялось между бандитами.

18 мая, например, вспыхнула перестрелка в «Луна-парке», устроенная беглым каторжником. В ту же ночь вооруженные грабители напали на баржу с углем: хозяин отбилсь револьвером, причем в буквальном смысле слова, так как барабан заело и стрелять в нападавших он не мог¹⁰⁹. В семи верстах от Цветного убили с целью ограбления целиком две киргизские семьи – девять человек. Кибитки были буквально залиты кровью¹¹⁰.

Часть преступного элемента поставлял гарнизон. Азартные игры в казармах и в притонах процветали, хотя Совет солдатских депутатов пытался запретить их еще 11 марта. Командир части полковник Алексеев особым авторитетом не пользовался. К лету ситуация окончательно вышла из-под контроля. Помимо солдат, в городе ходили сотни дезертиров. В последних числах мая в ходе облавы было задержано свыше 3000 человек, одетых в шинели и не имевших документов¹¹¹. Из них 400 оказались дезертирами¹¹².

10 июня в притоне, организованном одним из персов, в ходе карточной игры поссорились два солдата, ранее уже сидевших за уголовные преступления. Один из них тяжело ранил товарища и, чтобы избежать наказания, обвинил в случившемся хозяина заведения. Собравшиеся солдаты стали нападать на всех встречавшихся им на пути персов. Ценой напряжения усилий власти смогли остановить погром, но его результатом стала гибель одного иранца и ранение еще нескольких. Был ранен и солдат, пытавшийся призвать к разуму своих сослуживцев¹¹³.

Столкновение с персами было всего лишь преддверием куда более масштабных событий, развернувшихся буквально спустя неделю. Военное министерство издало приказ о призыве из запаса 40-летних призывников. На фронт идти, естественно, никто не хотел, поскольку коммерческий характер мировой бойни не оспаривался даже официальной прессой. Поставщики наживались на военных заказах, и погибать за их обогащение желающих не было. Вопрос был не в том, произойдут ли протесты, а в том, кто их возглавит.

В условиях слабости астраханских левых такой человек обнаружился в самой солдатской среде. Им стал вольноопределяющийся Андрей Шварцкопф. Сын немецкого колониста из Самары, Шварцкопф служил писарем и оказался в Астрахани по болезни. Здесь он стал рассказывать, что является Георгиевским кавалером, умолчав о своем уголовном самарском про-

---

¹⁰⁷ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 23 об.

¹⁰⁸ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

¹⁰⁹ Астраханский листок. 1917. 20 (2) июня.

¹¹⁰ Астраханский листок. 1917. 19 (6) мая.

¹¹¹ Голос революции. 1917. 30 мая (12 июня).

¹¹² Наша жизнь. 1918. 1 авг.

¹¹³ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 15. Л. 3 об.

шлом. Прошное, впрочем, дало о себе знать, и Шварцкопф вскоре оказался уличен в воровстве товаров из магазинов. Это не смутило ни его, ни банду, которую он собрал вокруг себя. Шварцкопф открыто выступил против Совета солдатских депутатов, организовав избиения активистов Совета и публично призывая к их аресту.

Требование было простым и удобным для гарнизона: вместо солдат 156-го полка отправить на фронт рабочих оборонных предприятий.

Это входило в явное противоречие с интересами астраханских Советов, и Шварцкопфа арестовали.

После этого 18 июня в 21.00 под окнами Губисполкома и Совета рабочих депутатов появилась вооруженная толпа, требовавшая освобождения своего лидера.

Подполковника Алексева, вышедшего уговаривать собравшихся, толпа схватила, потащила, начала избивать, сорвала погоны. Подполковник был освобожден из рук толпы усилиями общественных представителей, то есть, проще говоря, советских активистов.

Губисполком вызвал на выручку войска. Солдатская толпа тоже получила поддержку в виде пехотной роты, которая открыла по зданию Губисполкома огонь из винтовок и револьверов. Стрельба велась четверть часа, и только по счастливой случайности никто не пострадал. Численность вооруженной толпы выросла до 2000 человек¹¹⁴. Шварцкопфа пришлось выпустить. Оказавшись в четыре утра на свободе, он назначил на утро «народный суд» над председателем Совета рабочих и солдатских депутатов Кругликовым. Понятно, что такой «народный суд» означал просто незаконную расправу, и председателю Совета пришлось скрыться¹¹⁵.

Сам Совет вместе с губисполкомом переехал в здание Офицерского собрания на Большие Исады¹¹⁶.

Толпы солдат с винтовками стали ходить по промышленным предприятиям, снимая рабочих, ища тех, кто имеет отсрочку от призыва.

Спустя десять дней, лучше подготовившись, власти вновь арестовали Шварцкопфа. 1 июля двухтысячная толпа сорокалетних мобилизованных, устроив митинг в помещении Офицерского собрания, потребовала освобождения Шварцкопфа. Разъяснения и увещания не помогали. Члены комитета безопасности были толпой арестованы. Случайно оказавшийся на митинге товарищ Шварцкопфа, одноратник, разоблачил его. Вместе с ним сорокалетние призывники отправились в тюрьму для очной ставки обвинителя со Шварцкопфом. Шварцкопф был уличен как мошенник и провокатор. Ночью три роты окружили сборище сорокалетних и всех проверили. Пятерых наиболее опытных подстрекателей задержали, в том числе двоих бывших полицейских. Массовых эксцессов более не происходило. 2 июля запасники утром пытались снова собрать большой митинг, но уже без всякого успеха.

5 июля состоялся митинг диаметрально противоположной направленности. Толпа сорокалетних солдат, отпущенных на полевые работы, пришла к зданию губернского продовольственного комитета, протестуя, что работы не организованы. К ним вышел левый эсер Перфильев, сам служивший в астраханском гарнизоне прапорщиком, и сумел успокоить собравшихся, пообещав, что все меры быстро будут приняты¹¹⁷.

Однако проблемы с дисциплиной в 156-м полку сохранялись. Солдаты врывались в продовольственные лавки и забирали товар не только у продавцов, но и у покупателей¹¹⁸. В середине августа солдаты, лечившиеся от венерических заболеваний, открыли полковые запасы спирта, после чего у склада выстроилась вначале очередь из их сослуживцев, а затем и обычных обы-

---

¹¹⁴ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 92–94.

¹¹⁵ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–6.

¹¹⁶ Астрахань, ул. Чалабяна, 16.

¹¹⁷ Астраханский листок. 1917. 7 июля.

¹¹⁸ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 34. Л. 48.

вателей. «Когда пишутся эти строки, – отмечала большевистская газета “Астраханский рабочий”, – по городу идет беспорядочная стрельба. Это пьяные солдаты стреляют или солдаты охраны склада отстреливаются. Как будто фронт с Риги перешел на Астрахань. Есть убитые и раненые»¹¹⁹.

Еще одной уголовной точкой стала «Исправительная колония для малолетних», которая, по отчету комиссии губисполкома, стала «источником злоупотреблений, жестокостей и самого разнузданного разврата».

---

¹¹⁹ Астраханский рабочий. 1917. 20 авг.

Волнения в уездах

Если на юге губернии земельный вопрос стоял не так остро, то в Царевском уезде крестьяне долгие десятилетия ждали возможности передела земли. Помещичьи, церковные и казацкие земли давно привлекали их внимание.

Уже в первых числах марта начался захват земельных латифундий и их демократичный передел на сельских сходах. Бирюков направлял в беспокойные села воинские команды, а заодно ввел двести военных в город Царев.

Эти меры не помогали. Хуже того, 31 марта во время пьяного погрома в Николаевской слободе толпа солдат и местных жителей линчевала бывшего командира 243-го полка полковника Витьковского и бывшего станового пристава Попова. Ранее Витьковский был отстранен от руководства 234-м сп, но неожиданно вернулся в часть. Это вызвало волнения. Толпа повела его в тюрьму. По дороге полковника сильно избили, но этого оказалось недостаточно, и ему проломили голову камнем. После этого солдаты и слободчане стали искать новые жертвы. Вспомнили о находившемся под арестом приставе Попове. Николаевцы решили, что его надо перевести в более охраняемое помещение. Очевидец описывал: «пристава привязали за ноги веревками и потащили через базарную площадь. По дороге его били сапогами по голове». Был избит и бывший полицейский Помазин, толпа искала прапорщика Рыжкова и старшего полкового врача Ицкевича. Хотели расправиться даже с активом Исполкома¹²⁰.

От полученных травм через девять дней Витьковский и Попов скончались. Виновные не были наказаны, поскольку местный Исполком счел это нецелесообразным, видимо, опасаясь новых волнений¹²¹.

В селе Кресты Черноярского уезда прибывшие на побывку солдаты при активной поддержке населения арестовали старшину, отобрав у него деньги и печать¹²².

30 апреля в городе Енотаевск солдаты разгромили магазин Шейкина и арестовали начальника тюрьмы¹²³.

В Красном Яру было спокойнее, однако на массовом митинге было решено провести незамедлительные прямые и всеобщие выборы в городскую управу, без имущественных и гендерных ограничений. Бирюков отправил туда 25 солдат¹²⁴.

В дельтовых селах обнаружились свои проблемы. Как известно, киргизов в армию не брали, но вместо этого их мобилизовывали на работы в частные фирмы. Соответственно, если солдаты бежали с фронта, то киргизы бежали с принудительных работ. По этой причине, например, уже в апреле фирма Агабабова, владевшая Чуркинским промыслом, осталась без работников. Губисполком направил на Чурку отряд из 12 солдат, который, понятно, ничего сделать не мог¹²⁵.

В Калмыцкую степь (Элиста, Троицкое и др.) возвращались с фронта русские и украинские солдаты, которые устанавливали свою власть. Они проводили самочинные реквизиции, арестовывая сопротивляющихся чиновников. Губисполком направил туда еще одну делегацию, включив в ее состав офицера, представителя рабочего и солдатского Советов¹²⁶.

---

¹²⁰ Астраханский листок. 1917. 9 (22) апр.

¹²¹ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–3.

¹²² ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. ... 69.

¹²³ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 174.

¹²⁴ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 16, 24.

¹²⁵ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

¹²⁶ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 11. Л. 65 об.

В свою очередь, калмыки пытались сформировать собственную власть, проведя в конце марта съезд и избрав Исполком. Его председателем стал Борис Криштафович, ранее занимавший должность заведующего калмыцким народом. В Исполком вошли юристы Очиров и Баянов, зайсанг Шанходов и князь Тундутов. В большинстве своем они представляли консервативное крыло, в меньшинстве – либеральное. В Ханской ставке расположилась небольшая команда из 20 солдат во главе с прапорщиком. К ней стали примыкать «пришлые солдаты», и вскоре военные сформировали Совет солдатских депутатов, который арестовал местного священника и трех агентов по заготовке мяса. Военная диктатура держалась до 21 апреля, пока киргизы не провели съезд и не установили собственную администрацию¹²⁷.

В период с 20 марта по 20 апреля было зарегистрировано три случая захвата солдатами поездов на Астраханской и Баскунчакской линиях железных дорог. В Верхнем Баскунчаке пятьдесят солдат силой заставили бригаду почтового поезда отправить их во Владимировку. Документов у солдат, понятно, не было¹²⁸.

В селе Болхуны два солдата подстрекали толпу производить аресты. В селе Приютном солдаты заперли церковь и арестовали причт. В селе Троицком солдаты, участвуя на митинге, объявили казенную земельную дачу общественной собственностью¹²⁹.

В Сасыколи население арестовало председателя потребительского общества Булгакова и счетовода Вавилкина, обвинив их в симпатиях к старому строю. Задержанных закрыли в бане и выпустили только через неделю¹³⁰.

Крестьяне села Чапурников Черноярского уезда постановили разделить землю князя Тундутова и самовольно приступили к распашке и выпасу скота на его земле.

В том же уезде крестьяне сел Поды, Вязовки и Ступино захватили принадлежащие помещикам сенокосные угодия.

В Кайсацкой не только отняли землю, но и арестовали землевладельца Якова Бондаренко¹³¹.

В селе Чаган общество реквизировало 2111 пудов муки (35 тонн) у граждан Алексеева и Яицкого, при этом сильно их помяв и отправив под арест. Муку селяне перевезли в кооперативную лавку, поручив продавать по твердым ценам¹³². Казаки тоже не стояли в стороне. Станичники Копановки всем обществом вышли вырубать лес на острове Буковский, арендуемом О. И. Блохиной, причем вырубленным лесом оказались завалены не только дворы и хутора Копановки, но и займище¹³³. А в Александровской, решив расширить суженные садами прогоны для скота, казаки «уничтожили часть садов и предали огню садовые изгороди и лежавшее около них сено»¹³⁴.

¹²⁷ Астраханский листок. 1917. 28 мая (11 июня).

¹²⁸ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

¹²⁹ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 72.

¹³⁰ Зорька. 1917. 23 апр.

¹³¹ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 199.

¹³² ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 51. Л. 31.

¹³³ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 130.

¹³⁴ Астраханский листок. 1917. 18 (31) мая.

Самосуды

Население, обученное на собственной шкуре за период царизма практике внесудебных расправ, теперь активно применяло приобретенный опыт.

В Астраханской губернии масштаб самосудов был значительно меньше, чем в центральных губерниях, вкусивших крепостничество, но милиция в своих сводках регулярно сообщала о стихийных расправах. Их объектами обычно становились пойманные за руку уголовники.

В последних числах июня на лесной пристани Назарова в 10 верстах от Астрахани жители заметили неизвестного, прятавшегося под плотом. Была вызвана милиция, однако к моменту ее прибытия собралась большая толпа, которая убила странного человека, признав его за злоумышленника¹³⁵. 18 июля на пристани Фадеева в Астрахани толпа поймала вора. Его избивали, пока тот не умер, после чего сбросили труп в реку¹³⁶.

2 сентября в Никольском Енотаевского уезда были арестованы семь одетых в солдатские шинели мужчин и с ними одна женщина, Ольга Чистякова, 22 лет. В них признали банду, зверски убившую семью священника в Букетовке, а также ограбившую семьи в Соленом Займище и других селах. Наутро 3 сентября милиция попробовала перевезти задержанных рекой в Енотаевск. «Следовавшая за конвоем толпа потребовала выдачи. Арестованных по одному вытаскивали из трюма баркаса, избивали и сбрасывали в воду, где их добивали уже с лодки. Сброшенная с лодки соучастника грабежа Ольга Чистякова долгое время через пробочные предохранители держалась на воде, и погрузилась лишь после того, как к ней привязали камни. Место воды, где происходил самосуд, приняло розовый цвет, а у плававших трупов совершенно красный»¹³⁷.

14 сентября в Тундутово свыше ста селян учинили расправу над обвиненными в краже калмыками¹³⁸.

В этих же числах в Карагалах за кражу ковра из мечети был утоплен некто Мухамед Уланов. Его связали, привязали к ногам камни, вывезли на середину реки и бросили в самом глубоком месте¹³⁹.

17 октября в городе Черный Яр прямо на пристани толпа избивала четырех солдат, похитивших у пассажира 6000 рублей. Потерпевшие, впрочем, выжили¹⁴⁰.

---

¹³⁵ Астраханский листок. 1917. 7 июля.

¹³⁶ Астраханский листок. 1917. 20 июля.

¹³⁷ Астраханский листок. 1917. 7 (20) сент.

¹³⁸ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 51. Л. 20.

¹³⁹ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 51. Л. 32.

¹⁴⁰ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 51. Л. 101.

Селяне и церковь

Падение 300-летней династии Романовых открыло шлюзы общественного мнения.

Одним из объектов народной неприязни стала церковь. В этом была своя логика. В конфликтах между народом и властью РПЦ всегда вставала на сторону власти, получая взамен бюджетное финансирование, земли и имущество. РПЦ объясняла, почему нельзя требовать повышения зарплаты, земельной реформы и всеобщего образования. Она призывала умирать на фронте, сама пользуясь льготами от призыва. На свечном заводе при епархии применялся 15-часовой рабочий день. Несогласных увольняли¹⁴¹.

Понятно, что священники были разными, но позиция церковного начальства целиком совпадала с мнением Николая II.

Теперь, после свержения царя, пришло время обратной реакции.

В начале марта в Никольском Енотаевского уезда священник Третьяков и дьякон Ширшаев отказались служить панихиду по погибшим борцам за свободу, после чего сельчане потребовали их немедленно отстранить от службы¹⁴².

Жители Тузуклея ознакомились с доносом проповедовавшего им про милосердие священника Александра Скрижалина, который в период царизма сообщил властям о «бунтовщических речах» отца Льва Благодарова и студента Панкова. Благодарова, скорее всего, лишили сана, а студента арестовали на четыре месяца и потом отправили в ссылку. После революции списки провокаторов и доносчиков были опубликованы со всеми подробностями, и тузуклейцы, естественно, потребовали удалить от них Скрижалина¹⁴³.

Население Чагана потребовало убрать священника Буслаева как грубияна. «Злоба народа растет, ожидать хорошего невозможно», – доносила управа в Астрахань. Буслаева убрали¹⁴⁴.

В Кочковатке прихожане обвинили священника Тихона Илларионова в незаконном поступке против должности. Духовная консистория расследовала дело и согласилась с приходом. Илларионов был отозван¹⁴⁵.

В селе Пролейка Царевского уезда сотни людей вышли на сход, потребовав незамедлительного удаления из прихода Михаила Черняева. Селяне даже назвали фамилию нового священника – отца Николая Долгова из соседнего села, как человека с доброй репутацией¹⁴⁶.

В начале апреля в Приютном Черноярского уезда отец Виталий Генерозов был арестован, а церковь заперта (Генерозова спустя три недели освободили уездные власти). В Капустином Яру местный исполком решил арестовать священника местной церкви Михаила Рождественского, который успел бежать¹⁴⁷.

Еще один священник – Ильин – при схожих обстоятельствах бежал из села Солодушкино Черноярского уезда¹⁴⁸. Удивительный конфликт возник в Ханской Ставке, где русская община была относительно невелика и состояла преимущественно из чиновников, офицеров, торговцев и других колонистов. Эти небедные по местным меркам люди были настолько недовольны «нетактичным поведением отца Сенилова», что комиссар Временного правительства вполне

---

¹⁴¹ Луч. 1917. 8 июня.

¹⁴² ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

¹⁴³ Астраханский листок. 1917. 7 (20) мая.

¹⁴⁴ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 266.

¹⁴⁵ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 142.

¹⁴⁶ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 207.

¹⁴⁷ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

¹⁴⁸ Возможно, речь о Солодниках.

серьезно заявил Консistorии, что та может остаться без священника. В итоге Сенилова перевели в приморское село Цветное¹⁴⁹.

Целые села выходили на улицы, требуя ухода дискредитировавших себя духовных отцов. Никаких большевиков и других социалистов в этих селах не было. Это было стихийное народное выступление, которое заставляет задуматься не об «обманутом народе», а об уровне доверия, которое в упомянутых селах имели назначенные из губернского центра священнослужители.

Возникали и земельные споры между прихожанами и их духовными наставниками. В поселке Болдинский¹⁵⁰ восемьсот человек вышли на сход, постановив отменить церковное землевладение. Территория поселка считалась собственностью Покрово-Болдинского монастыря, и астраханцы поколение за поколением платили монахам арендную плату. Никакого благоустройства вокруг своих землянок и деревянных хибар они, разумеется, не видели. Церковь пожаловалась на прихожан губернатору, но что тот мог сделать? Отправить, как в прежние времена, казаков с нагайками¹⁵¹?

---

¹⁴⁹ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 17. Л. 151.

¹⁵⁰ Совр. Свободный.

¹⁵¹ Астраханский листок. 1917. 13 (26) мая.

Рабочее движение

Уже в конце апреля в крае действовало 13 профсоюзов. Наиболее организованным был профсоюз приказчиков, созданный еще в 1906 году. В его помещении в Театральном переулке и провел первое собрание Совет рабочих депутатов. Председателем профсоюза был меньшевик А. Иванов.

Настоящий дом профсоюзов возник в доме Мусиной на 2-й Бакалдинской улице. Здесь расположились металлисты, пекари, маляры, портные и сапожники. Еще три союза – печатников, каменщиков и чернорабочих – заняли дом Федорова на Больших Исадах. Кроме того, действовали организации судовых работников, деревоотделочников и ловцов¹⁵². Основными задачами рабочего движения были введение 8-часового рабочего дня и повышение зарплаты. Последнее зачастую представляло собой просто требование ее индексации ввиду роста цен.

Май ознаменовался подъемом рабочего движения.

Союз транспортных рабочих потребовал 8-часового рабочего дня, двойной оплаты сверхурочных, повышения зарплаты на 20–50 % в зависимости от имеющегося заработка, права на отпуск, права на пособие по инвалидности, трехмесячного выходного пособия при увольнении, а также гарантий заработка и сохранения рабочих мест в случае забастовки¹⁵³.

Хорошее представление о рабочей борьбе может дать проведенная в начале мая забастовка на мельнице Захара Арамова. Работники трудились 12 часов, в две смены и без оплаты сверхурочных. Требований коллектива об изменении условий труда Арамов не признал, ограничившись обещанием поднять зарплату на 8–15 %. Лишь вмешательство Совета рабочих депутатов помогло ввести 8-часовой рабочий день и трехсменный рабочий график. Но доплаты за ночные смены по-прежнему не было¹⁵⁴.

6 мая в реальном училище состоялось общее собрание союза низших служащих правительственных, общественных учреждений, учебных и частных заведений, присяжных счетчиков, курьеров, сторожей, дворников и ночных караульщиков. На собрании присутствовало 172 человека. Они потребовали тройного повышения зарплаты. Требование было адресовано не только к властям и частным фирмам, но и к настоятелям церквей¹⁵⁵.

Работники болдинских промыслов поставили вопрос о повышении на 50 % зарплаты, угрожая в противном случае забастовкой¹⁵⁶.

Профсоюзная работа развернулась даже среди персидских грузчиков. С этой целью Совет рабочих депутатов произвел поиски активистов, знающих фарси, и предложил персам вступать в рабочие организации¹⁵⁷.

На заводе братьев Нобель работники выставили 18 требований к начальству, включая повышение зарплаты, введение премии за выслугу лет, оплату больничных и т. п. Примири-тельная комиссия, возглавленная меньшевиком Федором Кругликовым, поддержала большую часть требований работников. Серьезные разногласия возникли только в вопросе об участии коллектива в распределении прибыли¹⁵⁸.

Еще одна примирительная комиссия обязала оплатить время вынужденного простоя работников, трудившихся в бондарных мастерских Лунина¹⁵⁹.

---

¹⁵² Луч. 1917. 11 мая.

¹⁵³ Луч. 1917. 4 мая.

¹⁵⁴ Луч. 1917. 4 мая.

¹⁵⁵ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 79–80.

¹⁵⁶ Луч. 1917. 7 мая.

¹⁵⁷ Луч. 1917. 7 мая.

¹⁵⁸ Луч. 1917. 25 мая.

¹⁵⁹ Луч. 1917. 21 мая.

17 мая произошел выход движения на качественно новый уровень. Представители 16 профсоюзов провели конференцию и создали Союз союзов, то есть единое объединение.

Явились делегаты 16 профессиональных союзов. Председателем Союза единогласно избрали меньшевика Владимира Сарабянова. На должность товарища председателя баллотировались большевик Трусов, получивший 11 голосов, и эсер Долгополов, получивший 8 голосов. Избрали Трусова. Долгополову досталась должность казначея¹⁶⁰.

Совет постановил явочным порядком ввести в Астраханском крае восьмичасовой рабочий день и двойную оплату сверхурочных работ¹⁶¹. Понятно, что это решение работодатели не хотели выполнять.

В июле бастовали работники лесопильных заводов, потребовав оплаты праздничных дней и добившись в этом успеха¹⁶². В те же дни официанты «Луна-парка» потребовали заменить чаевые на повышение зарплаты на 15 %, а печатники поставили вопрос о переходе со сдельной оплаты труда на твердый тариф¹⁶³.

Пекари, руководимые большевиком Лемисовым, потребовали повышения зарплаты до 250 руб. и восьмичасового рабочего дня.

Металлистам, которых возглавил ленинец Федор Трофимов, не надо было бастовать. Они просто провели массовое собрание – шестьсот человек – в Думском зале. Этого оказалось достаточно, чтобы работодатели повысили зарплату¹⁶⁴.

---

¹⁶⁰ Луч. 1917. 21 мая.

¹⁶¹ Луч. 1917. 21 мая.

¹⁶² Астраханский листок. 1917. 12 июля.

¹⁶³ Луч. 1917. 16 июня.

¹⁶⁴ Луч. 1917. 6 июля.

Крестьяне, казачество и горожане: разные дороги

Летом ситуация продолжала обостряться, и причина тому была явно не в политиках, а в объективно разных целях у больших социальных групп. В царской России эти противоречия загонялись вглубь, но подобная практика лишь усложняла ситуацию, поскольку проблемы по мере уклонения от их решения необыкновенно размножились.

Выше отмечалось, что казачество хотело отобрать земли у помещиков и церкви. Но казаки были не единственными сельскими акторами.

4–12 июня 1917 года в Астрахани прошел 1-й губернский Крестьянский съезд. По земельному вопросу было принято единогласное решение – обеспечить «полное уравнивание». Это означало не что иное, как принудительное изъятие земли у казачьей верхушки и перераспределение ее среди крестьян. Съезд прошел под эсеровскими флагами. Председателем исполкома Совета крестьянских депутатов стал эсер Кузьма Терещенко, а его заместителем – тоже эсер Олег Михайлов. Большевики (прапорщик Рцхеладзе) тоже получили на съезде слово, призывав конфисковать всю землю в пользу государства, а для крестьян установить арендную плату за землю. Эти лозунги не встретили среди делегатов особого одобрения¹⁶⁵.

Проблемы у эсеров были не с большевиками, а с самими селянами. Крестьяне упорно не хотели расширять производство и платить налоги, что вызывало у их политических вождей оторопь.

«До войны и во время войны до 1917 года зерна и муки было сколько угодно на базарах, – писал «Голос революции», – теперь же их нет совсем. В селах есть много людей, которые или совсем не сеяли в этом году, или вовсе не занимаются хлебопашеством»¹⁶⁶.

В Астрахани назревал хлебный кризис. Было очевидно, что продовольствия не хватит, между тем как хлеб в губернии был. Вернувшиеся из Царевского уезда экспедиторы сообщили, что тамошние крестьяне готовы продать городу хлеб при повышении закупочных цен на 4,5 рубля, то есть примерно на 25 %. Партия социалистов-революционеров выступила резко против. В конце августа Кузьма Терещенко заявил на общем партийном собрании: «нам надо 5 млн пудов хлеба. Твердые цены непоколебимы. Все средства морального воздействия истощены. Остается только одно средство – принуждение.

И оно должно быть проведено немедленно»¹⁶⁷.

Не пройдет и полугода, как публичная позиция правых эсеров качнется в другую сторону, как у ваньки-встаньки. Потеряв зимой 1917/1918 года власть, партия будет призывать к свободным ценам на хлеб, вольной торговле и осуждать реквизиции.

Между тем 14 июня казаки провели вторую сессию Войскового круга. Он явно оппонировал эсеровскому съезду крестьян. Войсковой круг подчеркнул, что получил свою землю «не от русского народа или русского правительства», а завоевал ее сам. В этом, безусловно, содержалась определенная истина, хотя и большинство крестьян в Астраханской губернии были свободными, а не крепостными, и землю занимали сами. Интересы зажиточной части казачества вступили в противоречие и с интересами городских работников. Круг был очень недоволен тем, что в местах проживания казаков кто-то получает равные с ними права. Примером тому стал эпизод с ликвидацией станичного правления станицы Атаманской и созданием единого исполкома Форпоста (ранее рабочий Форпост, где доля казаков не превышала половины, управлялся станичным правлением)¹⁶⁸.

---

¹⁶⁵ Голос революции. 1917. 11 июня.

¹⁶⁶ Голос революции. 1917. 20 авг.

¹⁶⁷ Голос революции. 1917. 23 авг.

¹⁶⁸ Астраханский листок. 1917. 16 июня.

Еще 24 июля Войсковое правление, недовольное позицией Советов по земельному вопросу, решило отозвать казачьих представителей из Совета рабочих и солдатских депутатов. В Совете в это время было два казака – Зверев и Забурунов, которые выходить оттуда не собирались.

Зверев и Забурунов были настроены просоциалистически. Они заявили, что «вся эта история с отзывом состряпана под сурдинку бюрократическим элементом, засевающим под крышей Войскового правления, и история с отзывом не пройдет даром тем, кто ее состряпал». «Постановление об отзывании не только держалось Правлением в секрете, и простое казачество не только не участвовало в том совещании, но ничего и не знало об этом постановлении», – указали смелые казаки, потребовав проведения общего схода¹⁶⁹.

4 августа во дворе Белых казарм за Красным мостом прошел казачий сход, длившийся целых четыре часа. Его участники рассказывали, что требования работников о росте зарплаты представляют неимоверную наглость, и поддержали позицию Бирюкова о выводе представителей казаков из Совета¹⁷⁰. Очевидно, что на мероприятии собрались представители богатой части казацкого сословия, поскольку 90 % казаков наемных работников не имели вообще, а некоторые и сами были вынуждены батрачить, то есть у рядовых казаков борьба рабочих Астрахани за лучшие условия жизни вряд ли могла вызвать порицание.

Но митинг казаков, возмущенных тем, что работающие на них люди хотят жить лучше, померк перед массовыми выступлениями на почве продовольственного кризиса. Первыми ввиду уменьшения хлебных пайков и нехватки кормов для скота забастовали ломовые и легковые извозчики. Практически сразу к ним присоединились портовые грузчики, конопатчики и деревообработчики. Бастующие транспортники силой заблокировали движение городского трамвая. В скверах и на улицах образовались митинги, причем толпы были крайне возбуждены, отмечались попытки к разгрому лавок на базаре. Толпа порывалась к захвату помещений губернской продовольственной управы с целью расправы над членами управы, причем был избит член Совета солдатских и рабочих депутатов Поляков, пытавшийся уговорить толпу разойтись.

Самым главным, впрочем, было даже не это. Власти оказались не способны справиться с ситуацией, и 8 августа губернский комиссар в целях восстановления порядка передал всю полноту власти Совету военной секции Совета солдатских и рабочих депутатов¹⁷¹!

У Кремля собрался большой стихийный митинг. «С разъяснениями продовольственного вопроса выступил оратор, убеждавший массу быть спокойнее и не обвинять Продовольственный комитет, который делает все возможное.

Масса единодушно награждает оратора криками «долой!», «буржуй!» и руганью. Оратор, не смущаясь и не пасуя перед толпой, продолжает успокаивать и говорить свое»¹⁷². Этим оратором был лидер Совета рабочих и солдатских депутатов Константин Бакрадзе. Когда его узнали, возмущение собравшихся стихло. Советы пользовались уважением и доверием. Бакрадзе подкреплял слова делами и ввел военное патрулирование города. Первой была разблокирована работа трамвая. Через сутки выступления стали стихать.

Вскоре волнения сохранились только на Форпосте, где власти прибегли к арбитражу и работники добились некоторого повышения зарплаты.

23 августа забастовали рабочие кожевенных предприятий, требуя повышения зарплаты на 30–40 %, а 8 сентября – фармацевты¹⁷³.

---

¹⁶⁹ Астраханский листок. 1917. 2 (15) авг.

¹⁷⁰ Астраханский вестник. 1917. 9 авг.

¹⁷¹ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 99–100.

¹⁷² Астраханский листок. 1917. 9 (22) авг.

¹⁷³ Астраханский рабочий. 1917. 27 авг.

Выборы в городскую Думу и Совет РСД

15 апреля Временное правительство приняло решение провести досрочные выборы в городские Думы.

В июне 1917 года состоялись выборы в астраханскую городскую Думу.

Эсеры, социал-демократы и Совет рабочих и солдатских депутатов выдвинули единый список. Ведущую роль играли социалисты-революционеры, что отразилось при формировании списка. Первую тройку составляли Олег Михайлов (ср), Дионисий Чернобаев (с-р) и Федор Кругликов (с-д). Среди известных людей стоит упомянуть Бакрадзе (с-р, № 7), Шабалина (с-р, № 8), Сарабьянова (с-д, № 9), Абдушели (с-д, № 12), Рафеса (№ 18, с-д), Трусова (№ 24, с-д ленинец), Аствацатурова (№ 30, с-д), Терещенко (с-р, № 32), Хигера (№ 60, с-д ленинец), Непряхина (№ 61, с-д), Парфенова-Перфильева (№ 94, с-р)¹⁷⁴.

Основными соперниками социалистов стали кадеты.

В выборах приняли участие 40 920 астраханцев, явка составила 52 %. Напомним, что во времена царизма местную власть выбирало всего 400–500 человек.

Выборы закончились триумфальной победой объединенных социалистов. Они получили 68 % голосов и 72 мандата. Еще двух депутатов провели шедшие отдельно трудовики, и столько же – в общем и целом социалистически настроенные еврейские организации. Второе место с 14 % голосов и 15 мандатами занял мусульманский список, в котором также были представлены левые. Кадеты потерпели сокрушительное поражение, заручившись всего 13 % бюллетеней и 14 мандатами. По два места получили еврейский и общественный списки. За казаков голосовало всего 216 человек, что, впрочем, при абсолютно пропорциональной системе дало им одного депутата¹⁷⁵. Председателем городской Думы стал меньшевик Кругликов. Меньшевик Аствацатуров возглавил губисполком, что означало в определенной степени переход власти в губернии от казачьих генералов к социалистам.

Но социалисты в основном прошли умеренные. Левое крыло только набирало обороты. Ни среди социал-демократов, ни среди эсеров не было еще и следа размежевания. Но жизнь выдвигала на первые роли людей с более левыми взглядами.

И если при выборах в Думу их оказалось немного, то в Советах происходили динамичные перемены.

В конце мая объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов (СРСД) направил на I Всероссийский съезд Советов в Москву двух делегатов. Оба они были эсерами, но стоявшими на левых, интернациональных позициях, близких к ленинцам. Ими стали Константин Бакрадзе и Александр Парфенов-Перфильев¹⁷⁶, причем Парфенов-Перфильев был избран членом ЦИК.

А 17 июля в Совете рабочих депутатов произошло принципиально важное изменение. Предыдущий председатель Совета меньшевик Кругликов показал свое несоответствие должности во время шварцкопфовских погромов, и встал вопрос о его замене. Была назначена конференция.

На пост председателя Совета выдвинулись левый эсер Константин Бакрадзе, лидер местных эсеров Дмитрий Чернобаев и большевик Рцхеладзе. Победил Бакрадзе, получив 106 голосов из 162.

53-летний Константин Бакрадзе был легендарной личностью. Он родился в Тбилиси в семье дворянина, надворного советника. Работал учителем Тифлисской гимназии, женился на русской. Во время первой русской революции Константин Иванович и две его сестры –

---

¹⁷⁴ Голос революции. 1917. 11 июня.

¹⁷⁵ ГААО Ф. 448. Оп. 2. Д. 25. Л. 59.

¹⁷⁶ Голос революции. 1917. 27 мая (9 июня).

Александра и Елена – вступили в партию социалистов-революционеров. Более того, они вошли в руководство Военного союза партии эсеров на Кавказе. В 1907 году их арестовали. Елена смогла бежать, а Александру приговорили к шести годам каторги в Нерченске.

Сам Константин Иванович был заключен на несколько месяцев в тюрьму, а в августе 1907 года выслан в Астрахань, где попытался провести собрание членов партии, но вместе с товарищами был арестован. После этого его отправили еще дальше – в уездный город Черный Яр, где Бакрадзе зарабатывал учительством вплоть до Февральской революции. Это был уважаемый в партии человек. Он стоял существенно левее руководства партии, и вовсе не случайно его соперником на пост председателя Совета выступал лично председатель партийного бюро эсеров Чернобаев.

Бакрадзе буквально по пунктам разложил, что Советы оказались куда более влиятельным и действенным органом, чем губисполком, Дума и земство: «когда наступили в Астрахани более-менее тревожные дни 23 апреля, то в чем выразилась сила губисполкома? – спрашивал Бакрадзе. – Губисполком отошел в сторону от этих событий, и власть оказалась в наших руках, Советов. Тогда мы взяли в свои руки и продовольственное дело, и другие, и если бы мы не приложили столько своих сил, то эксцессов было бы побольше... Итак, когда надо было проявить власть, у Губисполкома ее не было, потому что некому было ее поддерживать. И когда 18 июня началось маленькое движение, то пришлось для наведения порядка организовать военно-гражданский комитет. Значит, и в этот раз у губисполкома не было власти. Если нужно создать какой-либо иной орган власти, как предлагает губернский комиссар Склабинский, то его надо создавать при Совете рабочих и солдатских депутатов, куда, конечно, могут войти и представители других демократических организаций»¹⁷⁷.

Среди четырех заместителей Бакрадзе оказался один ленинец – Хумарьян. В состав Совета вошли девять социал-демократов и всего трое эсеров. Солдатская квота оказалась заполнена беспартийными, в том числе два места заняли казаки: Забурунов и Зверев¹⁷⁸.

Подобное положение дел не устраивало партийное начальство, и 22 августа эсеры требуют от Бакрадзе сложить полномочия председателя Совета. Конфликт оборачивается для них унижением. Бакрадзе публично заявляет, что, «оставаясь вообще членом партии СР, находит невозможным оставаться членом астраханской группы этой партии и просит считать себя выбывшим с 1 августа»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁷ Астраханский листок. 1917. 10 июля.

¹⁷⁸ Луч. 1917. 20 июля.

¹⁷⁹ Голос революции. 1917. 27 авг.

Большевики

В марте 1917 года социал-демократическая организация в целом имела меньшевистский характер. Число большевиков не превышало 10–12.

В начале июня число эсдеков, стоящих на ленинской платформе, достигло ста. Было проведено общее собрание и избран президиум в составе Хигера, Рцхеладзе и Белова. Однако было принято решение не создавать отдельной организации и использовать ресурсы меньшевиков, включая общепартийную газету «Луч», в которой печатались и большевистские материалы. Ввиду недостатка в местных кадрах из Центра запросили лектора, которого, впрочем, Ленин так и не прислал¹⁸⁰.

Осторожность астраханских левых проявилась на общем собрании социал-демократов 9 июня. Когда из аудитории раздался вопрос о разногласиях между меньшевиками и ленинцами, большевик Хигер ответил, что это рано обсуждать, поскольку у членов партии слишком слабая теоретическая подготовка¹⁸¹.

Надо сказать, что сами астраханские большевики относились к очень умеренному крылу, и антивоенные лозунги Ленина были для них неудобны. «Я большевик, – рассказывал Рцхеладзе, – и уже 13 лет назад был таковым. Я против войны. Но когда войска брошены вперед, я говорю: идите туда, куда вас зовет долг перед Свободной Россией»¹⁸².

Сам Рцхеладзе, как и остальные агитаторы «революционной обороны», конечно, никуда идти не собирался.

В конце июля по инициативе ленинцев прошло несколько собраний по выявлению разногласий между двумя социал-демократическими течениями. Собрания были многочисленными, на первом, например, присутствовало 110 человек. Основным докладчиком был Трусов, по праву считавшийся интеллектуалом и образованным человеком¹⁸³.

Среди тех, кто вступил в РСДРП и примкнул к большевистскому направлению, оказались такие знаковые для астраханской истории люди, как казак Аристов, лидеры профсоюзов Липатов и Лемисов, бондарь Чугунов.

Но размежевание шло крайне сложно и медленно.

В августе в столице проходит два съезда – ленинцев и меньшевиков-оборонцев. От Астраханской объединенной организации РСДРП делегат направляется только на съезд к меньшевикам. И этим делегатом становится... Трусов.

Лишь 1 (14) августа стало в Астрахани днем раскола. Общее собрание членов РСДРП поддержало позицию Ленина. Меньшевики хлопнули дверь и ушли с заседания. Оставшееся большинство приняло решение создать организацию РСДРП(б), избрав в состав Бюро известных людей, возглавляющих профсоюзное рабочее движение, – Вейнмарна, Трусова, Хумарьяна и др. Председателем Бюро становится Трусов, возглавивший, таким образом, местных большевиков.

Уже 7 (20) августа вышел первый номер крайне левой газеты «Астраханский рабочий», редактором которой стал Александр Трусов. Газета была маленькой, уступая «Лучу» по объему вдвое, и в основном размещала материалы по общероссийской повестке, в первую очередь статьи Ленина.

Редакция не спешила признавать себя большевиками. Поначалу издание выходило как «общественно-литературная социал-демократическая газета», в сентябре обозначила себя как

---

¹⁸⁰ Государственный архив современной документации Астраханской области (далее ГАСД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁸¹ Луч. 1917. 15 июня.

¹⁸² Луч. 1917. 20 июля.

¹⁸³ Луч. 1917. 30 июля.

«орган РСДРП (интернационалистов)», и только в середине октября появился подзаголовок – «газета РСДРП(б)».

Сама редакция расположилась в доме № 38 по ул. Набережная реки Кутум, рядом с Сапожниковским мостом.

Газета быстро приобрела известность и стала пользоваться спросом на заводах и в гарнизоне. За первую неделю было собрано 363 рубля взносов на издание¹⁸⁴.

Внутри ленинской партии астраханцы относились к более мягкому, компромиссному течению.

Трусов хотел не раскола, а контроля над местной организацией социал-демократов. В первом же выпуске «Астраханского рабочего» он писал: «до сих пор у нас в Астрахани, слава богу, существовала объединенная социал-демократическая организация. Хороша ли, плоха ли была эта организация, но она существовала для всех, дисциплина обязательна»¹⁸⁵.

11 (24) августа проходит еще одно собрание социал-демократов, на этот раз в магазине Зингера на Татарском базаре. И вновь в повестке дня – вопрос о самоопределении партии. И хотя реальное размежевание уже произошло, левая часть явно пытается получить официальную поддержку большинства членов РСДРП и поглотить меньшевиков в рамках упомянутой дисциплины.

Численное преобладание ленинцев признал оборонец Федор Кругликов. «В настоящее время местная организация социал-демократов состоит в значительной степени из большевиков и представляет собой большевистский орган», – отмечал он еще в июле¹⁸⁶.

15 (28) августа меньшевики решаются на раскол. Но на их собрание приходит всего десять человек, включая Шебалина и Рафеса. Председателем меньшевистской организации становится А. Иванов¹⁸⁷. Никакой поддержкой в обществе им заручиться не удастся. Уже в сентябре меньшевистский «Луч» прекратил выпуск, так как лишился подписки со стороны коллективов. Иванов решил взять качеством и с октября начал издавать журнал «Мысль», в чем, впрочем, тоже не преуспел.

Но успешная астраханская тактика Трусова, завоевавшего социал-демократическую организацию, предполагала отказ от многих установок самого большевистского центра.

В сентябре в Петрограде по инициативе правых социалистов проходит «Демократическое совещание», смысл которого состоял в обсуждении отношения к кадетам и создании некоего органа, которому было бы подотчетно Временное правительство. Ленин высказался резко против участия в этом мероприятии, назвав его «презренной говорильней». Однако Трусов поехал на Демократическое совещание, официально будучи избран от Совета рабочих депутатов. От Совета солдатских депутатов делегатом стал прапорщик 156-го полка Александр Перфильев, левый эсер¹⁸⁸.

Об этом человеке следует сказать отдельно. Александр Семенович Перфильев родился 15 августа 1889 года в Уфе, закончил семинарию по специальности «учитель ручного труда», но уже в 17-летнем возрасте окунулся в вихрь первой русской революции. Он вступил в боевую организацию эсеров, примкнув к максималистскому крылу, вел агитацию на горных заводах и после разгрома организации был сослан в степной Тургай. Здесь Александр работал преподавателем в городском училище. В 1908 году Перфильев стал членом Златоустовского комитета партии эсеров, семьей так и не обзавелся и в 1914 году был призван в армию. В 1917 году он был переведен в Астрахань, став начальником 156-го полка по хозяйственной части. После

---

¹⁸⁴ Астраханский рабочий. 1917. 23 авг.

¹⁸⁵ Астраханский рабочий. 1917. 20 авг.

¹⁸⁶ Астраханский листок. 1917. 18 июля.

¹⁸⁷ Астраханский листок. 1917. 16 (29) авг.

¹⁸⁸ Астраханский рабочий. 1917. 10 сент.

революции имевший политический опыт 28-летний Александр Перфильев предложил сослуживцам создать полковой Совет и вскоре встал в его главе¹⁸⁹.

Пройдет всего несколько месяцев – и Перфильев станет главой автономного астраханского правительства.

---

¹⁸⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 406. Оп. 24а. Д. 9557. Л. 2.

Корниловское выступление

В середине августа 1917 года Совет Союза казачьих войск «заявил Временному правительству и народу, что снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу и заявляет громко и твердо о подчинении своему вождю-герою генералу Лавру Корнилову»¹⁹⁰. Астраханское казачье войско в лице Правления присоединилось к этой декларации. Смысл бумаги сводился к прямому шантажу России угрозой военного путча в случае замены Корнилова на должности Верховного главнокомандующего.

Попытка правого государственного переворота, предпринятая спустя неделю Лавром Корниловым, как известно, провалилась, но изменила политическую ситуацию в целом. Стало очевидно, что во Временном правительстве эсеры и меньшевики играют второстепенную роль, между тем как не имеющая поддержки в народе партия кадетов вместе с генералитетом ведет страну к диктатуре. Единственной силой, способной остановить сползание России к реставрации правого режима, могли быть только последовательно левые. В центральных городах эту роль играли большевики. В Астрахани жизнь стала выводить на переднюю линию левых эсеров.

Поражение корниловщины дало им возможность укрепить свои позиции и потребовать от правых социалистов полного разрыва с кадетами.

2 сентября в Совете рабочих и солдатских депутатов состоялось общее собрание, на которое были выдвинуты две резолюции. Одну из них предложили большевики Трусев и Гольдберг, другую – член партии эсеров прапорщик Парфенов-Перфильев. В обоих текстах осуждалась корниловщина и содержался призыв к немедленному миру. Но большевики требовали перехода всей власти к Советам, а Перфильев – к Учредительному собранию. Большевики ставили вопросы о всеобщей трудовой повинности, конфискации капиталов, реквизиции хлеба у крупных землевладельцев и даже прекращения выпуска бумажных денег. Перфильев так далеко не заходил. Большевики уступили незначительно: 43 голоса против 50¹⁹¹. По сравнению с началом лета, их поддержка среди солдат возросла, а среди рабочих они доминировали. Но левые эсеры были их союзниками, а не противниками.

Это подтвердилось буквально через пару дней, когда на конференции фабрично-заводских комитетов было поддержано совместное предложение Перфильева, Гольдберга и Трусева о рабочем контроле на производстве, отмене коммерческой тайны и передаче власти Советам¹⁹².

Казачество пребывало в состоянии неопределенности. Верхушка симпатизировала Корнилову. Фронтовики были резко против. 25 сентября прошел Второй большой войсковой круг. Среди делегатов преобладали представители станичных правлений. Председательствовал Ляхов. Его заместителями были Иван Бирюков и его сын Владимир Бирюков.

Круг поддержал инициативу донского атамана Каледина о создании Союза казачьих войск Юга России, объединяющего Дон, Кубань, Терек и Астрахань. После этого собравшиеся погрузились в обсуждение калмыцкого вопроса.

Главным инициатором вступления калмыков в Астраханское Казачье войско был 28-летний нойон (князь) Данзан Тундутов. Уроженец Малодербетовского улуса, он представлял один из самых богатых калмыцких родов. Тундутов был человек с амбициями, закончил Пажеский корпус. Со времени начала мировой войны пытался получить фактический мандат на управление калмыцким народом через признание всех мужчин-калмыков казаками и на этой основе утвердить свое руководство калмыцкой частью войска.

---

¹⁹⁰ Астраханский листок. 1917. 17 (30) авг.

¹⁹¹ Голос революции. 1917. 7 сент.

¹⁹² Астраханский рабочий. 1917. 8 сент.; Голос революции. 1917. 10 сент.

Его чаяния были удовлетворены, и Тундутов приступил к формированию военных подразделений.

Чтобы князь и его окружение не воображали лишнего, круг указал, что «войсковой атаман избирается только из коренного русского казачьего населения, имелся в своем распоряжении казаков из калмыков»¹⁹³.

Вместо поддержавшего Временное правительство Соколова атаманом Казачьего войска был избран сторонник Корнилова атаман Бирюков.

---

¹⁹³ Астраханский листок. 1917. 30 сент. (13 окт.).

Сентябрьские волнения

В губернии назревал финансовый кризис. Вкладчики изымали деньги из банков, а сами банки, интегрированные с заграничными штаб-квартирами, очевидно, вкладывали средства в зарубежные проекты.

В Астрахани со свойственной рыбному краю сезонностью экономики кризис приобрел особенно острый характер. Работники перестали получать зарплату. Вместо денег им выдавали муку, по 16 кг в месяц, или по фунту в день. Состав семьи при выдаче пайков не учитывался, и люди требовали за свой труд деньги.

Первыми заявили о готовности к забастовке деревообработчики. Они сообщили, что помимо требований повышения зарплаты выступают за Советы. В той же резолюции работники язвительно заметили, что считают необходимым также поддержать предложение генерала Корнилова о введении смертной казни, применить такую к самому Корнилову, после чего положить конец всем смертным казням¹⁹⁴.

К инициативе в губисполкоме отнеслись со сдержанным спокойствием, запросив Временное правительство срочно прислать в казначейство деньги.

4 сентября прекратили работать фармацевты. Для экстренных случаев две аптеки, впрочем, были открыты¹⁹⁵.

Но 11 сентября забастовала транспортная компания «Кавказ и Меркурий», прервав на два дня поставки военных и прочих грузов. К докерам и судовым рабочим присоединились другие предприятия. Громадные толпы народа стали собираться в порту, останавливая работы на предприятиях. К стачке присоединились извозчики. Прибыло несколько сот человек с Форпоста, требовавших увеличения пайков и введения свободной торговли хлебом¹⁹⁶.

12 сентября три тысячи человек прошли к зданию Продовольственной управы на Московской улице. Митингующие выдвинули из своего состава делегацию для озвучивания требований к губернскому комиссару Склабинскому. Разговор не получился, и Склабинский выставил делегацию за дверь. Это он сделал напрасно. Толпа ворвалась в комиссариат, жестоко избила Склабинского и, вытащив его на улицу, заставила его отвечать на вопросы. Это продолжалось четыре часа, пока прибывшим нарядом милиции толпа не была несколько оттеснена. Склабинского увели домой. Толпа рассыпалась по главным улицам, предполагая собраться в том же месте наутро.

13 сентября несколько тысяч человек прошли мимо крепости к зданию Продовольственного комитета. Служащие комитета сбежали. Вошедшие в здание делегаты обнаружили оставленные клерками чай, сахар и муку и продемонстрировали все эти блага в окна. У остановленных около здания мелких служительниц толпа стала спрашивать домашние адреса начальников Комитета, но выяснить что-либо оказалось невозможно. Намерения собравшихся не отличались дружелюбием. На Больших Исадах был растерзан человек, которого по ошибке признали за члена Продовольственного комитета¹⁹⁷.

Другая часть рабочих, среди которых также было много солдат, вышла к зданию губисполкома и Совета РСД¹⁹⁸, где начался стихийный митинг. Собравшиеся требовали разрешить обыски квартир и домов граждан для обнаружения запасов продовольствия. Никакой власти

---

¹⁹⁴ Астраханский рабочий. 1917. 7 сент.

¹⁹⁵ Астраханский рабочий. 1917. 7 сент.

¹⁹⁶ ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3436. Л. 2–3; ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 37. Л. 386.

¹⁹⁷ Голос революции. 1917. 17 сент.

¹⁹⁸ Совр. ул. Кирова, 21.

в городе не было. Склабинский отлеживался в больнице. Его заместитель Коханов подал в отставку. Военное руководство ждало решение от штаба Казанского военного округа.

Из всех руководителей проявил смелость и выступил перед многотысячным митингом только председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Константин Бакрадзе, призвавший всех держаться спокойнее, но его слова повлияли мало.

Для смягчения напряжения председатель СРСД Бакрадзе согласился с требованием многотысячного митинга об обысках, поставив условием обязательное присутствие членов Совета. Разумеется, запрет на самозахваты был проигнорирован.

Горожане принялись взламывать склады с припасами паровозных обществ. Заодно был разгромлен винный склад. Начальник милиции сбежал. Вечером Совет РСД отменил разрешение на обыски и реквизиции¹⁹⁹. Совет оставался единственным организованным органом власти в городе, как отмечал в своем последующем отчете председатель Биржевого комитета Складчин²⁰⁰.

Была объявлена мобилизация рабочих дружин, впрочем, не имевших оружия и малоэффективных против бунтовавших солдат. О своей готовности выполнять распоряжения Совета заявила мусульманская рота. Из гражданских учреждений были готовы обеспечивать порядок пожарные. Подключились казаки.

Утром 14 сентября к зданию губернского комиссариата, где в то время происходило заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, подошла большая толпа народа, делегатами которой было предъявлено требование отменить постановление о запрещении производства обысков. Когда Совет в этом отказал, толпа потребовала, чтобы председатель совета Бакрадзе вышел для объяснения на улицу. Так как из толпы раздавались угрозы по адресу Бакрадзе и всего Совета рабочих и солдатских депутатов, то Бакрадзе отказался выйти к толпе, после чего значительное количество лиц ворвалось в помещение комиссариата, но Бакрадзе и остальные члены Совета покинули здание через черный вход.

Между тем к помещению комиссариата начальником гарнизона был приведен отряд солдат, которые, не применяя оружия, рассеяли толпу. Небольшие, но агрессивные группы разбрелись по городу, разыскивая членов продовольственной управы, но разыскать их не удалось, так как все они скрылись.

Лишь в одном месте, возле городской лавки, толпа случайно опознала члена продовольственной управы Королева, и ему были нанесены жестокие побои. К вечеру 14 сентября в городе наступило успокоение²⁰¹.

Порядок в городе удалось восстановить только усилиями рабочих дружин, мусульманской роты, пожарной бригады и казачьих разъездов.

14 сентября Мусульманский военный комитет провел на Гоголевской площади митинг, подчеркнув, что татары и другие мусульмане не участвовали в беспорядках и, напротив, пресекали их, и на этом основании потребовали представительства в Губисполкоме, Совете рабочих и солдатских депутатов, а также в Продовольственном комитете²⁰².

Совет тоже извлек свои выводы из происшедших событий. В течение месяца он дважды брал власть в городе, прекращая стихийные беспорядки, после чего возвращал полномочия тем, кто явно не справлялся с управлением.

20 сентября прошло массовое объединенное собрание Совета рабочих, солдатских депутатов и профсоюзов. Присутствовало более 450 человек. Исходя из полученного опыта, большинство в две трети приняло решение:

---

¹⁹⁹ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 4. Л. 191.

²⁰⁰ Письмо председателя Биржевого комитета Складчина // Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 114–115.

²⁰¹ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 99–100.

²⁰² ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 34. Л. 115.

- нужно немедленное вооружение рабочих дружин (Красная гвардия);
- власть в губернии должна перейти к СРСД;
- власть в стране должна перейти к Всероссийскому центральному комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов²⁰³.

Это решение было незамедлительно поддержано общими собраниями бондарей, пекарей, портных и других работников. Низовые собрания пошли дальше и потребовали «заменить менее революционных работников более революционными, а также и переизбрать состав Исполкома СРСД»²⁰⁴.

---

²⁰³ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 119–120.

²⁰⁴ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 117.

Правые эсеры теряют Совет и приобретают Губисполком

Революция развивалась столь быстро, что сами революционеры не успевали за ней. В сентябре подал в отставку председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Константин Бакрадзе.

История была такова: на фоне развивающегося политического кризиса возникла идея собрать воедино всех астраханских левых, то есть Совет рабочих депутатов, социалистическую фракцию в городской Думе и профсоюзы. Собрание оказалось массовым: пришло более четырехсот человек, каждый из которых представлял группу рабочих, солдат или был депутатом.

Правые эсеры, меньшевики и бунд сформировали объединенную коалицию, предлагавшую подождать выборов в Учредительное собрание. Им противостояли большевики и левые эсеры. Прапорщик Перфильев, за которым стоял весь гарнизон, предложил резолюцию, зачитанную большевиком Вейнмарном. Они требовали подчинения Временного правительства Советам, немедленной организации Красной гвардии, отмены смертной казни и передачи власти в Астрахани объединенной коалиции Советов, профсоюзов и городской Думы, то есть собравшимся в зале.

Голосовали по американской модели: выходя в разные двери и считая число вышедших. Левых эсеров и большевиков поддержали 276 делегатов, правые социалисты набрали 175 голосов.

Для Бакрадзе такие стремительные изменения оказались невыносимы. Он подал в отставку с поста председателя Совета²⁰⁵ и сосредоточился на организации «Народной гимназии» для рабочих, проще говоря, вечерней школе, которую Бакрадзе открыл в 1-м Высшем городском училище на Московской улице²⁰⁶. На курсы записалось 250 человек²⁰⁷.

30 сентября проходят выборы нового руководства Совета. Теперь Исполком Совета возглавляет левый эсер прапорщик Перфильев, член партии социалистов-революционеров с 1905 года²⁰⁸. За него голосует 90 делегатов, против нет никого. От рабочей секции в руководство входят большевики Гольдберг (товарищ председателя), Иконицкий (секретарь), Мазухин, Хумарьян, а также левые эсеры Бакрадзе, Войцехович и Четин. От солдат – беспартийные Волков, Иванов и Зигмунд. Меньшевики и правые эсеры отказались от руководящих постов, полностью утратив влияние на Советы рабочих и солдат²⁰⁹. При этом самому Совету присутствовавшие на заседании эсер Якиманский и меньшевик Абдушели пообещали всяческую поддержку, но дистанционно²¹⁰.

«Советы не вся демократия и не весь народ, – объясняет этот поступок эсеровская печать. – При их выборах не было такой строгой организации, как при выборах в городскую Думу. Советы – это часть демократии, ее авангард, но авангард не должен отрываться от армии»²¹¹.

Рассуждая подобным образом, сами эсеры быстро отрывались и от авангарда, и от армии.

Левые эсеры и большевики сформировали единое ядро, в котором ленинцы обозначали перспективные задачи, а их стремительно левевшие товарищи по коалиции призывали к некоторой осмотрительности. 19 октября на общем собрании Совета рабочих и солдатских депу-

---

²⁰⁵ Голос революции. 1917. 21 сент.

²⁰⁶ Голос революции. 1917. 23 авг.

²⁰⁷ Астраханский листок. 1917. 14 (27) нояб.

²⁰⁸ Астраханский листок. 1918. 14 марта.

²⁰⁹ Голос революции. 1917. № 49; Астраханский рабочий. 1917. 4 окт.

²¹⁰ Голос революции. 1917. 5 окт.

²¹¹ Голос революции. 1917. 24 сент.

татов рассматривался вопрос о борьбе с контрреволюцией. Трусов говорил о необходимости создания Красной гвардии и передаче власти непосредственно Советам²¹². Перфильев предложил резолюцию, определившую необходимость «борьбы с разрухой и энергичную поддержку избранных демократией продовольственных и иных органов». При этом «всякое сепаратное выступление отдельных отрядов демократии признавалось в настоящий момент (!) гибельным для революции, пролетариат обязан проявлять сугубую осторожность, пользуясь при этом директивами своих органов – Советов»²¹³.

Иначе говоря, пролетариат должен был проявлять тактическую сдержанность, но готовиться к выступлению и взятию власти, как только избранное им руководство Советов сочтет это возможным.

Фактический раскол в эсеровской организации становится невозможно скрыть. Местный партийный официоз «Голос революции» перепечатывает из центральных газет многочисленные статьи, направленные против левой части партии, а в начале октября проходит партконференция, требующая «очистки партии от случайных элементов и открытой, честной борьбы с большевизмом»²¹⁴. Судя по отсутствию возражавших и избранию весьма консервативного состава Исполкома, левое крыло просто проигнорировало это мероприятие.

Тем временем губернский комиссар Склабинский подал в отставку. Хороший журналист, он был совершенно не способен руководить бурлящим краем. 4 октября настало время выбирать нового губернского комиссара. Меньшевик Кругликов и бывший городской голова казак Ляхов категорически отказались занимать эту должность. В результате был избран меньшевик Аствацатуров. Примечательно, что присутствовавшие на заседании губисполкома большевики заметили, что ничего не имеют против данного кандидата и чуть ранее даже голосовали за его избрание на должность председателя Совета рабочих и солдатских депутатов.

Аствацатуров не имел ни программы действий, ни реальной организационной опоры. Как представитель партии меньшевиков, не обладавшей поддержкой ни в селе, ни в городе, он откладывал все принципиальные решения на потом, дожидаясь выборов в Учредительное собрание. Между тем ни рабочие, ни крестьяне, ни казаки, ни солдаты ждать не собирались. Им была нужна ясность здесь и сейчас, и они сами брали ту власть, которую могли.

Селяне требовали твердых мер по решению продовольственной проблемы. Состоявшийся 22 октября в Царевском уезде крестьянский съезд, призвав голосовать за список эсеров на выборах в Учредительное собрание, высказался за «твердые цены на предметы первой необходимости для крестьян, усиление борьбы со спекуляцией и немедленную реквизицию излишков зерновых запасов, не останавливаясь ни перед какими решительными мерами»²¹⁵.

Для нового губернского комиссара Аствацатурова подобная народная активность означало одно – анархию. 14 октября он отправляет в уезды жалобную телеграмму, в которой предлагает собрать общественность и организовать милицию²¹⁶.

Осенью органы власти начали подводить итоги своей деятельности. Они были не утешительны. Городская управа и уездные исполкомы, что называется, тянули лямку, но без всякого энтузиазма. Служащие прогуливали работу, а те, которые ее все же посещали, сосредоточились на решении собственных проблем²¹⁷. В городской Думе заседания пропускали до 75 % депутатов, и львиная доля решений принималась без соблюдения кворума²¹⁸.

²¹² Астраханский рабочий. 1917. 22 окт.

²¹³ Астраханский рабочий. 1917. 22 окт.

²¹⁴ Голос революции. 1917. 12 окт.

²¹⁵ Голос революции. 1917. 26 окт.

²¹⁶ ГААО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 271. Л. 146 об.

²¹⁷ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 4. Л. 185–188.

²¹⁸ Астраханский листок. 1917. 26 окт.

Но, вместо того чтобы активно вовлекать в управление тех, кто хотел этим заниматься, – активистов Советов, – эсеры предпочитали союз с партией, которая была враждебна их политической программе и саботировала любые социалистические мероприятия: с кадетами.

Наглядным образом это подтвердилось 24 октября на заседании городской Думы. Ссылаясь на то, что «принцип коалиции социалистов с кадетами теперь проводится во всех больших городах», эсеры предложили кадетам войти в Управу, то есть в постоянно действующий исполнительный орган власти. Выглядело все это довольно унижительно, поскольку кадеты отказались. Их лидер депутат Моисей Дайхес заявил, что Партия народной свободы вернется к вопросу о вхождении в руководство гордумы только после выборов в Учредительное собрание.

Нарастал кризис. Выстроились многочасовые очереди за керосином. По-прежнему не хватало наличных денег, и долги по зарплате нарастали. Возникли перебои с продовольствием. «Вот уже 5–6 дней, как в город нет никакого поступления хлеба», – безвольно отмечали участники очередного пустопорожнего совещания в губисполкоме²¹⁹.

---

²¹⁹ Астраханский листок. 1917. 25 окт.

Крестьяне не ждут

Проведение земельной реформы в губернии взял в свои руки председатель местной организации эсеров Чернобаев. Он стал председателем Земельного комитета. Вся деятельность комитета, впрочем, сводилась к попытке обмера и учета земельных участков, поскольку последние работы по землеустройству производились аж в 1837 году. Ничего большего комитет не предпринимал, полагая, что надо дожидаться выборов парламента.

II Крестьянский съезд, собранный эсерами в начале октября, показал их абсолютную беспомощность.

«Истекших трех месяцев едва хватило, – рассказывала секретарь губисполкома Совета крестьянских депутатов А. Султанова, – чтобы обсудить положение о земельных комитетах и провести в жизнь соответствующие мероприятия. С глубокой горестью приходится отмечать, что население России творит страшное дело. Подавляющее большинство слишком неправильно воспринимает завоевания революции. Всех охватывает стремление как можно меньше делать и как можно больше получать»²²⁰.

В селах, конечно, поддерживали эсеров, но ждать Учредительного собрания и решений демократических органов не собирались.

В селе Барановка Черноярского уезда крестьяне поделили между собой землю купца Калашникова. Кроме земли, они также захватили здания, амбары, скот, невода, сети и иное имущество.

В селе Заплавное Царевского уезда селяне разогнали волостной комитет, после чего арестовали начальника милиции и отобрали муку у проезжих торговцев. «Сходы буйные, – отмечала эсеровская пресса, – сколь-либо передовых, сознательных людей, стоящих за проведение распоряжений Временного правительства, со схода гонят. Им за последнее время стало просто опасно появляться на сходах. За призывы принять земство или поддержать продовольственный комитет грозят со схода вытолкнуть и поколотить. На сходе, бывшем 15 октября, председателю волостного продовольственного комитета пришлось спасаться бегством. Скрывшись от озверевшей толпы, он до вечера просидел под лестницей волостного правления»²²¹. В Киргизской степи прошли столкновения между русскими арендаторами и казаками. «На киргизских землях есть много посевов, но киргизы намерены реквизировать местные мельницы и перемолоть весь урожай для своих надобностей, – сообщали из окрестностей Джанибека, – они травят скотом посевы русских арендаторов, загоняют в свои базы русский скот и гонят арендаторов из степи, говоря: “Убирайтесь, это не ваша, а наша земля”»²²². Прибывший по распоряжению местного Совета рабочих и солдатских депутатов отряд из 50 солдат стал свидетелем потравы посевов киргизами. При задержании один из нарушителей открыл огонь по экспедиции. Солдаты «не удержались от применения в дело прикладов и избили 11 киргизов, двоих тяжело»²²³.

Столкновения прошли также севернее. В районе Александрового Гая кулаки привлекли к работе на полях киргизов, которые согласились работать дешевле, чем русские. Оказавшиеся под угрозой потери работы русские избили их, обвинив в штрейкбрехерстве²²⁴.

Нападали друг на друга и жители соседних русских сел. Так, 22 августа губернский земельный отдел передал часть водных угодий от села Княжино (совр. Вольное) к Хошеутово. Спустя четыре дня пятнадцать хошеутовцев пошли ловить рыбу.

---

²²⁰ Голос революции. 1917. 8 окт.

²²¹ Астраханский листок. 1917. 29 окт.

²²² Астраханский листок. 1917. 27 июля.

²²³ Астраханский листок. 1917. 18 (31) авг.

²²⁴ Астраханский листок. 1917. 9 (22) авг.

«При начале лова вдруг подъехали верхом крестьяне Княжино в количестве сорока человек, вооруженных вилами, кольями и лопатами». Они захватили рыбаков и погнали их с собой в Княжино, где собралась внушительная агрессивная толпа в несколько сот человек. Бедных хошеутовцев поставили на колени и только после просьб со слезами на глазах отпустили, пообещав в следующий раз убить²²⁵.

В селе Быково был устроен самосуд над председателем и членом правления общества потребителей, выразившийся в том, что найденный у председателя товар был на него повешен, и в таком виде толпа водила арестованных по селу, нанося побои. Оба были помещены в больницу²²⁶.

В Солодниках и Цаце местные жители захватили казенные леса, сместив казенную стражу.

В Бирючьей Косе собрание ловцов постановило изъять у рыбопромышленника Новикова его промысловый участок. Что хуже, крестьяне повышали цены на хлеб для города, придерживая его запасы. В условиях распада транспортной системы, не выдержавшей военной перегрузки, власти не могли организовать конкурентный завоз.

«Приходится ехать к своему же брату-крестьянину, – рассказывала Султанова, – разъясняя ему, что вздуванием цен на хлеб он играет только на руку богачам, продавая за несколько лишних денежных знаков все блага, завоеванные для него революцией»²²⁷.

Уговоры не работали. Газетчики описывали настоящую вакханалию обогащения: «Царевский уезд сделался ареной деятельности спекулянтов, дерзость которых превосходит всякие границы. Скупленная у крестьян мука тут же перепродается на пристанях и железнодорожной станции приехавшим по двойной и тройной цене»²²⁸.

Аналогичная ситуация творилась и с поставками рыбы. Кузьма Терещенко с горечью отмечал, что после введения твердых цен на сельдь «спекулянты очень быстро подняли цены на 50–100 % выше твердых, и весь товар стал уходить в их руки»²²⁹.

Помогать эсерам спасти города (и страну, поскольку без городов страны не бывает) селяне не собирались. Все избранные на 1-м Крестьянском съезде члены Исполкома спустя три месяца, на 2-м съезде, сложили с себя полномочия, дав понять, что заниматься организацией государственной системы они не станут.

---

²²⁵ Астраханский листок. 1917. 11 (24) нояб.

²²⁶ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 131–132.

²²⁷ Голос революции. 1917. 8 окт.

²²⁸ Астраханский листок. 1917. 26 окт.

²²⁹ Астраханский листок. 1917. 21 нояб. (4 дек.).

Очередной разгром винных складов

С началом мировой войны на продажу водки был введен запрет, и исчезла важнейшая составляющая доходов Российской империи. Причем данный запрет работал весьма своеобразно: торговля спиртным сохранялась в ресторанах первой категории, то есть высшего класса ограничения не коснулись. Пить от этого, впрочем, в стране меньше не стали. В селах перешли на брагу, пережигая зерно, а в городах получили распространение кокаин и морфий.

Разумеется, излишества, которым предавался правящий класс (придумавший сухой закон для простонародья), не могли не вызывать возмущения. Местами оно приобретало характер крайнего пуритантизма, и в этом контексте интересно, например, решение созванного эсерами Крестьянского съезда «закрыть на это тяжелое время все открытые сцены, тайные притоны, качели, карусели, так как все эти способы увеселения публики лишь способствуют ее нравственному разложению, в то время как нужно крайнее напряжение всех нравственных и физических сил населения»²³⁰.

Но демонстрировать стоицизм и воздержание четвертый год подряд горожане были не готовы.

В конце сентября в Астрахани вспыхнули новые волнения вокруг винных складов, приобретшие еще более масштабный характер, чем было в августе.

Все началось с того, что в гарнизон проник слух, что караул готов за некоторое вознаграждение выносить спиртное со склада. Вслед за этим «некоторые части войск и отдельные солдаты явились к складу с требованием водки. Во избежание кровопролития пришлось вывести со склада караул, толпа хлынула туда, и пошел гром от разбиваемых стекол, окон, дверей. Пошло повальное пьянство»²³¹.

Командование попробовало навести порядок, направив на склад отряд из 10-й роты. Находившиеся на складе солдаты из 4-й роты залегли за импровизированной баррикадой и стали окапываться. 10-я рота была более трезвой и добилась успеха. 4-я рота отступила, потеряв одного человека убитым и четырех ранеными²³².

«Несколько дней идет пьяная вакханалия, – писал Трусев, – солдаты, бабы, дети обступают винный склад, и каждый жаждет похитить хоть частичку отравы, и, несмотря на непрерывный обстрел охраны – солдат и рабочих дружин, несмотря на случаи раненых и убитых, позорная эпопея продолжается, и нет ей конца»²³³.

Однако пьянством дело не ограничилось. Начался пожар. «Хулиганье, бродя в темноте в поисках спирта, чиркало спичками, курило и подожгло склад. Большое здание погибло в огне. Боясь взрыва цистерны с 24 000 ведрами спирта, которую все же удалось спасти, жители стали выезжать из близлежащих к складу домов. Пожар продолжался более суток. Расхищена масса спирта. Торговля им шла бойко. Казаки тоже многие действовали заодно с толпой, расхищали и напивались»²³⁴. «Несколько солдат и казаков были задавлены кадками с вином, в то время как они брали вино из подвалов»²³⁵. Волнения продолжались почти неделю и были остановлены – нет, не милицией. Отчасти они угасли сами по причине исчерпания запасов спиртного, а отчасти были подавлены удивительной коалицией рабочих дружин, мусульманского отряда и части казачества.

---

²³⁰ Голос революции. 1917. 13 авг.

²³¹ Голос революции. 1917. 1 окт.

²³² Астраханский листок. 1917. 30 сент.

²³³ Астраханский рабочий. 1917. 28 сент.

²³⁴ Голос революции. 1917. 1 окт.

²³⁵ Астраханский листок. 1917. 26 сент.

Рост низового насилия

Активизация преступного сообщества и ответные самосуды, развернувшиеся с весны 1917 года, приобретали все более угрожающий характер.

Пресса практически ежедневно сообщала о грабежах, разбоях и убийствах.

19 июля была совершена попытка ограбления дома В. М. Догадина. Проникшие в дом злоумышленники задушили экономку, но затем их что-то спугнуло, и имущество они не вынесли²³⁶. 20 июля на Набережной Кутума трое налетчиков с револьверами напали на возвращавшихся домой приказчиков, желая их ограбить. Двое приказчиков были убиты наповал, третий получил ранение, но сумел бежать²³⁷.

21 июля на дороге в пригородное село Три Протока были найдены убитыми скотовладелец Ниязов и сопровождавший его русский мальчик. Ниязову разрубили голову, а мальчик был зарезан. «Убийство было совершено днем на бойкой дороге», – отмечали репортеры²³⁸.

Осенью ситуация окончательно вышла из-под контроля.

Обыденным явлением стали перестрелки.

7 ноября шестеро злоумышленников, одетых в солдатскую форму, ворвались в дом владельца бондарной мастерской Федичкина. Они связали двух охранников-лезгин, после чего выпустили в поднявших шум владельцев дома десять патронов. Было украдено 7000 руб.²³⁹

В тот же вечер на углу 2-й Бакалдинской улицы получил огнестрельное ранение милиционер.

Спустя два дня на той же 2-й Бакалдинской улице ефрейтор 156-го полка Федосеев с целью грабежа схватил за горло извозчика, другой рукой наставив на того револьвер. Проходивший мимо милиционер поспешил извозчику на выручку и открыл огонь по преступнику. Федосеев получил ранение и был схвачен²⁴⁰.

15 ноября в Семиковке несколько неизвестных, назвавшихся военным патрулем, напали на контору нефтяного предприятия Орлова. Сотрудники заперлись, после чего по окнам был открыт огонь из винтовок. Только прибывшие милиционеры спугнули налетчиков²⁴¹.

Население, при случае, рассчитывалось с преступниками самостоятельно и полной мерой.

В селах ввели телесные наказания. Так, в Зеленге решением схода по 15 ударов розгами получили несколько воров²⁴².

Но порки были мелочью. Грабителей начали линчевать.

В конце ноября в Покрово-Болдинском поселке была схвачена длительное время орудовавшая здесь банда. За ней числились многочисленные грабежи и убийства. Преступников поймали с поличным на попытке силой захватить груз красной рыбы с промысла. На каждого из бандитов нацепили по севрюге и плакат «Покрово-Болдинский грабитель». В поселок прибыла большая группа солдат 14-й роты, взбешенных тем, что банда совершала свои нападения, переодеваясь в гимнастерки и шинели. Избитых в кровь налетчиков повели в центр города в сопровождении многолюдной толпы. Шествие сопровождали барабанщики и трубачи. Спустя полтора часа колонна добралась до самого центра города, и прямо у здания Совета рабочих

---

²³⁶ Астраханский листок. 1917. 20 июля.

²³⁷ Астраханский листок. 1917. 21 июля.

²³⁸ Астраханский листок. 1917. 23 июля.

²³⁹ Астраханский листок. 1917. 7 нояб.

²⁴⁰ Астраханский листок. 1917. 11 нояб.

²⁴¹ Астраханский листок. 1917. 15 нояб.

²⁴² Астраханский листок. 1917. 9 дек.

и солдатских депутатов был устроен митинг. Аплодисментами было встречено предложение повесить бандитов прямо на ул. Московской, однако солдаты настояли на том, чтобы отправить арестованных в распоряжение 14-й роты, стоявшей на Селенах, чтобы расправиться уже там. Впрочем, до Селен бандитов не довели, расстреляв у Пешеходного моста²⁴³.

Не прошло и недели, как аналогичные события произошли в Зацаревском ауле. Татарская самооборона схватила банду из шести человек, скорее всего, каком-нибудь сарае. Прослышав об этом, к «острогу» стянулись сотни жителей. Бандитов вытащили из камеры на улицу, избили, связали по двое, после чего расстреляли на соседнем острове²⁴⁴.

---

²⁴³ Астраханский листок. 1917. 29 нояб.

²⁴⁴ Астраханский листок. 1917. 10 (23) дек.

25 октября

В ночь на 25 октября в Петрограде моряки, солдаты и рабочие дружины, поддерживающие большевиков, взяли Зимний дворец, арестовали Временное правительство и заняли все основные административные здания столицы. II съезд Советов, который проходил в эти дни в Смольном, поддержал переворот: среди делегатов доминировали большевики, которых поддерживала левая часть партии эсеров. Меньшевики и правые эсеры покинули заседание, хлопнув дверью и исключив таким образом всякую возможность формирования большого социалистического правительства.

Благодаря телеграфу до Астрахани информация дошла через считанные часы. Но оценить происходящее было крайне сложно. Пришли, например, сообщения, что красногвардейцы покинули телеграф и почту. Поэтому ответ на вопрос, кто реально контролирует Петроград и чем это закончится, был неочевиден.

Городская дума, то есть эсеры, меньшевики и кадеты, незамедлительно заявила о поддержке Временного правительства (которое на тот момент уже пало) и призвала «со всей энергией, не останавливаясь в случае необходимости перед противопоставлением силы силе, пресечь все дезорганизационные попытки большевиков»²⁴⁵.

В Совете рабочих и солдатских депутатов состоялось экстренное собрание. Вел его эсер Перфильев. К этому времени его политический опыт вырос, а взгляды существенно сдвинулись влево. Перфильев, впрочем, проявлял осторожность. Он призвал к спокойствию, выдержке, воздержанию от эксцессов и послушанию Советам.

Следующим взял слово Трусов. Ему было сложно. Трусов знал о событиях не больше, чем остальные, и никаких ясных директив не имел. Трусов говорил долго – три четверти часа, – в основном подчеркивая необходимость сохранения в Астрахани спокойствия и организованности. Зато прибывший из Саратова большевик Рапопорт, не скованный местной повесткой, в духе статей «Правды» прошелся по буржуазии и правой части демократии. Ему оппонировал меньшевик и профсоюзник Сарабьянов, обвинивший большевиков в авантюризме и узурпации власти.

Перфильев сумел вывести Совет рабочих и солдатских депутатов (СРСД) на ровное русло, предложил проголосовать за то, чтобы «организованные солдаты и рабочие держались выжидательной тактики, приняли меры к сохранению порядка и не принимали никаких выступлений без директив революционного центра»²⁴⁶.

Что очень важно, к СРСД присоединилось Мусульманское бюро, в котором важную роль играл левый эсер Касым Туйбахтин. Бюро контролировало мусульманскую роту, представлявшую собой в тот период единственное боеспособное подразделение гарнизона. Красная гвардия была предметом только разговоров, и реальными военными силами Советы не располагали. Конечно, имелась возможность парализовать город забастовкой, но для взятия власти этого было недостаточно.

В целом большевикам приходилось сложно. Их организация в Астрахани не могла быть отнесена к сильным. Кроме того, астраханская культура торгового города предполагала поиск договоренностей и компромиссов.

Поэтому астраханские большевики, отклоняясь от твердой линии Ленина и Троцкого, заявили о поддержке Всероссийского профсоюза железнодорожников (ВИКЖЕЛЬ), предложившего создать единое социалистическое правительство в составе эсеров, большевиков и

---

²⁴⁵ Астраханский листок. 1917. 27 окт.

²⁴⁶ Астраханский листок. 1917. 28 окт.

меньшевиков²⁴⁷. Тактически это решение было превосходным. Если в Петрограде оно означало потерю абсолютной власти левыми радикалами, то в Астрахани, напротив, вело за собой вхождение большевиков во власть и устранение из нее кадетов.

С этой идеей широкой левой коалиции не были согласны эсеры.

31 октября местное собрание ПСР осудило захват власти ленинцами и призвало к «созданию однородного социалистического правительства без большевиков и цензовых элементов». Иначе говоря, эсеры заявили о том, что будут вступать в коалицию только с меньшевиками²⁴⁸.

В действительности ни с какими кадетами порывать они не собирались. Напротив, кадеты пригласили на свое собрание ставшего депутатом Учредительного собрания эсера Кузьму Терещенко, который произнес гневную речь по адресу большевиков, собравшихся сдать на милость немцам²⁴⁹.

Еще ярче правый крен эсеров и меньшевиков проявился во время совещания Губисполкома. Большевики, левые эсеры и мусульмане отказались на него приходить, после чего совещание было перенесено... в здание Казачьего правления²⁵⁰! В поисках путей выхода из политического кризиса контролируемая правыми социалистами и кадетами городская Дума предложила поручить соответствующую работу губернскому комиссару меньшевику Аствацатурову. Депутаты предложили включить в состав формируемого коллективного органа себя, представителей земства, губисполкома, Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, профсоюзов, казачества, мусульман, начальника гарнизона и начальника милиции²⁵¹.

Между тем сама партия социалистов-революционеров переживала раскол. В Петрограде значительная часть эсеровской делегации II съезда Советов отказалась покидать зал заседаний, осталась с большевиками и была исключена из партии. Исключенных было много, и вполне естественно, что они решили создать собственную организацию, не отказываясь от исторического названия. В конце октября возник оргкомитет партии левых социалистов-революционеров, который возглавила Мария Спиридонова.

В Астрахани тоже быстро намечался раскол²⁵². Левую линию, направленную на сотрудничество с большевиками и размежевание с кадетами, поддержали такие влиятельные и авторитетные партийные лидеры, как директор народной гимназии Бакрадзе, специалист по земельным отношениям Митенев, командир мусульманского отряда Туйбахтин и, самое главное, председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Перфильев.

Было очевидно, что события вышли далеко за пределы Петрограда. К 1 ноября большевики взяли власть в Саратове, Воронеже, Уфе, Нижнем Новгороде, Казани, Ярославле, Минске, Таллинне и многих других городах. Все это наряду с позицией армии выглядело не как верхушечный переворот, а как сильное массовое движение с большим будущим.

Первые декреты новой власти – о выходе из войны, о социализации земли, о рабочем контроле – не могли быть оспорены с левой точки зрения. Напротив, в непримиримую оппозицию к новой власти встали силы реставрации, желавшие восстановления монархии, защищавшие право помещиков на латифундии, а фабрикантов на расправу с забастовщиками.

В подобных обстоятельствах выступление меньшевиков и руководства эсеров против взятия власти Советами выглядело как откровенная работа на контрреволюцию.

---

²⁴⁷ Астраханский листок. 1917. 2/15 нояб.

²⁴⁸ Голос революции. 1917. 5 нояб.

²⁴⁹ Астраханский листок. 1917. 10 (23) нояб.

²⁵⁰ Астраханский листок. 1917. 28 окт.

²⁵¹ ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 4. Л. 195 об. – 196.

²⁵² Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. М., 2010. С. 156.

Вслед за расколом у социал-демократов организационно оформился раскол и у народников: 5 ноября в «Астраханском листке» появляется первое сообщение о группе эсеров-интернационалистов.

На пути к самостоятельной краевой власти

Шаг к разрядке напряженности сделали левые. 30 октября они пригласили на заседание Исполкома СРСД правых эсеров и меньшевиков. Основной задачей было убедить гостей в миролюбии Совета и ненужности чрезвычайных мер, попутно пригрозив забастовкой. «Совет лоялен и меры, по существу, бесполезны и только нервнируют и раздражают рабочую и солдатскую массу», – заявили лидеры СРСД. Попутно выяснилось, что соглашение всех партий, не исключая большевиков, возможно на почве, предложенной в резолюции Союза железнодорожников.²⁵³

Напомним, что Всероссийский профсоюз железнодорожников предлагал сформировать однородное социалистическое правительство.

Результаты не заставили себя ждать. 1 ноября партийное собрание эсеров, осудив в очередной раз переворот в Петрограде, отметило, что с местной организацией большевиков можно сотрудничать. Спустя несколько дней прошло совещание эсеров с левыми эсерами²⁵⁴. Примирительную позицию заняли и меньшевики. Отвечая на недвусмысленное предложение Перфильева создать единый социалистический фронт, один из меньшевистских лидеров Иванов ответил, что его организация, в принципе, с этим согласна.

Игнорировать стремительно происходившие перемены было невозможно. 31 октября у правой части демократии происходит принципиально важный сдвиг в ее позиции. Изначально эсеры и меньшевики предлагали сформировать новую губернскую власть на коалиционной основе под руководством комиссара, назначенного Временным правительством, то есть Астафурова.

Но Керенский бежал в неизвестном направлении, и апелляция к нему была нелепа. Поэтому городская Дума во главе с меньшевиком Кругликовым предложила: пусть астраханский коалиционный орган власти сам выбирает себе руководителя²⁵⁵.

Предложения эсеров и меньшевиков были следующими: три представителя городской Думы, по одному от уездов, пять от Совета рабочих и солдатских депутатов, пять от Совета крестьянских депутатов, по одному от профсоюзов, социалистических партий, пехотного полка, казаков и казачьей батареи²⁵⁶. Понятно, что при таком принципе формирования коалиции эсеры сохраняли всю полноту власти.

Семеро кадетов во главе с Моисеем Дайхесом проголосовали против. Видя, как ускользает от них власть, кадеты не нашли ничего умнее, чем обвинить эсеровского лидера Кузьму Терещенко в махинациях с рыбными поставками²⁵⁷.

Трусов, Хигер и примкнувшие к ним двое депутатов (доктор Розенберг-Шишло и Султанов) дипломатично воздержались от голосования в городской Думе. В целом же ветер перемен дул в их паруса. Истерическая реакция кадетского руководства во главе с Дайхесом, обрушившегося с обвинениями против эсеров в своей прессе, очень помогала руководству Советов в формировании широкой социалистической коалиции. На левом фланге были проблемы с собственными радикалами в лице пришедшего саратовского большевика Рапопорта и пекаря Липатова, которые требовали немедленного провозглашения советской власти. Оба они только что вернулись со II съезда Советов в Петрограде и были очень воодушевлены. Но Трусов, Перфильев и другие лидеры легко смогли удержать ситуацию, проведя в СРСД очередную успокаива-

---

²⁵³ Астраханский листок. 1917. 1 нояб.

²⁵⁴ Астраханский листок. 1917. 2 и 5 нояб.

²⁵⁵ ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3461. Л. 2.

²⁵⁶ ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3461. Л. 2, 2 об.

²⁵⁷ Астраханский вестник. 1917. 1 нояб.

вающую резолюцию: «Не допускать в Астрахани неорганизованных выступлений, так как это ведет к совершенно напрасному пролитию крови и не делает политики для всей страны»²⁵⁸.

---

²⁵⁸ Астраханские ведомости. 1917. 1 нояб.

Создание Комитета народной власти

Принципиальное решение о создании широкой правящей коалиции стало объединяющим для правых и левых социалистов.

Начались сложные многодневные переговоры о нормах представительства.

Каждый день усиливал позиции левых. В начале ноября под контроль большевиков перешла Москва, попытка Краснова овладеть Петроградом завершилась фиаско, о своей поддержке переворота все активнее заявляли фронтовые Советы. 4 ноября советская власть была провозглашена в Царицыне, а 13 ноября – в Баку.

В Астрахани рабочий-активист, 38-летний пекарь Иван Липатов²⁵⁹ стал создавать Красную гвардию. К концу месяца в нее записалось триста добровольцев, в массе своей, впрочем, совсем не вооруженных²⁶⁰. Преобладающее большинство бойцов в Красную гвардию дали следующие союзы: пекари, портные, бондари, сапожники и часть грузчиков²⁶¹.

Красногвардейцы группами по 10–12 человек начали осуществлять патрулирование города. Они проверяли милицейские посты, иногда забирая у постовых оружие. Милиция не спорила. В частности, таким образом был разоружен пост у здания окружного суда. В квартал Махалле красногвардейцы не входили, так как татарская самооборона этого не приветствовала²⁶².

На фоне возрастающих долгов по зарплате в середине ноября на многих предприятиях была объявлена предзабастовочная готовность. А 17 ноября под политическим руководством большевиков был создан Центральный стачечный комитет.

Все это вынуждало правых социалистов не откладывать более вопрос о создании нового органа власти, а согласиться с его учреждением и попробовать за счет разных маневров удержать организационный контроль.

17 ноября меньшевик Стариков на заседании городской Думы предложил объявить о создании Комитета народной власти, объяснив свое предложение следующим образом:

«я сторонник старого Временного правительства, но я вижу, что страсти кипят, что их подогревают искусственно, и посему взываю взглянуть на данный проект как на компромисс»²⁶³.

Проект меньшевиков предусматривал создание полновластного органа, которому бы принадлежали все полномочия в крае вплоть до создания общепризнанного правительства в центре. В Комитет народной власти (далее КНВ) включались представители Думы, Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, профсоюзов, левых политических партий и казачьих низов. Желательным было названо вхождение в КНВ представителей Казачьего войскового правительства. Кадеты с их резко правыми лозунгами оставались за порогом соглашения. По-другому и быть не могло в условиях создания широкой левой коалиции.

Предложение Старикова вызвало у кадетов очередной приступ бессильного озлобления. «Партия народной свободы уполномочила меня, – заявил Моисей Дайхес, – выразить категорический протест. Совершенно неприличным является невключение представителя от Партии народной свободы. Впрочем, если бы нам и предоставили место, мы бы предложение отвергли,

---

²⁵⁹ Липатов Иван Иванович, 1879–1949, член ВКП(б) с 1904 года, пекарь, воевал в мировую войну, создатель Красной гвардии в Астрахани, первый председатель губисполкома, затем работал в рыбной промышленности Астрахани, Гурьева, Керчи, с 1930 года в Москве, умер в 1949 году.

²⁶⁰ Герасименко Г. Советы Поволжья в 1917 году. Саратов, 1967. С. 108.

²⁶¹ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 62.

²⁶² Астраханский листок. 1917. 28 нояб. (11 дек.).

²⁶³ Астраханский вестник. 1917. 21 нояб.

поскольку усматриваем в нем соглашательство с Советом рабочих и солдатских депутатов, соглашение с большевиками»²⁶⁴.

Эта филиппика производит странное впечатление. Желание потерпевших фиаско на летних выборах кадетов (не участвовать в КНВ) совпало с возможностями парламентского большинства (не включать кадетов в КНВ). Сочетание желания кадетов с возможностями их противников вызвало у кадетов возмущение. На него никто не отреагировал.

За вычетом «партии народной свободы» всем остальным политическим силам место в КНВ нашлось.

Было определено следующее представительство: три представителя от городской Думы, по одному делегату от уездов, пять человек от Совета рабочих и солдатских депутатов, еще пятеро от Совета крестьянских депутатов, два делегата от 3-го Казачьего полка и казачьей батареи, один от Войскового правления, один от 156-го пехотного полка и по одному от каждой социалистической партии.

Принятие компромиссного решения резко обострило внутрипартийную борьбу в партии эсеров. По числу мест широкое представительство в КНВ от уездов, крестьянских Советов и городской Думы должно было дать эсерам преимущество. Но внутри партии быстро приобретали популярность левые взгляды. Эсеровское руководство опасалось, что левым уклоном могут проникнуться потенциальные члены КНВ.

Передовицы эсеровского официоза требовали «раз и навсегда покончить с той недопустимой позицией крайней снисходительности по отношению к тем элементам, которые» и так далее. Назвав левых эсеров «прихвостнями большевиков», редакция настаивала на «изгнании их из партии раз и навсегда не только как идейных, но и как физических врагов»²⁶⁵.

19 ноября была срочно созвана 4-я губернская конференция партии с-р. Выступивший с основным докладом Чернобаев заявил, что «авантюра большевиков и примкнувших к ним левых эсеров есть предательство», «до созыва Учредительного собрания необходимо создать однородное социалистическое правительство и не исполнять все распоряжения большевистского правительства» и вообще «может настать момент, когда на террор и насилие большевиков мы вынуждены будем отвечать так же, как отвечали царскому режиму»²⁶⁶.

20 ноября по инициативе эсеров открылся I-й Ловецкий съезд. С основным докладом выступил победивший на выборах в Учредительное собрание Кузьма Терещенко, ранее работавший в сфере ихтиологии. «Свобода для промышленников есть свобода грабежа. Пора умерить их аппетиты», – заявил он под овации собравшихся. Вопреки сопротивлению присутствовавших на съезде купцов и зажиточных промысловиков, съезд принял резолюцию о социализации промыслов, то есть изъятии их у частных фирм Беззубикова, Губиных, Сапожниковых и др. в пользу жителей рыбачьих сел. Во избежание наплыва иногородних был предложен пятилетний ценз оседлости. Устанавливалась прогрессивная шкала налогообложения. Кузьма Кириллович, беспокоившийся о сохранении производства, убедил ловцов, что промыслы надо передавать не единоличникам, а артелям, своего рода колхозам²⁶⁷.

Но если Терещенко обсуждал только социальные и управленческие вопросы, то его товарищи использовали съезд для политических решений. По результатам доклада эсера Сухорукова съезд принял резолюцию, осуждавшую «насильников» и «грабительские планы», и призвал население к сплочению вокруг Учредительного собрания.

---

²⁶⁴ Астраханский листок. 1917. 21 нояб.

²⁶⁵ Голос революции. 1917. 19 нояб.

²⁶⁶ Голос революции. 1917. 23 нояб.

²⁶⁷ Голос революции. 1917. 22 и 23 нояб.

В свою очередь, большевики предоставили страницы «Астраханского рабочего» для публикаций левых эсеров. Еще одной трибуной для левых эсеров стали «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов».

Вся эта борьба шла безотносительно выборов в Учредительное собрание, так как списки кандидатов были сформированы ранее, и левое крыло эсеров в них представлено не было. Борьба шла за влияние в формируемом местном правительстве: Комитете народной власти. Вопреки категорическим резолюциям, правым социалистам предстояло работать в нем и с большевиками, и с левыми эсерами.

Выборы в Учредительное собрание

Избирательная кампания в Учредительное собрание выявила всю противоречивость политической картины в губернии.

Явного успеха добились большевики. Хотя их результаты (19 %) были не столь выразительны, как в других губерниях, в городе партия получила более 27 %, а в гарнизоне более половины – 53 % голосов. Еще 10 000 избирателей поддержали большевиков в наиболее развитом Царевском уезде, по своим географическим и экономическим характеристикам более близком к Саратову, чем к Астрахани. В Царевском, Черноярском и Астраханском уездах партия вышла на второе место.

Александр Трусов стал депутатом Всероссийского Учредительного собрания. Его проводы в Петроград превратились в масштабную демонстрацию: колонна рабочих под красными знаменами прошла от Кремля до железнодорожного вокзала²⁶⁸. Эсеры вышли с весьма левыми лозунгами, адресованными, впрочем, преимущественно для села. Рабочим они обещали только «законодательную защиту труда», не очень вдаваясь в детали, что какие-то куцые законы существовали и при царе. Зато селянам было обещано равное разделение земли. Оно предполагало фактическую экспроприацию церковных, помещичьих, казачьих земель, было совершенно понятно по механизмам и крайне ожидаемо. Также эсеры предлагали распустить армию и заменить ее народным ополчением²⁶⁹.

Результаты партии оказались тем выше, чем более удаленным и оторванным от цивилизации был избирательный участок. В городе эсеры получили всего 12 % голосов. Лучше обстояли дела в гарнизоне (19 %), но данное обстоятельство, скорее, было заслугой левых эсеров во главе с избранным в Совет от солдатской секции прапорщиком А. Перфильевым, который полностью порвал с партийным комитетом и был настроен к нему резко отрицательно. В Красном Яру эсеров потеснили большевики (32 % и 40 % соответственно), а в Красноярском уезде – список мусульман. Зато в остальных уездах результаты были триумфальны. Кузьма Терещенко, Иван Неженцев²⁷⁰, Григорий Волосов²⁷¹ и кооптированная центральными органами в астраханский округ Вера Фигнер были избраны депутатами первого российского демократического парламента.

Абсолютным разгромом закончились выборы для меньшевиков.

Зато нарастили поддержку кадеты. В Астрахани они удвоили свой результат, по сравнению с июньскими выборами в Гордуму. Состоятельные люди, проигнорировавшие летнее голосование, теперь были крайне обеспокоены своим будущим и пришли на избирательные участки более активно. Скорее всего, кадеты получили часть голосов меньшевиков и эсеров. Но за пределами города их результаты представляли астрономически ничтожную величину. Партия народной свободы осталась без представителя в Учредительном собрании.

У казаков были свои причины расстраиваться. Они неожиданно выяснили, что принцип «один человек – один голос» означает, что никакого отдельного представительства у казачества

---

²⁶⁸ Астраханский листок. 1917. 13 (26) дек.

²⁶⁹ Голос революции. 1917. 28 сент.

²⁷⁰ Неженцев Иван Петрович был сыном крестьян из Царевского уезда, село Житкур. Он окончил Царевское городское училище, устроился работать на почте и в 1904 году вступил в партию эсеров. В январе 1905 года он был арестован с типографией, и дальнейшая его жизнь была связана с революционным движением. Закончил в Москве высшие сельскохозяйственные курсы. Автор ряда книг по сельскому хозяйству. Умер в 1971 году в Москве.

²⁷¹ Волосов Григорий Кузьмич, уроженец Каменного Яра, был избран председателем сельской кассы взаимопомощи, затем депутатом уездного и губернского земства. После Февральской революции земляки избрали Волосова черноярским уездным комиссаром.

нет, и атаманам надо не собирать голоса в подведомственных станицах, а бороться за симпатии рабочих и крестьян, к чему они были совершенно непривычны²⁷².

Зато своего депутата – Фатиха Усманова – провел Мусульманский комитет.

Результаты выборов²⁷³:

	Каде- ты	Му- суль- мане	Казак и	РСДР- П(б)	РСДР- П(м)	СР	Народ- ные социа- листы
Губер- ния	13 107 (6,7%)	20 412 (10,5%)	14 117 (7,3%)	36 023 (18,6%)	2220 (1,1%)	100 432 (51,8%)	883 (0,4%)
Астра- хань	8981 (25,8%)	6379 (18,3%)	3900 (11,2%)	9556 (27,5%)	1486 (4,3%)	4310 (12,4%)	191 (0,5%)
Гарни- зон	96 (2,8%)	157 (4,6%)	602 (17,7%)	1815 (53,4%)	72 (2,1%)	650 (19,2%)	9 (0,2%)
Красно- ярский уезд	350 (3%)	3765 (31,8%)	1469 (12,4%)	1607 (13,6%)	39 (0,3%)	4506 (38,1%)	37 (0,3%)
Царев- ский уезд	1388 (3,1%)	1997 (4,5%)	778 (1,8%)	10 483 (23,7%)	128 (0,3%)	28 943 (65,6%)	443 (1%)
Черно- ярский Уезд	172 (0,8%)	1180 (5,6%)	335 (1,6%)	2739 (13,0%)	21 (0,1%)	16 601 (78,8%)	32 (0,2%)
Енота- евский уезд	599 (2,1%)	426 (1,5%)	4718 (16,3%)	2109 (7,3%)	208 (0,7%)	20 844 (72%)	40 (0,1%)
Астра- хан- ский уезд	1521 (3,5%)	6508 (15,1%)	2315 (5,3%)	7714 (17,9%)	266 (0,1%)	24578 (57%)	171 (0,1%)

²⁷² Астраханский листок. 1917. 4 окт.

²⁷³ Астраханский вестник. 1917. 18 нояб., 24 нояб., 9 дек.; Астраханский листок. 1917. 8 дек.

Профсоюзы

Профсоюзное движение быстро набирало оборот. К концу 1917 года в крае действовало 12 профессиональных союзов, объединявших до 50 000 человек. Для своей работы они заняли особняки в разных районах города.

Общество приказчиков расположилось на пер. Театральный, дом Агамова.

Союз судоходных служащих – в доме Суторихина на Продольно-Волжской улице ²⁷⁴.

Союз металлистов – в доме Кононова на ул. Перевозной ²⁷⁵. Профсоюзы пекарей, конопатчиков, портных и сапожников – в доме Мусиной на 2-й Бакалдинской.

Очень влиятельный союз ловцов – в доме Банниковой на ул. Горшечной ²⁷⁶.

Союз деревообработчиков – в доме Мейстрик на ул. Биржевой ²⁷⁷.

Наконец, печатники, каменщики и чернорабочие расположились в доме Федорова на Больших Исадах ²⁷⁸.

Ведущую роль в организации профсоюзного движения играли социалисты: большевики (Трусов, Трофимов, Унгер), меньшевики (Сарабьянов) и эсеры (Сигалов).

---

²⁷⁴ Совр. ул. Урицкого.

²⁷⁵ Совр. ул. Лейтенанта Шмидта.

²⁷⁶ Совр. ул. Ташкентская.

²⁷⁷ Совр. ул. Свердлова, ближе к Набережной Волги.

²⁷⁸ Голос революции. 1918. 4 янв.

Комитет народной власти: организация

27 ноября прошло организационное заседание КНВ. Председательствовал городской голова Зенченко. Присутствовало 10 человек, включая левого эсера Перфильева, большевика Гольдберга, эсеров Сигалова и Якиманского, профсоюзников Трофимова и Федосова и др.

Левые сразу же нарастали свое влияние. Назревала общегородская забастовка, и они провели увеличение профсоюзной квоты в КНВ с одного до пяти человек. Представительство от Казачьего Войскового правительства было «признано нежелательным»²⁷⁹.

На следующий день, обретя большинство, левые провели в руководство КНВ своих товарищей. Председателем Комитета был избран эсер-интернационалист А. Перфильев, его заместителями – эсеры-центристы Семенов и Якиманский, а секретарем – эсер Сигалов, симпатизировавший левым. В состав канцелярии вошли тот же Сигалов, большевик Трусов и меньшевик Аствацатуров, чье недавнее руководство губернией оказалось весьма непродолжительным.

Крайне показательно, что сам Комитет народной власти разместился в здании Совета рабочих и солдатских депутатов²⁸⁰.

Состав Комитета не был постоянным. Квоты отдельных групп расширялись, и Совет крестьянских депутатов, например, добился увеличения своего представительства с пяти до 11 человек. Затем такого же увеличения квоты добились Дума и профсоюзы. Трусов выехал в Петроград и не принимал участия ни в одном заседании. Кворума не было почти никогда. Из 40–45 членов КНВ на заседаниях обычно присутствовало 15–17 человек. Фактически Комитет управлялся пластичным ядром, менявшимся в зависимости от ситуации. Далеко не весь состав КНВ можно установить, так как многие фамилии в протоколах неразборчивы или представляют собой просто подписи.

Из партий были представлены большевики (Хигер), эсеры (Сигалов), левые эсеры (Четин), меньшевики (Кругликов), Бунд (Моисей Карезинский), еврейская рабочая партия «Поалей-Цион» (Вениамин Цирлин). Ближе к середине декабря появляется фамилия эсера-максималиста Григория Цыпина, которому предстоит сыграть яркую роль в истории Астрахани. На заседаниях Комитета в качестве его членов появлялись такие известные люди, как большевики Самуил Гольдберг и Алексей Демидов (по квоте СРСД), Федор Трофимов (от профсоюзов), Михаил Шебалин (от Думы), эсер Олег Михайлов, меньшевик Шалва Абдушели²⁸¹.

Как писал Сигалов, «соотношение левых социалистов к остальным социалистическим партиям таково, что они составляют приблизительно равные части, но левые ни в коем случае не имеют большинства»²⁸².

---

²⁷⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

²⁸⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 2; Д. 5. Л. 23.

²⁸¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 8, 11, 14, 15.

²⁸² Голос революции. 1917. 3 янв.

Ноябрьская забастовка

В наследство от эсеров и меньшевиков новой власти досталась финансовая проблема. Денег в банках не было. Пришедшее к власти в Петрограде правительство Ленина, естественно, не собиралось направлять деньги в Астраханский край, пока в нем не была признана власть Советов.

30 ноября в городе началась всеобщая забастовка. Рабочие требовали в трехдневный срок погасить долги по зарплате и проиндексировать ее в связи с ростом цен.

Требования были очень детализированы. Так, у пекарей речь шла о повышении зарплаток на 50–71 %, у плотников – на 58 %, у металлистов – на 47–120 %, у конопатчиков – на 53 %, у кожевников – на 59–62 %²⁸³.

Бастовали судовые служащие, рабочие судоремонтных предприятий и мастерских, конопатчики, деревообработчики, работники трамвайной компании.

1 декабря встали все остальные предприятия. Работу продолжали только коммунальщики и службы жизнеобеспечения (пекари, пожарные, аптеки, извозчики, ночные караулы, городской продовольственный комитет)²⁸⁴.

Не бастовали еще работники рыбопромысловых участков, которые добились своего просто угрозой стачки. Работодатели были вынуждены поднять зарплату, причем ощутимо, до 150 %. Управляющие отнеслись к этому с пониманием, поскольку настояли на повышении собственных зарплаток на 40 %, более чем до 4000 рублей²⁸⁵.

К всеобщей стачке привели серьезные причины. Правительственные служащие, например, имели зарплату всего в 50–100 рублей, а некоторые и менее. Между тем со времени последней надбавки «цены выросли в 15–20 раз, и только на поддержание биологической жизни, то есть продовольствие, на взрослого человека требуется 200 рублей, а на ребенка – сто»²⁸⁶.

Между тем в 6-м астраханском высшем мужском училище, например, долг по зарплате достиг двух месяцев²⁸⁷. Многие служащие задолжали изрядные суммы, другие продали часть имущества и одежды для пропитания. Требования были достаточно умеренными. Более того, речь шла о временном характере надбавок до рассмотрения проблемы Центром²⁸⁸.

«Служащие вынуждены владеть нищенское существование и обречены на буквальное голодание. Терпеть дальше нельзя. Неминуемы крайне нежелательные последствия», – заявили делегаты Аствацатурову²⁸⁹.

В резолюции общего собрания Волго-Каспийского Союза судослужащих и судорабочих отмечалось, что со времени заключения последнего коллективного договора «дороговизна продуктов первой необходимости возросла на 200–300 %, и нормы коллективного договора в данное время не удовлетворяют даже самых насущных требований жизни». Работники, объединенные в профсоюз, требовали для членов союза надбавку к первым ста рублям зарплаты в размере 120 %, ко вторым – 50 % и ко всем последующим – 20 %.

В сфере условий труда требования были более жесткими: 8-часовой рабочий день, проведение зимовки на навигационных окладах для всех желающих остаться на работе, прием,

²⁸³ Астраханский листок. 1917. 15 (28) нояб.

²⁸⁴ Очерки истории Астраханской областной партийной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 118.

²⁸⁵ Астраханский листок. 1917. 18 (31) нояб.

²⁸⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 18. Л. 63.

²⁸⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

²⁸⁸ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 18. Л. 63–64.

²⁸⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 18. Л. 62.

увольнения и сокращения только с согласия (а не т. н. «ведома») Комитетов пристанских, затонских и судовых старост, а в случае их отсутствия – по постановлению профсоюза²⁹⁰.

О намерении присоединиться к забастовке заявил союз служащих Астраханской губернской продовольственной управы, еще 18 ноября потребовавший надбавки в размере 50–100 % для различных категорий сотрудников. Забастовка продовольственной управы оставила бы город без хлеба и могла привести к совершенно непредсказуемым результатам.

В первый же день забастовки, когда Перфильев и Якиманский сели писать воззвание к народу²⁹¹, профсоюзник большевик Трофимов и левый эсер Четин от имени КНВ явились к председателю Продовольственного комитета Михаилу Непряхину²⁹², который по причине болезни временно устранился от дел. Непряхину было 30 лет, и он был меньшевиком. Трофимов и Четин заявили, что для снижения напряженности КНВ решил отменить акциз и торговую монополию на сахар, и хотели узнать, как изменятся цены. Названную Непряхиным цену газеты опубликовали немедленно – 50 коп. песок и 45 коп. рафинад за фунт. Цены снижались втрое²⁹³!

Спустя несколько дней Непряхин предложил назначить его «городским продовольственным диктатором» с правом проводить реквизиции, назначать сверхурочные часы для работающих и привлекать горожан к принудительному труду. В свое распоряжение он потребовал отряд Красной гвардии²⁹⁴. Комитет отказал Непряхину²⁹⁵, зато принял решение увеличить жалованье служащим губернской продовольственной управы и пообещал рассмотреть петиции пожарников²⁹⁶. Поскольку после телеграммы наркома финансов Менжинского о недопустимости передачи денежных средств в регионы, не признавшие советское правительство, надеяться на Петроград было сомнительно, хотя и не бесполезно²⁹⁷, члены КНВ сформировали специальную комиссию в составе городского головы Зенченко, большевика Гольдберга и эсера Сухорукова. Они должны были разработать серию мер для нормализации финансового положения в регионе. Комиссаром финансов назначили ленинца Гольдберга, чтобы СНК был поговорчивее²⁹⁸.

В условиях политической нестабильности население запаниковало и стало снимать деньги с банковских счетов, что, как отметил Сигалов, «грозило полным финансовым крахом»²⁹⁹. Поэтому КНВ ограничил выдачу в одни руки наличных денег суммой 2000 руб. в течение двух недель. В дальнейшем сумму снизили до 1000, а затем и до 500 руб. Исключение составляли изъятия со счетов для выплаты зарплаты, но они лимитировались суммой в 500 руб. в неделю с обязательным предоставлением списка работников в особый комитет³⁰⁰.

²⁹⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об, 4, 7.

²⁹¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 9. Л. 11. Л. 1.

²⁹² Непряхин М. Г. (1887–1980) родился в Астрахани, в 15 лет окончил 4-классное городское училище, с 17 лет работал на рыбных промыслах, в 1905 году участвовал в организации забастовок на пивоваренных заводах. Оказавшись под полицейским надзором в Астрахани, переехал в Саратов, где работал в торговом доме «Бр. Коган» и вступил в профсоюз приказчиков. Был избран делегатом IV съезда профсоюза приказчиков в Москве. В 1914 г. переехал в Петроград и стал работать на цементном заводе «Жел-Цем» помощником бухгалтера и доверенным лицом, затем вернулся в Саратов, занялся профсоюзной деятельностью. Февральскую революцию встретил в Петрограде в тюрьме, находясь под следствием за революционную и литературную деятельность, амнистирован, вернулся в Астрахань.

²⁹³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁹⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

²⁹⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

²⁹⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

²⁹⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

²⁹⁸ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

²⁹⁹ Голос революции. 1917. 4 янв.

³⁰⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 12 об.

5 декабря КНВ под председательством Перфильева постановил увеличить денежное содержание работников правительственных учреждений (школ, семинарий, инспекторов, инженеров) и военнослужащих. Было принято решение установить контроль над отделениями Госбанка. Предприятиям начали выдавать ссуды под залог недвижимости³⁰¹.

Забастовка способствовала укреплению власти КНВ. Еще 1 декабря находящийся под влиянием большевиков профсоюз судоходных служащих предложил Комитету учредить должность Водного комиссара, выдвинув на нее «лицо, вполне компетентное в деле судоходства и пользующееся общественным доверием», – члена РСДРП(б) А. Демидова³⁰². 5 декабря большевик Демидов был назначен³⁰³.

7 декабря забастовка закончилась. Выяснилось, что, оказывается, работодатели могут рассчитаться с долгами по зарплате и даже повысить ее.

Позиция КНВ, фактически поддержавшего стачкомы, вызвала озлобление у состоятельных кругов. Известен случай, когда рыбопромышленник Пимштейн, нанявший в период забастовки штрейкбрехеров, на решение профсоюза наложить штраф ответил, что «никаких большевиков он не признает и никакой народной власти для него не существует». Возмущенные рабочие, написавшие о случившемся в Исполком СРСД, потребовали оштрафовать купца не только за производство работ в забастовочное время, но и «за оскорбление как партии большевиков, а этим самым и всего рабочего класса, так и выбранного из рабочего класса КНВ»³⁰⁴.

Многие, не разобравшись в политических деталях, думали о Комитете едва ли не как о советском органе, тем более что и тот, и другой возглавлялись одним человеком – Перфильевым. Прошедшее 31 декабря общее собрание Союза городских речных и морских ловцов единогласно постановило «признать власть в Астраханском крае, единственную народную власть», направив постановление в «Совет народной власти»³⁰⁵.

---

³⁰¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 16. Л. 25; Д. 18. Л. 14, 35, 35 об.

³⁰² ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³⁰³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

³⁰⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

³⁰⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

Земельный вопрос

Земельный комитет КНВ возглавили Перфильев и Сигалов – ключевые фигуры в Комитете³⁰⁶.

Предыдущие полгода власти эсеров прошли впустую. Созданные по их инициативе земельные комитеты погрузились в кадастровые планы и бесконечный разбор конфликтов между отдельными землевладельцами и арендаторами³⁰⁷. Никаких решений по предоставлению им земли селяне не видели.

Зато 26 октября взявшие в Петрограде власть большевики приняли Декрет о земле, просто переписав в него эсеровскую программу. Игнорировать эти веяния было невозможно, а астраханские левые и не собирались ждать Учредительного собрания.

9 декабря КНВ принял постановление о земельной реформе. Оно отличалось от Декрета о земле в слабую сторону.

Все земли сельскохозяйственного назначения – удельные, церковные, монастырские, частновладельческие, все имения с живым и мертвым инвентарем передавались в ведение земельных комитетов. Вопрос о государственных и общинных землях комитетчики обошли стороной. Между тем в Декрете Совнаркома вся земля обращалась во всенародное достояние. Калмыцкие и киргизские земли определялись губернскими властями по соглашению с центральным земельным комитетом, то есть вопрос о них был отложен.

Было признано необходимым «немедленно взять на учет все частновладельческие и прочие земли, сведения о постройках, живом и мертвом инвентаре, скоте, хлебе и кормах». Все данные должны были предоставлять не переписчики, а сами владельцы, но земельные комитеты и волостные земства получили право контрольных проверок.

КНВ призвал население «охранять все народные богатства, взятые на учет и распоряжение земельных комитетов, не допускать никаких грабежей, погромов, никаких самочинных захватов»³⁰⁸.

Самочинные захваты, особенно на севере губернии, процветали. Крестьяне не были уверены ни в чем, и как вполне реальную воспринимали перспективу принуждения их к выкупу земли у помещиков и церкви³⁰⁹.

21 декабря КНВ рассмотрел «водный вопрос», поручив заниматься им местным земельным комитетам. Была создана специальная Водная комиссия в составе максималиста Цыпина, эсера Сухорукова и городского главы Зинченко. Итоги ее работы остались неизвестны³¹⁰.

---

³⁰⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

³⁰⁷ ГААО. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 5. Л. 105, 106.

³⁰⁸ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

³⁰⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 7. Л. 60.

³¹⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Д. 11. Л. 19, 23.

Активизация правей демократии

Если профсоюзы рабочих поддерживали большевиков, то профсоюзы служащих были к ним в оппозиции.

7 декабря общее собрание служащих Астраханского отделения Госбанка единогласно постановило «не признавать власти комиссара финансов в лице большевика». Руководствовались они «не только соображениями политического характера, но и практическими, так как появление большевика в роли комиссара усилит панику среди клиентов и тем самым сделает невозможной дальнейшую работу банков»³¹¹. Спустя два дня на новом собрании банковские служащие предложили заменить Гольдберга присяжным поверенным беспартийным Павлом Кохановым³¹².

9 декабря Союз служащих почты, телеграфа и телефона заявил, что «признает власть и распоряжения исключительно Почтового министерства. Власть Комитета народной власти признает по городу Астрахани и Астраханской губернии, тем более что губернский комиссар Аствацатуров и председатель КНВ Перфильев заявили, что Комитет не признает власти народных комиссаров и создан стоять на страже законности и порядка». «Но если КНВ сойдет с этого пути, – предупреждали связисты, – мы оставляем за собой свободу действий. Кроме того, власть КНВ существует только до правительства, которое будет создано Учредительным собранием»³¹³.

С аналогичным заявлением выступил Союз служащих учреждений и коллектив работников внутренних дел.

После завершения всеобщей забастовки правые попробовали перехватить управление КНВ. Декларации профсоюзов служащих ободрили их, а продолжавшийся продовольственный кризис подтолкнул к более решительным действиям.

К тому же большевики Трусов и Дубович вышли из КНВ ввиду отсутствия в городе, левый эсер Войцехович выехал в столицу, а многие просоветски настроенные члены Комитета просто самоустранились от работы.

8 декабря на заседании КНВ правый блок добился важных кадровых перестановок. Большевик Роман Аствацатуров был назначен комиссаром по Министерству внутренних дел с правами губернского комиссара. Был удовлетворен протест банковских служащих. Вместо большевика Гольдберга комиссаром финансов стал беспартийный Коханов³¹⁴.

«Исключительно с целью информации», как определил атаман Бирюков, в КНВ был включен представитель Войскового правления. С пяти до 11 увеличилась квота проэсеровского Совета крестьянских депутатов, еще двух представителей направила Дума. От Советов же добавилось только два представителя. 6 декабря эсеры, а 10 декабря кадеты провели многочисленные митинги в поддержку Учредительного собрания. Попытка большевиков через КНВ закрыть кадетскую газету «Астраханский вестник» была отклонена³¹⁵. Было решено ограничиться предупреждением за заведомо лживые публикации о падении Совнаркома и переходе Петрограда в руки сторонников Временного правительства.

Уже 12 декабря экстренный Казачий круг под председательством Ляхова заявил о выходе из КНВ. Основанием было присутствие в Комитете большевиков. При этом сами «большеви-

---

³¹¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

³¹² ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

³¹³ Астраханский листок. 1917. 12 дек.

³¹⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 36; Д. 15. Л. 3.

³¹⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

ские методы» Ляхов нисколько не отвергал, и круг высказался за реквизицию хлеба в интересах станиц у крестьян и перекупщиков³¹⁶.

13 декабря состоялось общее собрание пятисот рабочих и служащих общества «Кама», оказавшееся крайне неприятным для большевиков. Собрание констатировало факт «давления СРСД на КНВ, чтобы последний признал власть народных комиссаров, иначе Госбанк не получит денег из Петрограда».

«Обсудив это критическое положение, грозящее рабочему классу, собрание вынесло резолюцию: вся власть Учредительному собранию! Делегировать двух человек в КНВ для выяснения положения о переводе денег из Петрограда»³¹⁷.

16 декабря в поддержку Учредительного собрания высказался избранный атаманом Калмыцкого казачьего войска яростный противник большевизма князь Тундутов³¹⁸. У него были личные причины ненавидеть революцию. Еще в апреле безземельные черноморские крестьяне начали захват и распашку принадлежащих ему земель. Приход к власти ленинцев грозил изъятием оставшихся латифундий.

В тот же день Войсковое правительство, сославшись на возможные беспорядки со стороны станичников, потребовало от КНВ немедленно выделить полмиллиона рублей³¹⁹. При этом в войсковом печатном офицозе содержался вполне антигосударственный призыв не платить подоходный налог, а вместо этого отдавать деньги Правительству Казачьего войска³²⁰.

Вдобавок выяснилось, что со снижением цены на сахар КНВ поторопился. Расчеты начальника продовольственной управы Непряхина оказались неверными. Цена могла быть снижена вдвое, но не втрое. Теперь она оказалась существенно ниже себестоимости, и запутавшая все дело продовольственная управа заявила, что «не может брать на себя дефицит, имеющий быть при продаже сахара по ценам, установленным КНВ»³²¹. Сам Непряхин сложил с себя полномочия, сославшись на то, что городской продовольственный комитет не получил ни мешка муки и «город живет изо дня в день той мукой, которая случайно прибывает в Астрахань. Достаточно случайности повернуться один раз в неблагоприятную сторону, и население города совершенно не получит хлеба»³²².

---

³¹⁶ Астраханский листок. 1917. 14 и 16 дек.

³¹⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

³¹⁸ Астраханский вестник. 1917. 21 дек.

³¹⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

³²⁰ Вестник Астраханского Казачьего войска. 1917. 17 дек.

³²¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 10.

³²² ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

Забастовка портных и судослужащих

Хотя всеобщая стачка завершилась 7 декабря, два профсоюза – портных и судоходных служащих – продолжали забастовку.

Портные требовали введения минимальной зарплаты, 8-часового рабочего дня и устройства общественных мастерских. Две согласительные комиссии, созданные Думой и Комиссариатом труда, не дали результатов. Предприниматели не хотели платить за забастовочные дни и уклонялись от повышения зарплаты. Портные всерьез угрожали, что если до 15 декабря им не будет выплачена заработная плата, они «пустят в ход Красную гвардию»³²³. Это серьезно обеспокоило Торгово-промышленную палату, и ее управляющий делами написал в КНВ, что стачка может перерасти в «погромы»³²⁴.

КНВ выступил в роли арбитра. Было принято решение оплатить дни простоя только за период общей забастовки (с 30 ноября по 6 декабря), обязать предпринимателей оборудовать до 8 января за свой счет мастерские и оплачивать работы до 8 января с 25 %-ной надбавкой, что предполагало заработок в размере 450 рублей³²⁵.

Подобное решение не устраивало ни рабочих, ни предпринимателей.

Параллельно развивалась забастовка речников. Они требовали восьмичасового рабочего дня, единых тарифных ставок независимо от сезона года, надбавок к зарплате и проведения кадровых решений о приеме на работу и увольнениях только с разрешения профсоюза³²⁶.

Согласительная комиссия, созданная КНВ, целиком поддержала требования работников, но вместо принятия решения передала дело на рассмотрение центральной организации судовладельцев и судослужащих в Нижний Новгород³²⁷. После такого иезуитского вердикта комиссара судоходства большевик Демидов подал в отставку³²⁸.

Никто не был готов к уступкам.

Портные и речники упорно добивались своего и на работу не выходили. Демидов забрал заявление об отставке обратно. 21 декабря КНВ поддержал требование работников о полноценной оплате периода забастовки, на что Торгово-Промышленный комитет заявил, что выполнять такое решение он не будет, поскольку оно «развращающим образом повлияет на рабочую массу»³²⁹. В ответ на это Центральный Совет профсоюзов сообщил, что «снимает с себя всякую ответственность за могущие возникнуть последствия и оставляет за собой свободу действий»³³⁰.

---

³²³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

³²⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 6 об.

³²⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 5.

³²⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

³²⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

³²⁸ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³²⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

³³⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

Борьба левых за КНВ

Уже в декабре в деятельности КНВ наметился глубокий кризис.

19 декабря состоялись довыборы в городскую Думу. Большевики их проигнорировали, а у левых эсеров как партии, находящейся в стадии становления, были проблемы с кадрами. Перфильев выставил свою кандидатуру и победил, но остальные депутаты прошли по спискам правых: двое кадетов, двое эсеров и четверо меньшевиков. Практического значения, впрочем, эти выборы не имели.

Нарастал хаос.

Жители Камызяка реквизировали свыше двухсот мешков муки, предназначенной для промысла Таргулова. Из города пришлось отправить солдат.

На станцию Владимировка прибыли 52 красноармейца из Саратова, которые реквизировали двести вагонов с рыбой (50 тыс. пудов). Местный Совет не возражал, поскольку рассчитывал получить в обмен саратовскую мануфактуру³³¹. Рыба, разумеется, принадлежала не ему, а астраханским рыбопромысловикам.

Астраханский городской продовольственный комитет не отставал. Он реквизировал 222 мешка муки, получателем которых числилось интендантство³³².

В банках не было денег, и руководитель астраханского отделения «Мазута» Моисей Френкель для расчета с работниками опустшил даже личный счет. После этого он попросил КНВ... нет, не кредита. Он попросил прислать агитаторов для разъяснения рабочим ситуации³³³.

Еще хуже обстояло дело на селе. На просьбу председателя Зеленгинской волостной земельной управы Т. Михайлова выделить ему десять красноармейцев (!) для борьбы с браконьерами КНВ посоветовал ему «наблюдать за исполнением законов вообще и, в частности, за ограничением улова рыбы», сообщив, что «для этого управа имеет возможности и права привлечь к себе местную милицию, а если таковая недостаточна, организовать народную милицию»³³⁴.

На этом фоне резко усиливалось влияние Советов и профсоюзов. «В целях продуктивности» КНВ переподчинил Совету благотворительные учреждения, включая «Красный Крест»³³⁵. Просьбы предпринимателей защитить их от погромов передавались в Союз Союзов, то есть в объединение профсоюзов³³⁶. Председатель продовольственного Комитета Михаил Непряхин запросил у Совета сто красногвардейцев для охраны складов и проведения реквизиций³³⁷.

21 декабря в связи с «неурядицами, царящими в городе», меньшевик Роман Аствацатуров подал в отставку с должности комиссара внутренних дел, то есть начальника милиции. Левые эсеры и большевики отставку не приняли и решили его поддержать, предложив «упразднить самочинные организации и передать всю полноту власти одному лицу, Аствацатурову»³³⁸. Под самочинными организациями подразумевалось военизированное общество «Сокол», сформированное из гимназистов старших классов, организация «Спасение революции» и иные военизированные формирования, настроенные явно антисоветски. Теперь их

---

³³¹ Астраханский листок. 1918. 9 янв.

³³² Астраханский листок. 1917. 13 (26) дек.

³³³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

³³⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 6.

³³⁵ Астраханский листок. 1917. 18 дек., 9 янв.

³³⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

³³⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³³⁸ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

средства передавались «в распоряжение демократических организаций», то есть к Советам и Красной гвардии³³⁹.

В тот же день КНВ принял решения поддержать требования продолжавших бастовать портных, ввести налог с торговцев в местный бюджет и установить «тюремное заключение в отношении всех лиц, не внесших причитающиеся с них налоги (военный, подоходный, судебный, городской, земельный и т. д.)»³⁴⁰. Для преодоления финансового кризиса требовались самые срочные меры. Были задействованы самые экзотичные способы получения средств, вплоть до освобождения под залог в 55 000 руб. арестованных еще при Временном правительстве восьми казахов³⁴¹. Конечно, такого рода источники наполнить казну не могли. Но и Совет рабочих и солдатских депутатов не мог, хоть к нему КНВ неоднократно обращался, просить Совнарком перечислить средства в не подконтрольную Совнаркому Астрахань. В столице знали, что декабре 1917 года астраханское казачество получило из местной казны полмиллиона рублей, явно направляемых на подготовку мятежа, и финансировать подобные мероприятия советская власть логично не собиралась. Тонкие ручейки дензнаков из Петрограда все же поступали, но они скорее были элементом советского давления на КНВ, чем реальным подспорьем для городского хозяйства. Совнарком был готов перевести в Астрахань пять миллионов рублей в случае, если комиссара финансов назначит местный Совет рабочих депутатов³⁴².

Ища выход, по предложению максималиста Григория Цыпина КНВ постановил начать выпуск собственных астраханских денег³⁴³. 10 января вышли первые пробные астраханские боны, которые, впрочем, не успели разойтись.

В условиях углубляющегося кризиса среди рабочих росло число сторонников провозглашения власти Советов. 22 декабря в трудовых коллективах прошла серия собраний с идентичными резолюциями.

Служащие Волго-Каспийского канала и работники ремонтного завода официально высказались в поддержку Совнаркома, который борется против буржуазии и поэтому не может «отправлять деньги туда, где эта власть не признается, зная, что посланные суммы зачастую служат для целей контрреволюции, но ни в коем случае для бедноты города и деревни»³⁴⁴. Рабочие потребовали «немедленного признания власти народных комиссаров», которая, по крайней мере, могла разрешить финансовый и продовольственный кризисы, не говоря уже о конфликтах с предпринимателями.

Заявило о поддержке Совнаркома общее собрание работников завода «Океан». Более того, рабочие начали перечислять 2 % от своей зарплаты в пользу Совета РСД³⁴⁵.

К этому решению присоединилось собрание работников земляного каравана³⁴⁶, а Совет Николаевской слободы Царевского уезда сообщил, что не признает КНВ, если только под данной аббревиатурой «не имеется в виду Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»³⁴⁷.

Общее собрание работников завода Макарова приняло весьма недвусмысленную резолюцию: «Мы, рабочие и служащие, протестуем против буржуазии и наших товарищей справа, и той позиции, которую они заняли по отношению к Совету народных комиссаров. Благодаря этой политике рабочие голодают. Мы предупреждаем вас, господа, пока еще не поздно, оста-

³³⁹ Астраханский листок. 1917. 30 дек.

³⁴⁰ Астраханский листок. 1917. 21 дек.

³⁴¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 9–22.

³⁴² Астраханский листок. 1917. 10 (23) дек.

³⁴³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

³⁴⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

³⁴⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

³⁴⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

³⁴⁷ Госархив Волгоградской области. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 61.

вить политику саботажа и признать власть народных комиссаров, иначе голод может отнять разум у рабочих, и тогда (берегитесь!). Мы обращаемся к Исполнительному комитету, чтобы он довел до сведения Комитета народной власти, что мы требуем признания центральной власти»³⁴⁸.

Наконец, изменилась позиция работников завода «Кама», еще недавно осудивших Совнарком и Советы РСД и потребовавших передачи всей власти Учредительному собранию. Сама логика борьбы наемных работников и предпринимателей сдвигала рабочих влево. 22 декабря в условиях растущей демократии на других предприятиях и повальных хищений на своем, они постановили сформировать рабочий контроль (проверка кассы, утверждение приходно-расходных документов контролерами и т. п.). В случае отказа со стороны управляющего предприятием инженера Н. Киселева «камцы» постановили его арестовать³⁴⁹. Киселев, естественно, в удовлетворении требования работников отказал, сославшись на телеграмму центрального правления – «в случае организации контрольной комиссии правление закроет предприятие»³⁵⁰. Рабочие ничуть не испугались и отправили делегацию в КНВ, которую возглавил 30-летний большевик Николай Мосин. Союз союзов, естественно, поддержал коллектив «Камы»³⁵¹.

Опираясь на явно выраженную поддержку рабочей Астрахани, левые могли вести себя более решительно. 23 декабря, угрожая отставками, большевики и левые эсеры потребовали впредь обязательного присутствия на заседаниях КНВ представителей профсоюзов и Совета РСД. Уже на следующий день представители Совета, придя на заседание, поставили вопрос о назначении во все органы власти советских комиссаров. Соглашательская часть КНВ была настолько измотана предшествующими событиями, что фактически приняла ультиматум. КНВ «предложил Совету внести резолюцию в письменном виде и предъявить список необходимых комиссаров, а также положение об их основных функциях»³⁵².

Происходит политический сдвиг влево.

В пользу рабочих решаются все накопившиеся конфликты. Увольняется управляющий заводом «Кама» инженер Киселев. Владельцы портняжных мастерских приняли все требования забастовщиков. Началась кампания реквизиций, которыми было поручено заниматься максималисту Цыпину. Под продовольственный комитет была реквизирована гостиница «Россия», под редакцию «Известий Совета РСД» – типография Могилева-Жлобина, под нужды органов власти – различные особняки³⁵³.

Очевидно, несколько смягчается финансовый вопрос, так как в этот период принимаются многочисленные постановления о выдаче кредитов – 400 тысяч рублей для выплаты зарплаты инспектору судоходства Приморского округа³⁵⁴, 396 тысяч рублей городской Думе по расквартированию войск, 640 тысяч рублей продовольственному комитету³⁵⁵, 500 тысяч рублей Торгово-Промышленному банку под товары «Вокалеса»³⁵⁶ и т. д. Нашлись средства даже на благоустройство Волго-Каспийского канала³⁵⁷.

Забирая власть у старого аппарата, КНВ переводит большую часть дел из губернского присутствия в канцелярию комиссара внутренних дел.

³⁴⁸ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

³⁴⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

³⁵⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

³⁵¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

³⁵² ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

³⁵³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 30, 31; Д. 1. Л. 1, 10.

³⁵⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

³⁵⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

³⁵⁶ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

³⁵⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

Проблемы, однако, сохранялись, особенно с хлебом. Стоимость мешка подскочила с 70 до ста рублей³⁵⁸. В отдельные дни отоваривать карточки было просто нечем. 30 декабря КНВ принял решение по продовольственному вопросу, которое есть смысл процитировать целиком: «Вследствие отсутствия хлеба на завтра предложить комиссару милиции произвести облаву в районе спекуляции хлебом милицией совместно с солдатской секцией»³⁵⁹.

Со стороны рабочих давление на КНВ, столь нужное левым, продолжалось. Оно проявлялось как в новых «признаниях высшей властью Совнаркома» (соляная пристань)³⁶⁰, так и в новых требованиях своевременной выплаты заработной платы – «рабочие придут организованной массой к КНВ и потребуют денег» (общество «Мазут», товарищество «Ахтубинское пароходство»)³⁶¹.

Такой напор облегчал принятие необходимых политических решений.

30 декабря на заседании КНВ было принято решение о принятии программы Комитета. Разработка программы КНВ была поручена... максималисту Цыпину³⁶²! Для ясности, максималисты считались радикалами даже по меркам того времени и настаивали на незамедлительной социализации экономики, рассказывании и изъятии частной собственности. Позиция большевиков, по сравнению с максималистами, была весьма умеренной, и это не преувеличение.

Григорий Цыпин был не рядовым членом партии эсеров-максималистов, а одним из ее идеологов и лидеров национального уровня.

Благодаря ему Астрахань стала одним из немногих городов, где заметную роль в политике играла партия эсеров-максималистов.

Настоящая фамилия этого человека – Нестроев. Псевдоним Цыпин он взял по фамилии своей жены, зубного доктора. Григорий Абрамович родился в 1877 году в состоятельной купеческой семье в Полтавской губернии. В 1899 году он присоединился к революционному движению, возмущившись расправой над 183 студентами Киевского университета, которых призывали в солдаты за нелояльность к местным властям. Нестроев познакомился со знаменитым руководителем боевой организации эсером Григорием Гершуни, участвовал в революционной деятельности в Одессе, Харькове и Екатеринославе (совр. Днепр), а во время первой русской революции был одним из организаторов вооруженного выступления железнодорожников в Гомеле. Здесь же, в Гомеле, Нестроев проникся идеями максимализма, то есть социализации не только земли, но и предприятий.

В 1907 году Нестроев был арестован, сослан в Якутию, откуда бежал за границу. Начало мировой войны он встретил в Берлине. Столкнувшись с немецким патриотическим подъемом, носившим откровенно антирусский характер, Нестроев через нейтральную Швейцарию выехал в Париж, после чего вступил во Французский Иностранный легион.

Инженер по образованию, Григорий Абрамович вначале служил в саперных войсках, затем был переведен в боевые части, воевал на Сомме, а с 1917 года добился перевода в русский Экспедиционный корпус во Фландрии. Впрочем, служил в нем он недолго и вскоре смог покинуть действующую армию и добраться до России. Судьба забросила его в Астрахань. Скорее всего, он приехал к жене, которая практиковала в Астрахани как стоматолог.

Цыпин был подготовленным теоретиком и стал одним из лидеров партии на всероссийском уровне. Он характеризовал свои разногласия с ленинцами так: «Большевизм признает первый вид коммунизма – коммунизм государственный, – максимализм признает коммунизм

---

³⁵⁸ Астраханский листок. 1918. 9 янв.

³⁵⁹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

³⁶⁰ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

³⁶¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 5. Л. 24; Д. 7. Л. 54.

³⁶² ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

децентрализованный, свободный от государственных пут, осуществляющий во всей полноте право на существование свободных людей в свободном коммунистическом общежитии»³⁶³.

Но во время работы КНВ разногласия между максималистами и ленинцами были совершенно неважны.

Когда 4 января губернский комиссар меньшевик Роман Аствацатуров попросил Комитет разрешить 14 января съезд земств и городского самоуправления, ему было отказано в связи с проведением 15 января губернского съезда Советов³⁶⁴. Фактически Комитет народной власти признал неизбежность провозглашения советской власти, более того, он блокировал попытки правых социалистов препятствовать этому.

5 января на фоне угроз Правительства Казачьего войска взять власть вооруженным путем левые – представители Совета РСД, профсоюзов, большевиков и левых эсеров – заявили, что собираются работать в КНВ только до 15 января, то есть до дня Краевого съезда Советов³⁶⁵.

Более того, Перфильев сообщил, что снимает с себя полномочия председателя КНВ, хотя в порядке компромисса готов оставаться одним из рядовых членов.

Правые социалисты, пытаясь угрожать кризисом «безвластия», тоже подали в отставку: соответствующие заявления написали и.о. председателя КНВ эсер Якиманский, комиссар милиции меньшевик Аствацатуров, секретарь КНВ эсер Сигалов.

Это никого не испугало. Лидеры КНВ из числа левых эсеров и большевиков больше не видели необходимости в сохранении этой конструкции. Их вожди в Петрограде договорились о создании единого советского правительства. В этих условиях поддержание особой астраханской формы управления лишалось всякого смысла и, более того, препятствовало получению денег из Центра. Вопрос был не в том, провозглашать власть Советов или нет, а в том, есть ли возможность подавить военное выступление противников такого решения.

---

³⁶³ Нестроев Григорий. Максимализм и большевизм. М., 1919. С. 107.

³⁶⁴ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

³⁶⁵ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.

Казачи и 156-й пехотный полк

Назревал вооруженный конфликт, сторонами которого становились Правительство Астраханского Казачьего войска и Совет рабочих и солдатских депутатов. Обе стороны располагали военными силами.

В подчинение Войскового правительства входили:

- 3-й казачий полк полковника Стрелкова;
- 1-я особая Астраханская сотня (150 человек);
- 1-я, и она же и последняя, батарея из четырех орудий.

Казачий Совет начал планировать восстание еще 20 декабря³⁶⁶. Проводились совещания, а имевшиеся орудия были переброшены подальше от контролировавшегося Советами гарнизона – на Казачий бугор.

Оружия, впрочем, было не очень много. На войсковом складе и на руках у казаков находились 1142 винтовки, 34 револьвера, 776 шашек и 620 пик, а также 104 000 патронов. Еще личное оружие было у пехотных офицеров, которые могли поддержать выступление³⁶⁷. Что важно – имелось до 30 пулеметов³⁶⁸ и четыре упомянутых орудия.

Любопытно, что батарею обслуживали 176 человек! Столь высокое число орудийной прислуги свидетельствовало об одном: идти на фронт у астраханского казачества желания не было, а начальство предпочитало иметь пусть даже такие резервы в Астрахани.

С включением калмыков в состав Астраханского казачьего войска и формированием офицерского ополчения силы, подчиненные АКВ, выросли. По оценкам одного из офицеров штаба АКВ Бальзанова, к середине января 1918 года эти силы насчитывали 1200 человек, в том числе 450 казаков, 400 офицеров, 240 калмыков (в трех сотнях), а также 150 человек в артиллерийском отряде³⁶⁹.

Боевая ценность калмыков при столкновении с опытным противником была невысока, так как с 1812 года они не призывались в армию и им было запрещено владеть оружием. Командование не очень им доверяло и выдало на три калмыцкие сотни только 85 винтовок³⁷⁰.

Из числа офицеров сформировали две роты под общим командованием полковника Сахарова, специально прибывшего в Астрахань.

Чуть позже было вооружено 200 студентов и гимназистов и еще столько же горожан, преимущественно мещан. Их называли «вольным казачеством». Решение о создании «вольного казачества» было принято Войсковым правительством 26 ноября, после чего по городу были расклеены призывные объявления³⁷¹. Станичники к инициативе отнеслись отрицательно, и «вольные казаки» в Войско приняты не были. Хотя им выдали оружие, боеспособность подобного ополчения оказалась невелика. Однако иных резервов у противников Советов не имелось.

В сентябре 1917 года атаман Бирюков отзывает с фронта оба казачьих полка для... создания Астраханской казачьей бригады! То есть нет еще никакого большевистского переворота, нет демобилизации, нет Брестского мира, а Бирюков выводит с фронта две полноценные части и отправляет их в глубокий тыл, в Камышин. После корниловского мятежа такой поступок означал одно: казачья верхушка собирала резервы для захвата власти.

---

³⁶⁶ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 191. Л. 13.

³⁶⁷ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 189. Л. 80–86.

³⁶⁸ Аристов М. Л. Январские дни 1918 года в Астраханской губернии. Астрахань, 1925. С. 18.

³⁶⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 5.

³⁷⁰ Очиров Уташ Борисович. Калмыкия в период революции и гражданской войны (1917–1920 гг.): диссертация. С. 106.

³⁷¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238.

Но с фронтовиками вышла накладка. Они устали воевать и не видели в этом смысла. После Февральской революции командование использовало их на фронте как конную жандармерию для подавления солдатских волнений. Это вызвало среди ветеранов еще большее недовольство. Поэтому в Камышин тысяча двести астраханских казаков, отозванных с фронта, прибыли, а вот в Астрахань в подчинение атамана они двигаться уже не стали. Бригада погрузилась в митинги. Командир бригады полковник Аратовский явно не справлялся с ситуацией. Некоторую опору для него представляли только две относительно лояльные сотни 1-го полка с одним орудием, выдвинутые на железнодорожную станцию Кайсацкая.

В то время как Войсковое правительство испытывало кадровые проблемы, на левом поле среди казаков выявились два ярких народных лидера. Ими стали хорунжий³⁷² 1-го полка Сергей Буров и командир второй сотни 2-го полка Мина Аристов. 26-летний Буров вступил в партию левых эсеров, 30-летний Аристов был большевиком. Буров возглавил Казачий Совет кавбригады, а Аристов отправился в Астрахань.

Об этих людях есть смысл рассказать чуть подробнее. Сергей Буров родился в станице Александровской Царевского уезда. До мировой войны он работал учителем в Копановке. После мобилизации Буров ускоренным образом закончил Оренбургское казачье училище и в звании хорунжего был отправлен в действующую армию. После революции Буров был выбран в дивизионный комитет и активно вошел в политическую жизнь.

Мина Аристов родился в Красном Яру в 1887 году, обучался в Астраханской мужской гимназии, затем в Киевском университете, который, впрочем, не завершил и поступил в Оренбургское казачье юнкерское училище. Призер стрельб из винтовки и револьвера, с началом мировой войны он был мобилизован. Командуя сотней, Аристов отличился в боях, получив пять орденов за проявленную храбрость и отвагу. Ордена он пожертвовал на нужды войны, а после Февральской революции был избран офицерами дивизии делегатом на съезд частей Западного фронта. С этого момента революционный водоворот полностью поглотил его³⁷³.

Возвращение Аристова в Астрахань приобрело огромное значение.

В начале декабря 1917 года полковое собрание 156-го пехотного полка избрало Аристова своим командиром. Полк был настроен просоциалистически, но совершенно небоеспособен, и нуждался в решительном и опытном руководителе.

На бумаге, в 156-м запасном полку числилось более 3500 человек. Но, как показали летне-осенние события, полк находился в стадии глубокого разложения. Наиболее боеспособным подразделением была мусульманская рота. Состояние прочих подразделений зависело от командного состава и было весьма различным.

Аристов вспоминал: «батальон, расположенный на Косе, представлял из себя скопище людей, бывших на содержании в лучшем случае и в худшем занимавшихся мародерством, в особенности первая рота (основная), расположенная на Косе в нашем тылу, которая в большинстве своем состояла из косинских хулиганов, против которых приходилось высылать специальные отряды красноармейцев и других сознательных товарищей солдат, с тем чтобы силой пресекать их грабежи»³⁷⁴. Значительная часть 156-го полка была призвана из других губерний, и вопросы борьбы за власть в Астрахани для этих людей были чужды.

В дополнение ко всем неприятностям предыдущий командир полка Алексеев делал все возможное, чтобы передать имущество 156-го сп интендантам Казачьего войска. Он смог перебросить в Покровский монастырь даже две пушки³⁷⁵. Юридически Алексеев совершал должностное преступление (хищение), а политически готовил военный переворот.

³⁷² Соотв. старшему лейтенанту.

³⁷³ Пугачев Б. Г. Офицеры и чиновники Астраханского казачьего войска, 1914–1918. Биографический справочник Астрахань, 2017 С. 16–17.

³⁷⁴ Аристов М. Л. Январские дни 1918 года в Астраханской губернии. Астрахань, 1925. С. 29.

³⁷⁵ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 3.

Аристов приказал арестовать Алексева. Затем, опираясь на поддержку полкового комитета, он отменил отпуска (вне города), установил связь с городским Стачечным комитетом и начал инвентаризацию имущества.

Выяснилось, что полк располагает всего четырьмя пулеметами, двумя бомбометами с шестью бомбами (по другой версии, бомб было сорок) и двумя тысячами разношерстных винтовок французского, японского и русского образца. Пятсот из них были неисправны³⁷⁶. Патронов в наличии оказалось совершенно недостаточно³⁷⁷.

Большевики и левые эсеры с лихорадочной энергией занялись ремонтом техники и поставкой с удаленных складов пулеметов и патронов. Ряд контрреволюционно настроенных офицеров был арестован.

Еще 4 декабря председатель Исполкома СРСД левый эсер Перфильев обращается в Казанский военно-окружной комитет с просьбой отпустить Астраханскому Совету 1500 винтовок, 50 револьверов и два пулемета, а также и соответствующее число патронов к вышеозначенному оружию. «В Астрахани организовалась Красная гвардия, – пишет Перфильев, – и с каждым днем записывается в оную большое количество людей, а обучаться нечем, и в гарнизоне чувствуется большой недостаток оружия. Пулеметов же совсем не имеется»³⁷⁸. Просьба была удовлетворена. Оружие привез Долганов, сопровождаемый отрядом из двадцати мусульман. Он доставил в Астрахань три пулемета «Кольт» и триста тысяч патронов к ним³⁷⁹.

Пулеметы были распределены между 12-й, 14-й и мусульманской ротами.

Аристов выдвинул наиболее надежные части 156-го сп за пределы крепости: 4-ю роту в здание Персидского подворья на Московской улице, 14-ю роту в парк Аркадия, роту правопорядка в здание Водопровода, а мусульманскую роту – на Косу, для прикрытия коммуникации между Крепостью и портом, через который могла при необходимости подтянуться помощь от рабочих, ловцов и крестьян. 7-я и 1-я (литерная) роты стояли в Кремле.

Часть Красной гвардии охраняла Пречистенские ворота Кремля и прилегающие к нему здания на ул. Московская. Всего в ней насчитывалось около 300 человек, но в основном красногвардейцы не были отобилизованы и жили у себя по домам, собираясь время от времени для учебных стрельб. Запас винтовок они пополняли за счет разоружения милиционеров, которые особого сопротивления не оказывали³⁸⁰. Еще сто человек имелось в боевой дружине левых эсеров³⁸¹. Впрочем, как и вооруженные большевики, левые эсеры почти наверняка входили в Красную гвардию.

---

³⁷⁶ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 76.

³⁷⁷ Аристов М. Л. Январские дни 1918 года в Астраханской губернии. Астрахань, 1925. С. 21.

³⁷⁸ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. I. С. 140.

³⁷⁹ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 76.

³⁸⁰ Астраханский листок. 1918. 11 янв.

³⁸¹ Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы. М., 2000. Т. I. С. 327.

Провозглашение Советской власти в уездах

Никто не собирался ждать никакого Учредительного собрания.

За пределами Астрахани Советы стали приходить к власти еще с конца 1917 года. Ведущую роль играли демобилизованные солдаты.

2 декабря в Ханской ставке – столице Буковской орды – по инициативе местного Совета собирается массовый митинг. Он принимает решение распустить старые органы власти и сформировать местное советское правительство, которое гордо именуется «Советом народных комиссаров». Во избежание сопротивления прежнее руководство Буковской орды арестовано³⁸².

11 декабря в селе Цветном Астраханского уезда демобилизованные солдаты Колчин и Иванов стали организаторами массового волостного схода. Сотни собравшихся ловцов упразднили земскую управу, избрали Военно-революционный комитет во главе с левым эсером Колчиным и передали ему всю власть³⁸³.

20 декабря по итогам двух массовых сходов крестьян Капустиного Яра, требовавших немедленного распределения земли, местная земская управа передала власть избранному на сходе Совету.

23 декабря заявил о взятии власти рабочий Совет станции Ахтуба – небольшого полустанка на железной дороге Астрахань – Саратов. Вместе с вернувшимися с фронта солдатами железнодорожники обезоружили местную милицию³⁸⁴.

2 января «революционный комитет» взял власть в Большом Могое, распустив волостное управление и запретив самовольную порубку леса.

4 января в Болхунах местный Совет распорядился объявить собственностью общества все казенные земли, луга Войскового казачьего округа и угодия казахских латифундистов Авлюта и Чекая.

7 января власть Советов была провозглашена в Харабалах.

В этот же день проходит съезд Советов Царевского уезда, берущий всю полноту власти.

10 января решение о переходе власти к Советам принимается на уровне сразу двух уездов.

В Енотаевск съезжаются делегаты из 22 волостей уезда, избранные на местных сходах. Съезд – 47 делегатов со всего уезда – избирает Крестьянский исполком, который по решению делегатов объединяется с местным Советом рабочих и солдатских депутатов. Съезд провозглашает изъятие всех казенных, частных, калмыцких и киргизских земель и их уравнительное распределение между ближайшими селами. У крупных хозяйств также изымается инвентарь³⁸⁵. Более того, делегаты приняли решение выделить из мирских денег 3000 руб. на формирование Красной гвардии³⁸⁶.

Одновременно проходит чрезвычайный съезд Советов Черноярского уезда. На нем присутствует 41 делегат от 17 сел. Руководят съездом доктор Шварц (председатель) и большевик Борисов (секретарь). Съезд упраздняет должность уездного комиссара, принимает на себя всю власть в уезде и обязует волостные Советы сформировать вместо старой милиции Красную гвардию.

---

³⁸² Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 123.

³⁸³ ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 12. Л. 25, 26.

³⁸⁴ Голос революции. 1917. 31 дек.

³⁸⁵ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 158.

³⁸⁶ ГААО. Ф. 1632. Оп. 3. Д. 2. лл. 54, 55.

Советское движение носило массовый низовой характер. К началу 1918 года вся большевистская организация в Астраханском крае насчитывала 175 человек³⁸⁷, большинство из которых проживало и работало в Астрахани. Абсолютное большинство тех, кто создавал Советы и брал власть, было беспартийными крестьянами, рабочими и солдатами, которые таким образом стремились решить стоявшие перед ними и их земляками важнейшие социальные вопросы.

К середине января советская власть была установлена в Царевском, Черноярском и Ено-таевском уездах, а также в Букеевской орде. Просоветски было настроено большинство крестьян и особенно ловцов в Астраханском уезде. 5 января Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение провести спустя десять дней губернский съезд и провозгласить на нем советскую власть.

Организация I съезда Советов проходила под столь заметным влиянием левых эсеров, что «Астраханский листок» вообще написал, что съезд «собирают левые эсеры», не упоминая никаких большевиков. Правые эсеры тоже не остались в стороне. Их лидер Олег Михайлов, возглавлявший Совет крестьянских депутатов, взял на себя помощь по организации работы в уездах и направлению оттуда делегатов³⁸⁸.

На съезде предполагалось провозгласить переход власти от КНВ к Советам, которые объединяли весь социалистический спектр.

---

³⁸⁷ Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. С. 133.

³⁸⁸ Астраханский листок. 1918. 6 янв.

Глава 3. Год второй: 1918

Гражданская война

Повод к войне

События января 1918 года в Астрахани получили название «Война». Именно так они именуется в воспоминаниях, и, очевидно, именно такой термин прижился в разговорах населения.

Война началась 12 января и шла две недели.

Ей предшествовала описанная выше практически открытая подготовка Казачьего войска к вооруженному выступлению.

Еще в середине декабря состоялся очередной Войсковой круг, на котором Бирюков поднимал вопрос: «Утверждает ли круг решение Войскового правительства принять на себя всю полноту власти впредь до образования законного правительства из недр Учредительного собрания?» Это был совершенно откровенный призыв к захвату власти сословием, представляющим 4 % населения. Казаки, впрочем, так далеко не пошли. Дело ограничилось выходом из КНВ. «Вестник Астраханского казачьего войска» разъяснил позицию: «Мы никого не трогаем, и пусть нас никто не трогает»³⁸⁹.

Такие заявления, впрочем, не соответствовали действительности. В начале января в Ростов-на-Дону к Корнилову отбывает делегация от купечества и «Астраханского соединенного с калмыками войска». Она приглашает Корнилова, завязшего в боях на Дону с Советами, в Астрахань.

Обо всех этих движениях знают в СРСД. В 3-м казачьем полку формируется подпольная большевистская группа в составе десяти человек, и в других соединениях тоже хватает людей, выступающих против развязывания войны³⁹⁰.

Непосредственным поводом к войне со стороны казачьей верхушки был выбран факт ареста банковских счетов Войскового правления. Как отмечалось выше, в Астрахани возникло колоссальное напряжение с деньгами. Их просто не было, и зарплата выдавалась с задержками. Поэтому КНВ ограничил все банковские операции, особенно кредитные. У Войскового правления лежало в банке 700 000 руб., которые оно трогать не стало, а оформило кредит в казначействе на полмиллиона рублей. Понятно, что деньги были ему нужны на вооруженное выступление, но столь же понятно, что такая операция шла в разрез с политикой финансового дирижизма. 30 декабря КНВ объявил кредитную операцию незаконной и арестовал полумиллионный депозит казаков в банке в счет погашения кредита³⁹¹.

---

³⁸⁹ Вестник Астраханского казачьего войска. 1917. 17 дек.

³⁹⁰ Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 98.

³⁹¹ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 189. Л. 72.

5 января Бирюков отреагировал заявлением, полным угроз: «видя в происшедшем оскорбление, нанесенное Астраханскому казачьему войску, Войсковое правительство требует немедленной отмены постановления Комитета народной власти о наложении ареста на капиталы войска и сообщает, что в случае неисполнения этих требований НЕМЕДЛЕННО войско вынуждено будет принять самые решительные меры к защите своих прав и интересов»³⁹².

Перфильев воспринял угрозы Бирюкова совершенно серьезно. В тот же день состоялось чрезвычайное заседание Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, Исполкома Совета крестьянских депутатов и представителей социалистических партий. Председательствовал Перфильев. В плане переговорном было решено «предложить КНВ составить мотивированный отрицательный ответ на требования Войскового казачьего круга». А в плане военном – участники совещания избрали Временный революционный комитет, выработали план самозащиты и создали Центральный Стачечный комитет³⁹³. Временный ревком возглавили большевики: казачий сотник Мина Аристов и командир Красной гвардии Иван Леми-сов³⁹⁴. Председателем стачкома был избран большевик Вейнмарн.

6–8 января прошли заседания Совета Войскового казачьего круга. По их результатам Совет круга обратился с воззванием к станичникам о мобилизации. В воззвании осуждался «грабеж казачьих денег» и содержался недвусмысленный призыв к вооруженному отделению юга страны от России: «Казачи Дона, Терека, Кубани, Кавказские племена, наше Астраханское казачье войско вместе с калмыками, Оренбургом и Уралом не желают за грехи гнилого Севера, проигравшего войну, расплачиваться своим зерном, скотом, наделами земли и благосостоянием станиц и сел. Добровольцы могут явиться пешими с оружием, какое найдется на местах, не имеющие его получают в Штабе Астраханского казачьего войска»³⁹⁵.

Основная масса казачества отнеслась к этому призыву прохладно. Камышинский II отдел Астраханского казачьего войска отказался от мобилизации, а сформированные в Саратове и Царицыне 1-я и 3-я сотни 3-го казачьего полка вопреки приказам Бирюкова отбыли к себе домой. Станичники II отдела были настроены просоветски и в первых числах января направили 93 делегата на созванный большевиками местный съезд крестьян в Царицыне³⁹⁶.

Но Войсковое правительство рассчитывало на активное участие южных станиц.

Ожидалось прибытие 400–500 добровольцев.

Воззвание было встречено с энтузиазмом преимущественно старшими возрастами. Приходили даже 70-летние старики. Из прибывавших в Астрахань станичников был сформирован особый пеший батальон под командованием войскового старшины В. Г. Сенягина. В помощь ему откомандировали несколько офицеров из 3-го полка.

Наблюдая все это, Перфильев и Аристов начали проводить аресты офицеров, что вызвало возмущение у меньшевиков и правых эсеров³⁹⁷.

10 января, прямо днем, без всякой конспирации, в здании Войскового правления прошло собрание казачьих делегатов. Это здание украшает город и сегодня и находится буквально в двухстах метрах от Кремля³⁹⁸. Как рассказывали участники совещания позже на суде, в ходе собрания «была обрисована ситуация и цели вызова»³⁹⁹.

Понятно, что в течение часа содержание дискуссии стало известно в противоположном лагере.

³⁹² ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

³⁹³ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 13. Л. 23, 24.

³⁹⁴ Очерки истории Астраханской областной партийной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 133.

³⁹⁵ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 189. Л. 73.

³⁹⁶ Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 95.

³⁹⁷ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 10. Л. 5. Д. 11. Л. 11, 21; Д. 15. Л. 22.

³⁹⁸ Перекресток ул. Кирова и ул. Ахматовской.

³⁹⁹ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 191. Л. 17.

Комитет народной власти попробовал провести переговоры и снять надвигающийся кризис. 10 января в 16.00 в здании КНВ прошло расширенное совещание, в котором приняли участие руководители Совета рабочих и солдатских депутатов, Исполкома Совета крестьянских депутатов, Мусульманского бюро, городской Думы, Губернского земства, Астраханского Казачьего войска, 156-го пехотного полка и мусульманской дружины. Пресса отмечала: «По тону и характеру речей было видно, что подлинная демократия была далека от гражданской войны и не хотела ее. Ни представители Советов, ни представители рядового казачества не отрицали возможного соглашения, и видно было искреннее стремление найти общий язык»⁴⁰⁰. Обсуждение заняло три часа, после чего участники совещания договорились встретиться на следующий день.

В знак примирения КНВ снял арест с банковского счета Казачьего войска и открыл кредит Войсковому правительству «на призрение семей мобилизованных и суточное довольствие» в 96 022 руб.⁴⁰¹ Тем самым все формальные основания для недовольства казачества были сняты. Но дело было вовсе не в деньгах.

Уйдя из здания КНВ, казачья делегация отправилась в здание Правления. Здесь собралась Военная комиссия Казачьего войска. Улица перед зданием Правления освещалась фонарями, пробивавшими туман. Несмотря на пасмурную мглу, в стороне отчетливо различались контуры Астраханского Кремля, где расположился потенциальный враг – солдаты и командиры 156-го полка.

В совещании приняли участие начальник войскового штаба Сережников, подполковник Иван Бирюков, помощник войскового атамана калмыцкий князь Тундутов, вахмистр Ветлянской станицы Михаил Пономарев, начальники строевых частей полковники Водопьянов, Кузнецов, Орлов, Сотенков, командир пешего батальона Сенягин, командир запасной сотни Ежов и советник Войскового правления с неразборчиво написанной в протоколе фамилией.

Поздним вечером 10 января участниками собрания был согласован план операции, разработанный 40-летним подполковником Генштаба Петром Бирюковым. Петр Иванович был не только казачьим офицером, но и сыном войскового атамана Ивана Алексеевича Бирюкова. Его папа в это время болел. Болезнь, скорее всего, носила дипломатический характер, так как атаман делал вид, что ничего не знает о военных приготовлениях своего Войска и планах собственного сына.

Сам Бирюков, по образованию бухгалтер, был вдовцом и содержал двух малолетних детей. Особенности семейного положения подталкивали его к осторожности и непубличности. Но план захвата спящего города он составил.

В 04.00 две сотни – 2-я и 4-я – должны были покинуть Белые казармы, расположенные на Набережной Кутума⁴⁰². Сотням предстояло пройти 400 метров до ул. Московской, к дому Усейнова. Здесь в двухэтажном особняке стояла 4-я рота 156-го пехотного полка. Казакам предстояло разоружить ее⁴⁰³.

В это же время запасная сотня, усиленная добровольцами-офицерами и импровизированным пешим батальоном Сенягина, должна была выйти с заднего двора Белых казарм⁴⁰⁴ и, сделав длинный изгиб протяженностью в километр, выдвинуться к парку «Аркадия». В парке стоял роскошный деревянный театр, где размещались 14-я рота гарнизона и иные части 4-го батальона, которые было нужно взять в плен⁴⁰⁵.

⁴⁰⁰ Голос революции. 1917. 8 февр.

⁴⁰¹ ГААО. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 13. Л. 16, 21.

⁴⁰² Ныне Кирова.

⁴⁰³ Дом Усейнова есть, но находится не на Московской/ Советской, а чуть дальше. Его современный адрес ул. Кирова, 27.

⁴⁰⁴ Ныне на ул. Адмиралтейской.

⁴⁰⁵ По воспоминаниям бойца Мусульманской роты М. Х. Айдарова, место дислокации роты № 14 было в доме Губина на углу набережной реки Кутум и ул. Грязной (совр. Куйбышева).

Орудия, ранее заботливо вывезенные офицерами на Казачий бугор, предстояло выкатить на Армянское кладбище⁴⁰⁶. Эта часть плана осталась неясной. От Армянского кладбища до центра города минимум три километра, и вести сколь-либо эффективную стрельбу оттуда в условиях городской застройки было совершенно невозможно.

После нейтрализации 4-й и 14-й рот Петр Бирюков был намерен отправить в крепость парламентариев с ультиматумом. План был выставлен на демократическое тайное голосование и получил поддержку девяти из 11 участников собрания. Против проголосовал сам Петр Бирюков. Он заявил, что без разведки выступать опасно и вообще стоит подтянуть силы.

Дополнительным аргументом прозвучала... необходимость проинформировать его отца, атамана Ивана Бирюкова!

Следующий день прошел в приготовлениях.

Но пополудни, как и было обговорено, прошли вторые переговоры советских и казачьих представителей в здании КНВ. Перфильев и Трусов заявили, что не собираются вмешиваться в дела казачества и признают за ним право на самоуправление.

Казачи ответили, что их это полностью устраивает и ни о каком конфликте не может быть и речи. После этого Перфильев и Трусов заметили, что в Покровском монастыре происходят какие-то военные приготовления, и предложили сформировать общую делегацию, чтобы съездить туда и выяснить, что же там происходит.

От такого предложения казаки наотрез отказались, но попросили время подумать. Сопровождение было прервано с полной уверенностью его советских, земских и мусульманских участников, что на следующий день переговоры продолжатся⁴⁰⁷.

Однако планы Войскового правления состояли не в предотвращении, а в развязывании войны в городе. Переговоры они вели лишь для того, чтобы обмануть Советы и усыпить их внимание.

Вечером казачьи начальники опять собрались в здании Правления. Вновь прошло голосование, на этот раз открытое. Против вооруженного выступления проголосовали двое, но среди них оказался... исполняющий обязанности Войскового атамана полковник Востриков. Востриков категорически заявил, что лично сам он никакого восстания возглавлять не будет.

Вслед за Востриковым отказались от руководства Петр Бирюков и князь Тундутов. Последний заметил, что если кем и готов руководить, то только собственными калмыками. Калмыков было немного, человек двести. В итоге после долгих уговоров казачество согласился возглавить подъесаул Н. К. Сережников. Его чин соответствовал званию армейского штабс-капитана и был чем-то средним между старшим лейтенантом и капитаном в современной армии.

Таким образом, при наличии генералов, полковников и подполковников руководство восстанием оказалось в руках практически младшего офицера.

В ходе совещания поступила информация, что, оказывается, в городе работает подпольная организация пехотных офицеров. Подпольщики собирались провести свою конференцию через пару дней в Покровском монастыре. В это тайное сообщество было записано порядка двухсот человек⁴⁰⁸. Впрочем, скорее всего, в списки попали все, кого только смогли вспомнить их составители. После завершения боев красные следователи смогли установить причастность к выступлению только трех пехотных офицеров из двухсот поименованных в списке.

Офицеры с энтузиазмом присоединились к организации мятежа.

Для распознавания своих нижним чинам и командирам были розданы белые повязки.

---

⁴⁰⁶ Ныне ул. С. Перовской.

⁴⁰⁷ Голос революции. 1917. 8 фев.

⁴⁰⁸ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–11; Ф. 1178. Оп. 1. Д. 191. Л. 12.

Выступление начато и остановлено

Выступление началось через несколько часов и сразу оказалось несогласованным, хотя все казачьи и офицерские отряды выступали из одной и той же точки – Белых казарм⁴⁰⁹. 12 января в 3.30 утра (учитывая зимнее время, на дворе стояла глухая ночь) казармы покинула 2-я сотня 3-го казачьего полка. Через десять минут она атаковала 4-ю роту гарнизона, занимавшую дом Усейнова.

Наступление 2-й сотни успеха не имело. Дом Усейнова, где стояли красные солдаты, представлял из себя небольшую крепость. Сегодня он более известен как Персидское подворье. Его корпус образует замкнутый внутренний двор, просто предназначенный для обороны против легковооруженного противника. Красноармейцы активно применили гранаты. Казаки понесли потери и закрепились в соседних зданиях.

По дороге небольшой отряд, отделившийся от 2-й сотни, занял здание почты, устроив там на всякий случай засаду и выгнав местных сторожей. Последующие две недели почта неоднократно переходила из рук в руки. После окончания боевых действий была выявлена картина полного разорения. Книги и документы были порваны в клочья, абажуры и лампочки разбиты, а провода срезаны. Деньги, почтовые марки и зеленое сукно со столов просто исчезли⁴¹⁰.

Пока 2-я сотня вела перестрелку у Персидского подворья, в Белых казармах формировали новую боевую группу. В ее состав вошли прибывшие из сел добровольцы, и построение новичков затянулось. Впрочем, эта группа как раз добилась успеха. Примерно в 5 утра она добралась окольными дорогами до парка Аркадия, где разоружила спящую 14-ю роту гарнизона, захватив при этом два пулемета.

Еще один отряд выдвигался к Волге вдоль Кутума. В здании горводопровода располагалась рота порядка 156-го полка, которой командовал Рубан. Повстанцы подошли к зданию, вызвали Рубана на улицу и прямо у входа изрубили его шашками⁴¹¹. После этого они разоружили солдат роты. Дальше казаки спустились вниз вдоль русла Кутума, имея целью занять квартал Коса и окружить крепость с юга.

Неожиданно для казаков у Коммерческого моста им преградили путь солдаты мусульманской роты под командованием Хаджаева. Эта рота дала белоказакам решительный отпор. Основные силы роты были размещены в бывшей Догадинской гостинице. «В окне гостиницы стоял пулемет, – вспоминал позднее боец Фатхулин, – пулеметчик – крестьянский парень из села Яксатово, по имени Мавлют, подпустив поближе белоказачков, спустившихся с Коммерческого моста, расстрелял их в упор. Атака белоказачков захлебнулась. Выскочившие из казармы мусульманские солдаты добились отступавших белоказачков»⁴¹².

Мавлют погиб в этом бою. Вместо него за пулемет взялся ефрейтор Хамзин, который смело вышел прямо на середину улицы и занял там позицию. Попытка мятежников отрезать Крепость от Волги была сорвана.

Сама Крепость также не была взята. Мятежников подвела склонность к эффектному жесту. Вместо того чтобы скрытно подойти к Кремлю и обезоружить немногочисленную охрану Пречистенских ворот, они начали артобстрел, разбудив гарнизон.

«Тишина, часовые на местах, – описывал Липатов. – Через две минуты раздается над Советом треск. Первый разрыв шрапнельного снаряда, другой и третий. Отдал распоряжения помощнику, бегу в крепость. Снаряды рвутся у колокольни, ударяясь в нее. Крепость на ногах.

---

⁴⁰⁹ Район Кр. Набережная, 93.

⁴¹⁰ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

⁴¹¹ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

⁴¹² Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 395.

Тов. Аристов сам несет пулемет, другие несут бомбомет... Дело прошлое, но скажу своим бывшим врагам, если таковые и сейчас есть здесь в живых, свое рабочее спасибо. Вы подумаете – за что? А за то, что они нас утром 12-го января орудийным выстрелом поставили на ноги. Не сделай они этого, а пойдти тихо без выстрела на крепость, и они ее заняли бы без трудов»⁴¹³.

Аристов распорядился немедленно выставить пулемет в воротах, поднял по тревоге 1-ю литерную и 7-ю роты и отправил связных. На двести бойцов имелось только 70 винтовок.

«Очутившись в крепости, мы узнали, что защитников в ней не так много, – вспоминал боец-мусульманин М. Х. Айдаров, – кое-где по стенам у бойниц стояли вооруженные люди, в большинстве своем солдаты. Единственный пулемет был установлен в глубине ворот и направлен вдоль улицы»⁴¹⁴. Неподалеку от Житной башни Кремля были установлены деревянная и веревочная лестницы, через которые подходили добровольцы.

К рассвету повстанцы заняли линию Войсковое правление – Армянский мост – Ямгурчеев мост. На этих и других мостах, расположенных в направлении Больших Исадов, были выставлены патрули. Дом Усейнова также удалось занять, так как 4-я рота, чтобы не быть блокированной, частью сил ушла по ул. Знаменской в крепость, а частью отошла к зданию Управления калмыцким народом и Облупинской площади⁴¹⁵. Потери казаков и офицеров были значительными – 54 человека убитыми и 117 ранеными. Начальство объяснило это тем, что красные поставили за пулеметы немцев и венгров. «Наши атаки всегда отбивались красными, благодаря тому что у них было много пулемётов с отличными хладнокровными пулемётчиками немцами», – записывал Бальзанов⁴¹⁶.

Зато мятежники располагали артиллерией.

Одну пушку они установили у Армянского собора на Московской ул., другую – на Воздвиженском мосту и две – на вокзале⁴¹⁷. Так как казаки – 160 человек персонала казачьей батареи – отказались стрелять по городу, расчеты были укомплектованы офицерами. Огонь велся по Кремлю, при этом пострадали Пречистенская колокольня, Архиерейский дом и Успенский собор. Оказавшийся в плену солдат 14-й роты Мальцев насчитал за три часа 113 орудийных выстрелов⁴¹⁸.

Положение Советов оказалось крайне неблагоприятным. Они имели всего два пулемета и шесть бомб для миномета, четыре роты (1-ю литерную, 4-ю, 7-ю и мусульманские) и триста человек в Красной гвардии. Причем из числа красногвардейцев в крепости оказалось только сто бойцов⁴¹⁹. Остальные ночевали дома и были отсечены от Кремля противником. Продуктов в крепости не было.

Многие советские лидеры, включая Перфильева, оказались арестованы. Многие, включая Трусова и Липатова, находились за пределами губернии.

Война в условиях города

С рассветом белые предприняли попытку штурма крепости. Прямой наводкой по воротам был открыт огонь из орудия. Разрывом снаряда сбило пулемет, убило помощника пулеметчика моряка Зайцева, а самого пулеметчика отбросило в сторону. Перебежками от здания к зданию мятежники атаковали Пречистенские ворота, охрана которых разбежалась. Ситуа-

⁴¹³ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 64, 65.

⁴¹⁴ Цит. по: Казаков П. В., Казакова Е. П. Гражданская война в Астрахани глазами очевидцев: по материалам из фондов Астраханского музея-заповедника // X Краеведческие чтения: сборник. Астрахань, 2018. С. 207.

⁴¹⁵ Совр. ул. Ленина, 17, напротив здания Администрации Кировского района.

⁴¹⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 10, 11.

⁴¹⁷ Астраханский листок. 1918. 2 фев.

⁴¹⁸ Коммунист. 1919. 8 фев.

⁴¹⁹ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 3.

цию спас один человек, тот самый уцелевший пулеметчик, Дмитрий Чулков. Он снова установил свой пулемет, подавил цепь противника и метким огнем заставил убрать стоявшее на другой стороне Московской улицы орудие. В производстве работ по устройству импровизированной баррикады и установке пулемета горячее участие и самоотверженность проявил 14-летний мальчик. Он погиб в бою.

По воспоминаниям А. Столыпина, какое-то время огонь из пулемета вел лично Аристов⁴²⁰.

Вскоре подошло подкрепление из 7-й роты и мусульманской роты, которое заняло бойницы на стенах и огнем сверху заставило казаков и офицеров отступить.

Служивший при штабе мятежников Бальзанов записал, что при попытке штурма Кремля атакующие потеряли каждого третьего бойца. Студенты и гимназисты начали дезертировать⁴²¹.

Красногвардейцы подтягивались к Кремлю, вступая по дороге в перестрелки с белоказаками.

Астраханский татарин Орловский, демобилизовавшийся солдат, пробивался к своим. На Ивановском мосту⁴²² он был задержан гимназистами, однако гимназический патруль был неожиданно обстрелян из соседнего здания и разбежался. Захватив брошенную винтовку, Орловский прибил к отряду, в котором оказались его знакомые. Отряд был небольшой, всего 11 человек, и занял Ивановский мост. Вскоре они были выбиты оттуда превосходящими силами белых и стали отходить в центр города. Проходя мимо Купеческого клуба, отряд потерял одного бойца, убитого выстрелами из окна.

В районе кафе «Шарлау» группа Орловского была встречена сильным ружейным огнем казаков через окна почты. Красногвардейцы заняли второй этаж кафе, а Орловский отправился в крепость за патронами и подкреплением. Назад он вернулся с группой поддержки в 20 человек, после чего казаки были выбиты из почты⁴²³.

На юге города просоветски настроенные татары заняли казарму конной казачей батареи, расположенную между «Луна-парком» и Ликеро-водочным заводом. «Казарма была взята, – вспоминал участник боя М. Х. Айдаров, – причем три казака были убиты, остальные бежали. Нам досталось несколько винтовок с патронами»⁴²⁴.

Однако командование мятежников было настроено оптимистично. Им удалось овладеть значительной частью города, а также захватить семь автомобилей, включая пять грузовиков. Бирюков почему-то решил, что от этих машин зависит все снабжение крепости⁴²⁵. Отряд добровольцев из 2-го казачьего полка во главе с есаулом Кукушкиным занял железнодорожный вокзал и станцию Астрахань-II.

По городу расклеиваются плакаты, в которых Войсковое правительство, несколько не стесняясь, сообщало, что целью выступления является защита... плодов завоеваний Великой Русской революции⁴²⁶.

Днем 12 января в здание Казачьего правления прибыл городской голова Зенченко. Он искал компромисс и предлагал перемирие. Вдохновленные ночным выступлением казаки отказались его слушать⁴²⁷.

⁴²⁰ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 6.

⁴²¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 11.

⁴²² У торгового центра «Московский» на Больших Исадах.

⁴²³ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 72.

⁴²⁴ Цит. по: Казаков П. В., Казакова Е. П. Гражданская война в Астрахани глазами очевидцев: по материалам из фондов Астраханского музея-заповедника // X Краеведческие чтения: сборник. Астрахань, 2018. С. 209.

⁴²⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 12.

⁴²⁶ Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 107.

⁴²⁷ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 191. Л. 17–19.

Днем к восставшим примкнули некоторые студенты. Одним из них оказался некий Сергей Желудков. Двумя месяцами ранее Сергей принимал участие в мятеже против советской власти в Москве, поднятом юнкерами. Он попал в плен и был отпущен под честное слово больше так не поступать. Сергей не был намерен исполнять какие-то клятвы и теперь стоял с винтовкой у Сапожниковского моста⁴²⁸.

На соседнем мосту, еще глубже в тыл, в белой повязке стоял гимназист А. Юштин. Винтовка за спиной давала ему ощущение господства над окружающими. Астраханец Асикаанен пытался заговорить с молодым человеком и убедить его в неправильности происходящего. Юштин ответил, что большевиков надо убивать, и выстрелил в безоружного человека. Асикаанен не погиб, но получил серьезное ранение⁴²⁹.

О составе участников выступления в какой-то степени говорят сведения по раненым. Спустя почти три месяца – 4 апреля – в лазаретах еще лежали 38 астраханцев, выступивших с оружием в руках по призыву Войскового правительства. В их числе было 27 казаков, а также пять прапорщиков, пять офицеров и один гимназист⁴³⁰. Учитывая, что прапорщики тоже принадлежали к казачьему полку, доля офицеров среди восставших не превышала 15 %, а участие в боях гимназистов и вовсе было символическим.

13 января повстанцы получили подкрепление. Из Камышина прибыл 1-й Астраханский казачий полк. Чтобы добраться до Астрахани, казаки захватили поезд в районе ст. Кайсацкая, высадив пассажиров на мороз и взорвав на всякий случай железнодорожный мост между Кайсацкой и Палласовкой⁴³¹.

Численный состав прибывших в лучшем случае соответствовал батальону, зато восстание обрело командиров. Вместе с полком в городе оказались штабисты Астраханской казачьей бригады во главе с полковником Н. И. Аратовским. Он возглавил руководство вооруженной борьбой белых, назначив своим начштаба капитана Рябова-Решетина, ранее служившего в Генштабе армии. Осторожного Петра Бирюкова это вполне устраивало, и тот быстро и с радостью отодвинулся на вторые роли. По всей линии была дана телеграмма, что Астрахань занята восставшими. «В городе спокойно, город взят офицерской организацией, добровольцами и казаками», – сообщал Иван Бирюков⁴³². Это была откровенная ложь, рассчитанная на деморализацию сторонников Советов в уездах и приток обманутых белых добровольцев.

Телеграмма сработала. В станицах прошла небольшая мобилизация. Отряд в 35 человек из Ветлянки занял железнодорожную станцию Верблюжья, копановцы – Чапчачи, а грачевцы – Верхний Баскунчак. Однако никаких активных действий против местных Советов станичники не предпринимали. Более того, ветлянцы сместили своего офицера и создали что-то наподобие революционного комитета⁴³³.

Общее число мятежников можно оценить примерно в 1500–1700 человек.

Утром 13 января белоказаки и гимназисты снова овладели Почтой и кафе «Шарлау». Днем они вновь были оттуда выбиты группой красногвардейцев и мусульман, просочившихся по Знаменской и Белогородской улицам⁴³⁴.

В лазарете быв. Дворянского собрания доктора Дайхес (брат кадетского лидера) и Комаровский оказывали помощь раненым, невзирая на их принадлежность к противоборствующим сторонам. К вечеру в госпитале лежало уже 50 красногвардейцев. Белые, учитывая близость

⁴²⁸ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

⁴²⁹ Наша жизнь. 1918. 6 авг.

⁴³⁰ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 189. Л. 293.

⁴³¹ Голос революции. 1918. 4 фев.

⁴³² Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 104.

⁴³³ Воспоминания Ткачева // Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 84.

⁴³⁴ Совр. ул. Красного Знамени и ул. Ленина.

крепости, старались в госпитале не задерживаться. В их тылу была превосходная Александровско-Мариинская больница, а в тылу красных – больница на Паробичевом бугре.

Потери белых за два дня боев составили 118 человек убитыми и 250 ранеными, то есть треть всех сил. В строю оставалось в пределах 1200 человек. Из станиц добровольцев больше не было. Калмыки дали дополнительно всего 60 человек⁴³⁵.

Наступила пауза.

15 января повстанцы перешли в новое наступление. Они в третий раз овладели зданием почты, заняли район Знаменской церкви, взяли под контроль электростанцию на левом берегу Кутума и, самое главное, смогли захватить комплекс зданий на Московской улице, непосредственно примыкавший к Кремлю. Эти здания – 1-я мужская гимназия, магазин Гантшера, Гостиный двор и другие – возвышались над крепостными стенами. Винтовочным и пулеметным огнем мятежники взяли под огневой контроль значительную часть площади Кремля. Прицельная стрельба вела к большим жертвам среди солдат и рабочих, а также медперсонала.

По Кремлю также велся активный артиллерийский огонь. Было выпущено свыше ста снарядов⁴³⁶. На Пречистенской колокольне были разбиты часы. Пострадало Архиерейское подворье. Погибло и было ранено несколько десятков человек. Открыто передвигаться по территории Кремля оказалось невозможно. Пришлось рыть траншеи.

С целью лишить крепость воды казаки взорвали машинное отделение водопровода. Просто перекрыть ведущие к Кремлю вентили они оказались неспособны ввиду отсутствия квалификации. Заодно без воды на полмесяца оказался весь центр города⁴³⁷.

Попытки выбить белых из здания гимназии и других домов на Московской улице закончились для красных значительными потерями.

После того как все мины из бомбомета были расстреляны, и это не принесло никакого результата, Аристов приказал поджечь здания.

Однако группа солдат 12-й роты во главе с унтер-офицером Савчуком успеха не добились. Местность была легко простреливаемая, и половина бойцов погибла, а остальные повернули назад.

Тогда было принято решение вызвать бандитов с Косы. Председатель стачкома водников Алексей Демидов описывал:

«жалая бойцов, решили использовать преступный элемент, заявив им, что с поджогом они в магазине Гантшера могут взять все, что им захочется. И вот эти находчивые фрукты налили керосин в бочку и, кативши ее впереди себя, сами ползком добрались до магазина Гантшера и подожгли его, а потом, забравшись внутрь, надели по две-три дорогие шубы, прихватив другие ценные вещи, ушли»⁴³⁸.

Первым, впрочем, загорелся не магазин Гантшера, а дом Смирнова на углу Крепостной и Никольской улиц. Никакого военного смысла для Советов в этом поджоге не было, поскольку здание находилось у крепости в тылу. Зато на первом этаже располагались магазины золотых и серебряных изделий, а также церковной утвари⁴³⁹.

Видимо, организаторы этого поджога были наказаны красными, поскольку последующие пожары были направлены строго вглубь обороны белых.

Огонь бушевал два дня. Тушить его в условиях перестрелки не было никакой возможности. В первый день сгорели здание мужской гимназии⁴⁴⁰, Гостиный двор, дом Гантшера, здание

---

⁴³⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 15.

⁴³⁶ Астраханский листок. 1918. 2 фев.

⁴³⁷ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 6.

⁴³⁸ Марков А. С. История Астрахани в событиях и фактах. С. 266.

⁴³⁹ Астраханский листок. 1918. 4 фев.

⁴⁴⁰ В этой гимназии учился И. Н. Ульянов.

Совета и ряд домов в начале Знаменской улицы. На второй день пожар дошел до Полицейской улицы, уничтожив торговые ряды с товаром восьмидесяти персидских купцов, писчебумажные лавки и магазин «Граммофон», распространился на гимназию Шавердовой⁴⁴¹, персидский магазин и Старо-Горянский ряд.

Рядовые бойцы с обеих сторон, разумеется не все, объявили неофициальное перемирие и пошли грабить магазины. 18 января два командования вступили в переговоры. Посредниками выступали власти Красного Яра во главе с доктором Поташником. Было выбрано помещение 5-го городского участка на 3-й Кремлевской улице, то есть в нейтральной зоне за Кутумом, где стояли мусульманские отряды⁴⁴². От Советов участвовали большевики Иванов и Чечин, а также каралатовец Никишин. От белых – Сережников и Анохин. Стороны договорились прекратить огонь, чтобы продолжить переговоры на следующий день.

Однако утром 19 января белые подвергли обстрелу крепость, ранив несколько человек, включая медсестру. Иванов и Никишин добрались до баррикады противника, передав записку с недоуменными вопросами, но ответа не последовало. Белые решили продолжить войну, и в этом заключалась их ошибка⁴⁴³.

Красные усиливались за счет лучшей организации, в основе которой оказалась неоспоримая массовая народная поддержка.

Правозэсеровский «Голос революции» отмечал: «Крепость сделалась центром народного движения. Насколько мертво было в казачьем районе, настолько оживленно в районе крепости»⁴⁴⁴.

В крепости работал военный и политический штаб. Ведущую роль в нем играли левые эсеры и большевики, но все свои ресурсы привлекли и другие леворадикальные организации – эсеры-максималисты, анархисты, профсоюзы и различные активистские группы.

На заводе «Норен»⁴⁴⁵ приступают к производству бомб, а на ряде мелких мастерских – к производству патронов. Впрочем, патроны не отличались высоким качеством, давали осечки и клинили затворы винтовок.

Еще 12 января рабочий-металлист Григорий Липатов прибыл в крепость и попросил поручить ему организацию партизанских отрядов. Разумеется, Мина Аристов дал ему такое поручение.

В районе Криуши⁴⁴⁶ возникла боевая дружина профсоюза конопатчиков, обстреливавшая патрули белых у рынка Большие Исады. Отряд Липатова взял под контроль Пороховые погреба.

На Селениях бондарями и кузнецами был сформирован партизанский отряд, который возглавил 23-летний Евгений Савушкин. Первоначально отряд Красной гвардии из 17 рабочих возник еще в ноябре и располагал десятью винтовками, двумя дробовиками и одним пулеметом⁴⁴⁷. До войны Савушкин ловил рыбу и подрабатывал плотником. В 1915 году он был мобилизован, получил звание унтер-офицера и был направлен в военную разведку. За доблесть на фронте Савушкина наградили двумя Георгиевскими крестами.

Была организована и медицинская служба. 12 января в 06.00 к Аристову прибыли доктора Гузиков и Розентул, высказавшие свои просоветские настроения еще до начала боев и пообещавшие в случае конфликта помощь. Вскоре к ним присоединились доктора Цейтлин,

---

⁴⁴¹ Гимназия, как и магазин «Граммофон», располагалась в здании на совр. ул. Советская, 8.

⁴⁴² Совр. Дантона.

⁴⁴³ Воспоминания Ф. Никишина // Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 102.

⁴⁴⁴ Голос революции. 1917. 4 фев.

⁴⁴⁵ Совр. завод им. К. Маркса.

⁴⁴⁶ Совр. район ул. Мечникова – Дж. Рида.

⁴⁴⁷ Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Т. 1. С. 399.

Милованов, группа сестер милосердия, и был создан госпиталь, а также сформированы санитарные отряды⁴⁴⁸. Рахиль Вассерман организовала скорую помощь⁴⁴⁹.

Священник церкви св. Владимира служил молебны за дарование победы Советам⁴⁵⁰.

Экипаж ледокола «Каспий» по просьбе большевика Демидова (который в КНВ занимал пост комиссара судоходства) вышел на Волгу, ежедневно взламывая лед и препятствуя переброске к мятежникам подкреплений из правобережных станиц. Мусульманская дружина, сформированная правыми лидерами уммы, держалась нейтрально, но с каждым последующим днем все более склонялась на сторону крепости. В татарский квартал Махалле вход белоказакам был запрещен. Уже в первый день белые артиллеристы, пытавшиеся перебросить орудие через мосты на южную сторону Канавы, были остановлены вооруженной татарской самообороной⁴⁵¹. В двухэтажном доме № 82 по Набережной Канала расположился татарский штаб, и отсюда выдавалось оружие добровольцам⁴⁵².

На выручку горожанам стало подтягиваться село, снабдив своих добровольцев охотничьими ружьями.

Из Астраханского уезда в крепость вступали партизанские отряды численностью по 70–100 человек.

Крупный отряд под командой Михаила Бессонова пришел из центральных дельтовых сел Трехизбинки, Тузукля, Уваров, Раздора, Каралата. При дружине было до 40 подвод с продовольствием. На передней подводе был размещен большой красный плакат: «Вся власть Советам!» В отряде было до 500 человек, не считая отдела снабжения численностью в 200 человек⁴⁵³. Частью сил ловцы заняли консервную фабрику, заодно обеспечив консервами себя и весь гарнизон до конца боев. Аристов назвал дружину Бессонова «1-м революционным отрядом».

Еще одно большое соединение вооруженных селян, названное «2-м революционным отрядом», из расположенных в восточной части дельты Маково, Зеленги, Марфино, Цветного и Разино, привели 35-летний Матвей Колчин и 32-летний Николай Кандауров. Первый, уроженец Цветного, был простым ловцом, примкнувшим к левым эсерам, а второй, родом из Разино, прошел мировую войну в звании унтер-офицера. С Колчиным пришли 500 человек, с Кандауровым еще 41.

Из Тузукля прибыли 73 добровольца во главе с Пряхиным⁴⁵⁴. Большой отряд подошел от мусульман Царева и Тияка⁴⁵⁵. Еще 41 человек пришел с отрядом Кандаурова.

В казахских аулах проявили инициативу активисты Рахметов Тулеген, Ирмуратов Хайдар, Иржанов Жумагазы. Они производили сбор добровольных пожертвований среди населения, на собранные деньги покупали мясо, замороженную рыбу и доставляли их в город для защитников крепости. Только из аулов Сахма и Яблонка лично Ирмуратовым было погружено мяса и рыбы на три подводы и доставлено в крепость⁴⁵⁶. Все мужское население Икрыного в возрасте от 18 до 50 лет записалось в Красную гвардию. Аристов поблагодарил за эту помощь, но ответил, что гарнизон нуждается больше не в людях, а в продовольствии. После этого жители

⁴⁴⁸ Аристов М. Л. Январские дни 1918 года в Астраханской губернии. Астрахань, 1925. С. 27.

⁴⁴⁹ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 51.

⁴⁵⁰ Там же. С. 55.

⁴⁵¹ Астраханский листок. 1918. 2 фев.

⁴⁵² Воспоминания М. Х. Айдарова. Цит. по: Казаков П. В., Казакова Е. П. Гражданская война в Астрахани глазами очевидцев: по материалам из фондов Астраханского музея-заповедника // X Краеведческие чтения: сборник. Астрахань, 2018. С. 207.

⁴⁵³ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 67–68.

⁴⁵⁴ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.

⁴⁵⁵ Голос революции. 1918. 4 фев.

⁴⁵⁶ Воспоминания Хайдара Ирмуратова // <http://www.regionvol.ru/index.php?newsid=13103>.

Икрыного, Боркино и Маячного отправили в Астрахань 36 мешков печеного хлеба⁴⁵⁷. Местная Красная гвардия, впрочем, не осталась без дела и провела обыски с целью изъятия оружия у калмыков, которых подозревали в симпатиях к белым⁴⁵⁸.

Прибывали делегации и из станиц. Группа казачебугоринцев во главе со Зверевым и красноярцев во главе с Бешапошниковым пришла в крепость и заявила, что 2-я и 4-я сотни Казачьего войска отказываются воевать против Советов. Красногвардейцы устроили им торжественную встречу с красными флагами⁴⁵⁹. Форпостинец Нумцев, возглавлявший местный Совет, описывал, как через Волгу к ним перешло несколько десятков казаков, оставивших позиции и решивших разъехаться по домам. Совет тепло принял их, накормил и отправил подальше от города⁴⁶⁰.

Отряд казаков из Ветлянки, занимавший железнодорожную станцию Верблюжья, также вернулся по домам. На общем собрании станицы было решено выйти из войны, и 19 января в адрес атамана Бирюкова было отправлена телеграмма с требованием прекращения боевых действий⁴⁶¹.

Неблагоприятно для мятежников обстояли дела и в Калмыцкой степи. Когда группа стражников во главе с атаманом Ордашем Босхомджиевым прибыла в Шарнutowский аймак для проведения мобилизации, бедняк Бова Манджиев во главе с группой единомышленников напал на казаков, избил их и обезоружил. В Хошеутовском аймаке двести мобилизованных калмыков взбунтовались и убили двух казачьих командиров, после чего разошлись по домам⁴⁶².

Неудачей закончилась попытка белых обзавестись броневиком. Бронемашину было решено изготовить путем обшивки металлическими листами грузовика. При этом атаман Бирюков потребовал от рабочих завода «Океан»⁴⁶³ сделать броневик за один день (21 января), угрожая им законами военного времени. Рабочие согласились, но – удивительное дело – не смогли справиться с заданием. Не вышло у них! Хотя люди и старались, и рассказывали о стараниях раздраженным казачьим офицерам⁴⁶⁴.

Сделав очень большой переход через степь, мятежники смогли переправить один отряд с орудием севернее Калмбазара⁴⁶⁵ на правый берег Волги и ввели его в ст. Атаманская⁴⁶⁶. Войсковое правление приказало объявить, что «батарея будет бить из всех орудий по г. Астрахани по бандам, сеющим насилие и террор над мирным населением»⁴⁶⁷.

Начался артобстрел Кремля и жилых массивов Косы. Стачком расположенного рядом пос. Форпост официально предупредил станичников, что если огонь не будет прекращен, то станица будет сожжена. Это возымело действие, и отряд с орудием вернулся обратно на левый берег. Более того, форпостинский Совет потребовал полного разоружения станицы и добился этого. Было сдано сто винтовок. До этого Совет обладал всего дюжиной ружей, отобранных ранее у поселковой милиции. Вооружив целую роту добровольцев, форпостинцы отправили ее на выручку в город⁴⁶⁸.

⁴⁵⁷ ГААО. Ф. 1446. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

⁴⁵⁸ ГААО. Ф. 1446. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁴⁵⁹ Аристов М. Л. Январские дни 1918 года в Астраханской губернии. Астрахань, 1925. С. 35.

⁴⁶⁰ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 96.

⁴⁶¹ Воспоминания Ткачева // Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 84.

⁴⁶² Очиров Уташ Борисович. Калмыкия в период революции и гражданской войны (1917–1920 гг.): диссертация. С. 179.

⁴⁶³ Совр. Первомайский СРЗ.

⁴⁶⁴ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 191. Л. 19. Д. 189. Л. 9.

⁴⁶⁵ То есть в районе совр. АЦКК.

⁴⁶⁶ Совр. Форпост.

⁴⁶⁷ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 189. Л. 62.

⁴⁶⁸ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 97.

В это же время сильный казачий отряд, пытавшийся проникнуть в южную часть города, был окружен и уничтожен красногвардейцами и татарами в районе Пороховых складов⁴⁶⁹. Борьба в самом городе приобрела подвижный характер.

Правозероверская газета «Голос революции» отмечала: «Движение носило характер настоящей партизанской войны с вылазками, внезапными нападениями, засадами и уличными перестрелками»⁴⁷⁰.

17 января к Бирюкову прибыло подкрепление. Поезд из Баскунчака привез пятьдесят казаков. Среди них был прапорщик Андрей Скляр, уроженец Казачьего бугоринской станицы. Скляр, похоже, и был организатором этого отряда, так как сразу же получил назначение на должность командира караула⁴⁷¹.

18–19 января, глубокой ночью белогвардейские части повели удачное наступление. Им вновь удалось занять почту, отбросив красных к Знаменской церкви и Александровскому саду⁴⁷², и создать угрозу для Косы в районе здания Биржи. Ударная офицерская рота выдвинулась по ул. Московская к Пречистенским воротам.

Аристов собирает в Александровском саду красногвардейцев и ловцов, которые переходят в контратаку на правом фланге и гонят белых вдоль по Белгородской и Знаменской улицам⁴⁷³.

На Пречистенской колокольне включается установленный там накануне прожектор, который ярко освещает площадь у центральных ворот Кремля с наступающими по ней офицерами. Усиленный пулеметный огонь и ружейный огонь со стен буквально выкашивают передние ряды наступающих.

«Это было что-то ужасное, – описывал командир отряда ловцов Бессонов. – Не прошло и 2 минут, как с наступающей стороны получилось смятение, а за ним пошло и бегство. Всех убитых и раненых белых насчитывалось, по моему мнению, до 100 человек. Между прочим, один гимназист лет 18 пролетел в ворота крепости и запутался в проволочном ограждении... Казачий штабскапитан и два офицера также были убиты в воротах крепости»⁴⁷⁴.

Бессонов не ошибся в оценке потерь противника. Штабной офицер Казачьего войска Бальзанов написал: «Нам пришлось отступить, потеряв около ста человек»⁴⁷⁵.

Осознав, что через Знаменскую улицу им создана угроза с тыла, уцелевшие офицеры ушли к Войсковому правлению и дому губернатора, оставив не только убитых, но и пленных. Наутро красногвардейцы отбили городской водопровод, восстановив подачу воды в крепость и на Косу. 20 января ими была занята Московская улица и казаки изгнаны из Большой Московской гостиницы, оставив при поспешном отступлении много оружия⁴⁷⁶.

20 января уставшее от бесперспективного стояния Войсковое правительство решило отправить делегатов на Дон, за помощью. Впрочем, этот план так и не был реализован.

Помощь извне, конечно, запрашивали обе стороны.

19 января Аристов получил сообщение, что двумя днями ранее из Саратова на выручку астраханцам выступила «Восточная армия». В действительности речь шла не об армии, конечно, а об отряде в 2000 штыков, но хорошо оснащенном: ему были приданы 40 пулеметов

⁴⁶⁹ Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 109.

⁴⁷⁰ Голос революции. 1918. 4 фев.

⁴⁷¹ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1116. Л. 20, 21.

⁴⁷² Совр. пл. Ленина.

⁴⁷³ Совр. ул. Ленина и ул. Красного Знамени.

⁴⁷⁴ Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 68.

⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 238. Л. 17.

⁴⁷⁶ Воспоминания Орловского // Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 73.

и шесть орудий. Отряд продвигался вдоль железной дороги, пополняясь по пути сотнями добровольцев из числа рабочих и селян. За неделю его численность выросла вдвое⁴⁷⁷.

Экспедиция в Саратове сформировалась не случайно. В этом городе застряли Трусов, Хумарьянц, Гольдберг, Иван Липатов и другие большевики, которые отъезжали в столицу по поручению ЦК. Они и убедили Саратовский Совет к выступлению⁴⁷⁸.

Казаки тоже получили поддержку. В это время с фронта домой пробирался 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион войскового старшины Пискунова. Его численность Владимир Бирюков оценивал в 70 сабель⁴⁷⁹, а современные исследователи называют цифру в 160 штыков⁴⁸⁰. Но все источники сходятся на том, что отряд располагал четырьмя пулеметами и восьмью орудиями с боезапасом. Среди орудий было шесть гаубиц, способных вести навесной огонь⁴⁸¹. К этому времени батарея мятежников бездействовала ввиду отсутствия снарядов, и огневая поддержка была как нельзя кстати.

Оренбуржцы избегали городов и переправились через Волгу в районе Каменного Яра.

Атаман Бирюков лично выехал к ним навстречу на поезде. 19 января поезд прибыл на станцию Ахтуба, где стороны и увиделись. Бирюков пригласил Толстова, Пискунова и других офицеров к себе в штабной вагон. Он рассказал про обстановку в Астрахани и попросил о помощи. Согласие было получено.

Утром 20 января на станцию были поданы два эшелона, и отряд отправился в Астрахань.

В рамках информационной войны по городу был распространен слух, что прибывает целых четыреста штыков!

21 января в 21.00 поезда с оренбуржцами добрались до Астрахани, где их встретил духовой оркестр и члены Войскового правительства. Затем последовал торжественный ужин. На нем Бирюков рассказал гостям города, что большевиков насчитывается... 15 тысяч человек, не считая примкнувших к ним «австрийских пулеметчиков»⁴⁸²!

22–23 января повстанцы предприняли очередную попытку штурма города. Оренбуржцы пошли не все, а выделили отряд ст. урядника Сивожелезова, придав ему одно орудие. Отряд продвигался по правому флангу, через рабочий квартал Селены.

Именно с ним случился конфуз, который, собственно, и послужил катализатором массового дезертирства среди повстанцев и поражения мятежа.

В то время Селены представляли собой своего рода городские джунгли с хаотичной деревянной застройкой и отсутствием всякой сколь-либо продуманной планировки. Жили здесь преимущественно рабочие, что нашло отражение в названии местных улиц – Бондарные, Кузнечные, Колесные и др.

Вполне естественно, что рабочие кварталы единодушно поддерживали Советы. Еще в самом начале боев здесь действовал небольшой – менее двадцати человек – отряд красногвардейцев, преимущественно сформированный из числа бондарей. Отряд возглавил беспартийный прапорщик Евгений Савушкин, который быстро смог умножить ряды за счет массового притока добровольцев. Оружие для них поступало через Кутум от гарнизона. На улицах из бочек были построены баррикады, а местные «гавроши» старались всячески преувеличить численность селенских партизан, запугивая казаков рассказами про двести бойцов.

---

⁴⁷⁷ Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 111.

⁴⁷⁸ Солдаты Октября. С. 37.

⁴⁷⁹ ГААО. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 191. Л. 20.

⁴⁸⁰ Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 111. Скорее всего, рост численности отряда связан с присоединением к нему группы уральских казаков во главе с полковником В. С. Толстовым и разного рода оставших от своих частей оренбуржцев и гурьевцев.

⁴⁸¹ Астраханский листок. 1918. 2 фев.

⁴⁸² Антропов О. О. Астраханское казачество. С. 113.

На этом направлении мятежники контролировали только Ефимовский съезд⁴⁸³. Район ул. Грязной и Пристанской⁴⁸⁴ был для них закрыт.

В этих опасных местах 23 января и оказались посланные в незнакомый чуждый город оренбуржцы. Уже вечером они остались без своего оружия и пулеметов.

Получив информацию о продвижении противника, партизаны Савушкина прошли дворами и атаковали пришлых казаков из-за угла, забросав противника гранатами с расстояния 15–20 шагов. После этого дружинники бросились в рукопашную, а оренбуржцы, напротив, не вступая в бой, побежали.

По некоторым источникам, в тот же день оренбуржцы потеряли еще одно оружие⁴⁸⁵.

Одновременно через Кутум перешли в наступление 2-й революционный отряд ловцов Колчина и 7-я рота Мельникова. Гости города бежали в панике к вокзалу, срывая погоны и даже срезая на одежде ленты, свидетельствующие о принадлежности к войску.

К месту событий прибыл сохранивший хладнокровие подполковник Рябов-Решетин. Непосредственно у здания вокзала он смог организовать сопротивление и, используя огонь картечью из орудий, остановить стремительный бросок красных. Красные залегли за штабелями дров и ограничились обстрелом противника.

Другая белая колонна при поддержке орудия пробовала пробиться к Кремлю по Белгородской улице⁴⁸⁶. Весь ее успех свелся к тому, что на Облупинской площади был сожжен городской цирк⁴⁸⁷.

Вечером того же дня оренбуржцы и уралцы покинули Астрахань. Полная победа советских отрядов была омрачена только гибелью Савушкина, убитого по пути в крепость выстрелом из окна дома.

В станицах начались массовые собрания казаков, требовавших прекратить забуксовавшую авантюру. 23 января на Казачьем бугре прошло собрание, в котором приняли участие 253 казака. Участники этого массового митинга прямо обвинили в кровопролитии Бирюкова и Войсковое правительство и выразили поддержку Советам⁴⁸⁸.

24 января красные начали наступление. Сигналом к нему послужили заводские гудки и колокольный звон (!). Отбитое у белых орудие было установлено на Петропавловской площади⁴⁸⁹, поддерживая своим огнем наступающие части.

У Аристова был разработан целый план освобождения города. Он предусматривал бросок левым флангом через Селены к железнодорожному мосту на р. Болда с целью отсечения путей отхода противника на север. После этого предполагалось широким охватом прервать коммуникацию белых с Казачьим бугром и окружить противника, принудив к сдаче.

Наступление намечалось тремя колоннами: от Селен на вокзал, от крепости на Девичий монастырь и Белые казармы и от Пороховых складов в тыл к противнику.

Несмотря на то что слаженного наступления не получилось и отдельные красные части атаковали вразнобой, впрочем, они добивались повсеместного успеха. Противник был деморализован и отступал почти без боя, оставляя в заслоне стрелков-калмыков и пулеметчиков⁴⁹⁰.

На Полицейской улице казаки установили баррикаду. Находчивые астраханские рабочие ее смыли в буквальном смысле слова. Они открыли водопроводные краны, и ледяная вода

---

⁴⁸³ Совр. ул. Анри Барбюса.

⁴⁸⁴ Ул. Куйбышева и Адмиралтейская соответственно.

⁴⁸⁵ Голос революции. 1917. 4 фев.

⁴⁸⁶ Совр. ул. Ленина.

⁴⁸⁷ Площадь напротив совр. администрации Кировского района г. Астрахани.

⁴⁸⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁴⁸⁹ Район совр. гимназии № 3.

⁴⁹⁰ Аристов М. Л. Январские дни 1918 года в Астраханской губернии. Астрахань, 1925. С. 35.

вынудила промокших казаков покинуть позиции. Сильные перестрелки шли на Селенах и у Ямгурчеевского моста. Примерно час ушел на взятие железнодорожного вокзала⁴⁹¹.

«По сигналу колокольного звона, ровно в 12 часов дня, – описывал командир 1-го революционного отряда ловцов Бессонов, – мы перешли в наступление, перешли Кутум, подошли к валу, заняли школу глухонемых, сетную фабрику, а отдельная часть отряда подошла к стенам Ивановского монастыря. И вот, лежа за валом, увидели начавшееся бегство белых. Показали автомобили белых и верховые казаки по два человека на лошади. Путь они держали по направлению к Казачьему бугру. Это было не отступление, а беспорядочное бегство. Рабочие, которые были присоединены к нам в количестве 700 человек, видя такое бегство белых, бросились в наступление густыми колоннами, держа в руках пики и с криком “ура”, дошли до нас и пошли дальше. Большое усилие нужно было, чтобы удержать рабочих, но бесполезно. Колонны их пошли дальше и увлекли наши части. План был нарушен»⁴⁹².

---

⁴⁹¹ ГААО. Ф. 1926. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

⁴⁹² Астрахань и январские дни 1918 года. Астрахань, 1925. С. 69.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.